

КАК ВЫЖИТЬ В ТОЛПЕ И ОСТАТЬСЯ САМИМ СОБОЙ

КНИГА - СЕНСАЦИЯ

*OCR, корректура и создание e-book
2005 Alex Fritzler
aldan@inbox.ru*

ВНИМАНИЕ!

После ознакомления с данной книгой в течение одного месяца Вы обязаны удалить ее с Вашего компьютера.

В случае нарушения данного обязательства, Вы нарушите закон "Об авторском праве и смежных правах".

Электронная версия данной книги создана исключительно с ознакомительной целью.

Право на частное или коммерческое использование принадлежит авторам и организациям правообладателям.

По вопросам приобретения печатной или электронной версии данной книги обращайтесь непосредственно к законным издателям, их представителям либо в соответствующие организации торговли.

Серия «Книга-сенсация»

Гладышев С.

КАК ВЫЖИТЬ В ТОЛПЕ И ОСТАТЬСЯ САМИМ СОБОЙ

*Ростов-на-Дону
«Феникс»
2004*

Гладышев С. А.

Г52 Как выжить в толпе и оставаться самим собой. — Ростов н/Д: «Феникс», 2004. — 384 с. (Серия «Книга-сенсация»)

Подавляющее большинство написанных книг по практической психологии и психотерапии реализуют концепцию адаптации каждого человека к общепринятым стандартам поведения и мировоззрения. Индивидуальное своеобразие человека, нарушающее гармонию его отношений с окружающими квалифицируется как аномалия, которую следует бескомпромиссно устранять. В итоге в обществе носители наиболее ярко выраженной индивидуальности оказываются под тотальным прессингом, формирующим у них комплекс неполноценности и заставляющим насиливать свою природу с целью переделки себя под усредненные шаблоны.

Данная книга реализует совершенно иной подход к разрешению конфликта между оригиналами и безликим большинством общества, именуемым толпой. Во-первых, она решает задачу ментальной реабилитации индивидуального своеобразия в мировоззрении и жизненной практике. Читателю достаточно аргументировано объясняется, что своей непохожести на других надо не только не стыдиться, но, наоборот, рассматривать ее как свое психологическое достоинство, нуждающееся в дальнейшем развитии. Во-вторых, данная книга предлагает читателю набор практических рекомендаций, направленных на конструктивное разрешение или сглаживание конфликтности его отношений с окружающими людьми. В-третьих, в книге содержится рассмотрение некоторых способов и путей продуктивной и реализации своего индивидуального своеобразия. И, наконец, в-четвертых, в книге предлагается к обсуждению несколько своеобразный взгляд на некоторые проблемы современного общества, связанные с данной тематикой, и варианты их преодоления.

ISBN 5-222-04779-2

ББК88

© Гладышев С., 2004

© Оформление, изд-во «Феникс», 2004

ВВЕДЕНИЕ

В человеческом обществе всегда были люди, которые не могли или не хотели жить «как все». Могу привести подобный случай из своей жизни — зашел я как-то к одному знакомому домой и восхитился их коллекцией комнатных растений: «Да вот, хобби моей жены... — протянул приятель. — А ты что, интересуешься?» «А как же! — ответил я. — Знакомые все «лица»! Вот тут у вас великолепная драгоценна душистая массангеена. Это монстера. Место для нее темновато, потому и дырок у нее на листьях немного. Дальше замиокулькас, старая кордилина, циперус (какой огромный!), фикус Мелани, гиппеаструм, адиантум, хойя мясистая, стапелия (запах падали любите! Ну-ну), сансевиерия, фикус эластика Робуста, гемантус белоцветковый (себе такой нигде найти не могу), фикус Бенджамина вариегата, занедесхия эфиопская, крошечный антуриум Андре (при опрыскивании цветы закрывают, а то от воды они у вас чернеют), нефролепис и т. д., и т. д...» — продолжил я до бесконечности.

Надо было видеть физиономию моего знакомого! Очевидно, он никак не ожидал услышать подобное от мужика, внешне более напоминающего «быка» из местной банды рэкетиров, чем какого-нибудь «ботаника». Такому больше подошло бы носить на волосатой груди огромную «голду без гимнаста», топорщить пальцы-сосиски веером и интересоваться классными тачками... Но куда там! С тачками как раз у меня до недавнего времени все было наоборот — когда очередной родственник или приятель начинал спрашивать:

«Ты чего себе машину до сих пор не купил? Денег, что ли, не хватает?» — «Да нет, почему — хватает... Просто она мне не нужна». — «Как это, не нужна?! Ты серьезно?» — «Ну да, я же из дома-то далеко не каждый день выхожу. А мороки с этой машиной сколько? Не-е-е... Ну ее на фиг!» Обычно после этого больше вопросов не следовало, но и понимание в глазах собеседника явно не читалось. Представляю, как реагировали окружающие на товарища Сухова, который запросто отказался от дармового коня. На юге мужчины так к коню (а сейчас — к машине) не относятся! Настоящий мужик должен быть при коне (на колесах), даже если ему это и без надобности. Семью разори, но хотя бы какую-нибудь клячу/развалюху купи!

Среди единообразного большинства люди по-разному относились к таким «ненормальным»: кто-то считал их чудаками и обреченно-снисходительно — «Ну что с дурака возьмешь? Горбатого могила исправит...» — махал на них рукой. Других членов общества инакость этих «недоделанных» раздражала, и они считали себя вправе прилагать все усилия, чтобы либо подогнать их под общепринятый стандарт, особо не интересуясь отношением к этому самого объекта исправления, либо изгнать этот «человеческий мусор» из общества как угрозу его спокойной жизни.

У большинства читателей, предполагаю, всплыли сейчас в памяти образы конкретных людей и конкретных ситуаций из своей жизни, в отношении которых эти слова могли бы быть верными. В противном случае могу посоветовать обратиться к творчеству писателя Сомерсета Моэма, который в романе «Луна и грош» описал именно такого чудака-художника, прообразом которого был вполне реальный Поль Гоген. Григорий Горин великолепно выяснил эту тему в своей киноповести «Тот самый Мюнхгаузен». Александр Грин главными героями сделал подобных людей во всех своих сочинениях. А знаменитый Левша Николая Лескова! Подобные примеры можно продолжать до бесконечности.

Но не только в художественных произведениях неосвещенный читатель может найти описания таких людей и особенностей их жизни. Биографии тех же самых литераторов лучше всяких романов рассказывают нам о том, какими оригиналами они были и сколько проблем в отношениях с окружающими их людьми в связи с этим имели. Наиболее яркими представителями этого типа людей я могу назвать того же Сомерсета Моэма, Оскара Уайльда и Льва Толстого.

Для того чтобы заметить таких оригиналов вокруг себя, осознать особенности их необычной жизненной позиции, многое не надо — всего лишь принять предложенную мною в данной книге точку зрения, и примеры сами полезут в глаза. Хотя открытия иногда и запаздывают. Так, например, мне пришла в голову мысль о том, что сталкер из одноименного фильма Тарковского, виденного мною ранее неоднократно, является именно таким ярко выраженным чудаком со всеми характерными психологическими особенностями. Но произошло это озарение только тогда, когда я услышал начало этого фильма по телевизору в момент, когда практически уже дописывал данную книгу. Буквально одна фраза сталкера, которую он в ответ на упрек своей жены, что за очередную вылазку в Зону его снова посадят в тюрьму, бросил ей в отчаянии: «Господи, да для меня везде тюрьма!» — выражает весь драматизм жизни маргинала.

А как быть тем читателям, кому такие примеры не дают ясного представления об этой теме, или рассмотрение ее в таком задаваемом мною ракурсе не по вкусу? В этом случае следует сразу признать, что эта книга попала в его руки по ошибке, и ему лучше оставить попытки осилить ее содержание.

Итак, жить таким оригиналам среди людей всегда было непросто. Представители доминирующего в обществе большинства могли научить человека успешно существовать только по своему образу и подобию. Но воспитатели обычно перед собой не ставили задачу научить оригинала

гармонично жить в обществе, сохраняя свое своеобразие. «Не хочешь быть как все — живи, как знаешь, только нам не мешай. И Бог тебе судья...» Вот и мучились такие чудаки как от своей неспособности или нежелания использовать практические навыки жизни окружающих, торя свою дорогу методом проб и ошибок (за которые «нормальные» люди часто с удовольствием их наказывали), так и из-за агрессии раздраженных соседей, не желающих мириться с необходимостью искать к некоторым соплеменникам индивидуальный подход.

В настоящее время вроде бы не только поощряется общественная терпимость к оригинальности в жизненной позиции отдельных людей, но даже декларируется желательность для общества своеобразия личности и индивидуальной неповторимости каждого человека. Однако если проанализировать состав психологической и педагогической литературы, то налицо будет практически полное отсутствие пособий и руководств для оригиналов, которые помогли бы им наладить гармоничную жизнь в обществе без переделки своей природы под единый стандарт. Зато как раз задачам уничтожения в человеке всего того, в чем он не похож на остальную единобразную социальную массу, посвящены тысячи фундаментальных трудов «специалистов» по производству добропорядочных и удобных в обхождении членов общества.

Данной книгой я попытался хотя бы частично восполнить этот чудовищный пробел в литературе. Я написал ее для тех, кто по жизни выпадает из толпы и не стремится в нее возвращаться, становясь частью безликой массы, но испытывает из-за этого определенные проблемы в отношениях с людьми.

Поэтому героем этой книги является маргинал — так я называю человека, который не может и не хочет жить так, как живет подавляющее большинство общества, являющееся толпой. Эти два понятия — «маргинал» и «толпа» — яв-

ляются определяющими в тех отношениях между людьми, которым уделяется далее столь пристальное внимание. Анализ природы маргинальности жизненной позиции и толпы как формы организации общества, а также противоборства между ними и составляет основу содержания книги. Чтобы маргинал сумел наладить свою жизнь относительно комфортно в такой враждебной среде, ему потребуются дополнительные психотехнические навыки. Я надеюсь, что те советы и рекомендации, которые читатель найдет далее, помогут ему, позволив сохранить при этом свою инакость и обойтись без неоправданных жертв в угоду нетерпимому большинству.

С отзывами и пожеланиями по теме данной книги вы можете обращаться по электронному адресу автора:

gladyshev_sergei@mail.ru.

Часть 1

МАРГИНАЛ В ОБЩЕСТВЕ

Глава 1. ТОЛПА И МАРГИНАЛЫ

МАРГИНАЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В ОБЩЕСТВЕ - ЭТО ЧТО: ПРИГОВОР, ДИАГНОЗ, СУДЬБА ИЛИ МИССИЯ?

Суть вопроса

Наличие в обществе отдельных чудаков не следует воспринимать как неизбежный процент брака при производстве себе подобных. Маргинальность как явление присуща не только человеческому обществу, но и всей природе. Мало того, особи, выпадающие из однообразной массы своего племени, выполняют для своего вида очень важную роль его эволюционного развития, а в наиболее кризисные периоды даже способствуют его выживанию.

Однако когда жизнь у общества становится спокойной и благополучной, его большинство перестает ценить своих спасителей и первопроходцев. Скорее наоборот, окружающих начинает все более раздражать определенное неудоб-

ство совместной жизни с беспокойными чудаками. В результате этого последние и встают перед выбором: либо уходить из недружелюбного к ним общества, либо становиться такими, как все. У кого есть возможность уйти, те становятся пионерами освоения новых земель. Кому-то удается хоть как-то приспособиться к более-менее мирной жизни со своими окружающими. Но значительная часть чудаков, оказавшихся не в состоянии сделать ни того, ни другого, психологически ломаются, в результате чего в обществе появляются дополнительные алкоголики, наркоманы, преступники, юродивые и просто неудачники. Большинство общества обычно считают весь этот сброд «человеческим мусором». Этот психологический статус вынуждены примирять на себя и нереализовавшиеся оригиналы.

У разных народов исторически сложился различный процентный состав маргиналов в обществе. Меньше всего их, к примеру, в Японии и Германии. Россия же славится одним из самых высоких процентов чудаков, причем как реализовавших удачно свою инакость, так и сломленных большинством.

Куда нам против природы?
И дело дрянь, и лету конец.
И только, споря с погодой,
Поет какой-то глупый скворец.
Друзья давно отсвистели
И, улетая, звали с собой:
«А завтра грянут метели,
Кому ты будешь нужен зимой?
А он, чудак, не мог понять
никак:
Куда улетать,
Зачем его куда-то зовут,
Если здесь его дом, его песни,
Его родина тут,
И кому весной его трель
нужна,
Ежели весна и без того весна,
И кто сказал,
Что песням зимой конец? –
Совсем не конец!

(Фрагмент песни
«Глупый скворец» Андрея
Макаревича)

Живу привольно и кудряво,
поскольку резво и упрямо
хожу налево и направо
везде, где умный ходит прямо.

(Игорь Туберман)

Я раздражал собой не всякого,
но многих — я не
соответствовал
им тем, что жил не одинаково
с людьми, с которыми
соседствовал.

(Игорь Туберман)

Аргументы

Маргинальность как явление широко распространена в природе и является не просто досадным сбоем в процессе репродукции органической материи, а выполняет важнейшую функцию в ее эволюции. Именно маргиналы — особи, чьи биологические и поведенческие характеристики отличаются от устоявшегося в данном виде животных или растений эталона, — являются, как говорят биологи, эволюционным авангардом. Этот авангард выводит вид на новые эволюционные пути в ситуации, когда условия его существования изменяются настолько, что привычный образ жизни и соответствующие ему анатомо-физиологические параметры особей оказываются уже неадекватными новой среде обитания настолько, что встает вопрос выживания вида в целом.

Не является исключением в этом плане и человек, хотя у него эволюционные механизмы разворачиваются не столько в биологическом аспекте, сколько в поведенческом. Когда человеческое общество (племя, род) сталкивается с тем, что привычные способы добывания пищи или, скажем, организации быта перестают приносить ожидаемый результат, именно поведение различных чудаков, которые склонны даже в благополучные времена все делать не так, как это принято в обществе, позволяет найти новый эффективный образ жизни. Таких людей тянет попробовать новый вид пищи даже тогда, когда достаточно и привычной уже еды; охотятся они не там, где дичи много и ее легко взять, а все время ищут новые места; согреваются не простым укутыванием в шкуры, а подбрасыванием сухих веток в огонь; мастераят каменный топор вместо привычной дубины — эти и многие другие примеры показывают путь развития человечества вслед за маргиналами.

Говоря о роли маргиналов как эволюционного авангарда, следует заметить, что в обществе потребность в них возникает лишь время от времени. А когда жизнь общества

налаживается в стабильной среде, эта нужда в маргиналах у него пропадает. И так как маргиналы своим поведением обычно у членов толпы вызывают беспокойство и раздражение, на них начинают давить. Это может привести либо к исходу маргиналов из общества, либо к их слому, либо к гибкой адаптации. Возможен и четвертый вариант судьбы маргинала, никак не связанный с оказываемым на него давлением: некоторые в условиях стабильной жизни «скисают», не находя для себя путей достойного самовыражения. Такие «скисшие» вместе со сломленными маргиналами через алкоголизацию, наркоманию и преступность формируют «мусор» общества.

Исход маргиналов из общества проходит либо в форме колонизации новых земель (если такие есть) — от выделения хуторов до освоения удаленных регионов, либо в форме эмиграции в малонаселенные страны.

Здесь для маргинала оказывается уместной латинская поговорка *bene vixit, qui bene latuit* — «хорошо живет тот, кто живет в уединении». Лучшим примером такого исхода маргиналов в освоение новых земель в отечественной истории является казачество. Очень уместным здесь будет замечание Сомерсета Моэма в романе «Луна и грош» по поводу того, как относились люди к его герою — художнику Стрикленду, типичному маргиналу: «На этом далеком острове (Тайти) к нему, видимо, относились не с озлоблением, как в Англии, но, напротив, сочувственно и охотно мирились со всеми его выходками. Эти люди — туземцы и европейцы — считали его чудаком, но чудаки были им не внове. Они считали вполне естественным, что мир полон странных людей, которые совершают странные поступки.

Мне в жизни крупно
пофартило
найти свою нору и кочку,
и я не трусь в толпе актива,
а выживаю в одиночку.

(Игорь Губерман)

Всегда и всюду тот, кто
странен,
кто не со всеми наравне,
нелеп и как бы чужестранен
в своей родимой стороне.

(Игорь Губерман)

Они понимали, что человек не то, чем он хочет быть, но то, чем не может не быть. В Англии и во Франции Стриклэнд был не к месту, а здесь находилось место для самых различных людей, не подходящих ни под какую мерку. Не то чтобы он на Таити стал добр, менее эгоистичен и груб, но оказался в условиях более благоприятных. Если бы он прожил здесь всю жизнь, то и считался бы не хуже людей. Здесь он получил то, чего не хотел, да и не ждал от своих соотечественников, — доброжелательное отношение». То есть на окраинах цивилизации, где сбежавшие от толпы маргины перемешиваются с терпимыми к чудакам аборигенами, часто формируется достаточно комфортная для изгоев общество среда.

Наиболее психологически гибким маргиналам удается наладить свою оригинальную жизнь и среди толпы. Происходит это в основном благодаря соответствующей профориентации (пример — интеллигентные дворники и кочегары в Москве в советское время) и некоторой самоизоляции своих мирков от окружения. Если же маргинат жестко занимает непримириющую позицию, то травля толпы может привести и к трагедии. Наиболее известным историческим примером может служить судьба Сократа, казненного по совершенно надуманным обвинениям.

Следует заметить, что у разных народов исторически сложилось различное отношение к своим маргиналам. Те народы, у которых потребность в маргиналах из-за нестабильных клима-

Порою из дурных качеств складываются великие таланты.

(Ларошфуко)

Гений — это человек, который далеко до других.

(Андрей Кнышев)

В России нет средних талантов, простых мастеров, а есть одинокие гении и миллионы никуда не годных людей. Гении ничего не могут сделать, потому что не имеют подмастерьев, а с миллионами ничего нельзя сделать, потому что у них нет мастеров. Первые бесполезны, потому что их слишком мало; вторые беспомощны, потому что их слишком много.

(Василий Ключевский)

тических и социальных условий возникала часто, формировалось более терпимое отношение к чудакам. Примером этого может служить Россия с Иваном-дураком в роли главного и любимого героя в сказках, а также прижизненные (что очень редко встречается у людей!) почет и уважение нашего народа к одному из самых великих маргиналов в истории человечества — Льву Толстому. Это способствовало увеличению доли маргиналов среди населения нашей страны и нарастанию их отличия от стандартов поведения в обществе.

Возможны и другие пути накопления маргиналов в обществе. Если в спокойные периоды у маргиналов была возможность к исходу в новые земли без полного отрыва от общества, то толпа по мере разрастания своей страны «настигала» и поглощала такие обособившиеся массы маргиналов. Именно так это и происходило у русских с казачеством на окраинах. Все это привело к формированию очень своеобразного национального характера, особенности которого тот же Сомерсет Моэм описал так: «У русских есть явное преимущество перед нами: они не так подчиняются условностям, как мы. Русскому никогда не придет в голову, что он должен делать что-то, чего не хочет, только потому, что так положено. Почему он веками так покорно переносил

Жил человек в эпохе некой, твердил с упрямостью свое, она убила человека, и стал он гордостью ее.

(Игорь Губерман)

Я живой и пока не готов умирать.

Я свободу обрел. Надо путь избирать.

А повсюду стоят, как большие гробы, типовые проекты удачной судьбы.

(Игорь Губерман)

Когда хотят сделать людей добрыми и мудрыми, терпимыми и благородными, то неизбежно приходят к желанию убить их всех.

(Максимилиан Волошин)

На голодный желудок русский человек ни делать, ни думать ничего не хочет, а на сытый — не может...

(Андрей Кнышев)

Торчащий гвоздь забивают.

(Японская пословица)

Богата зарытыми талантами земля наша!

(Андрей Кнышев)

гнет (а он явно переносил его покорно, ведь нельзя представить, чтобы целый народ мог долго терпеть тиранию, если она его тяготила)? Потому что, невзирая на политический гнет, он лично свободен. Русский лично куда более свободен, чем англичанин. Для него не существует никаких правил. Он ест, что ему нравится и когда заблагорассудится, одевается, как вздумается, невзирая на общепринятую моду; свои повадки он считает настолько само собой разумеющимися, что и окружающие так их воспринимают; и хотя нередко он разглагольствует из желания покрасоваться, он никогда не стремится казаться не тем, кто есть, лишь склонен чуточку прихвастинуть; его не возмущают взгляды, которых он не разделяет; он приемлет все и в высшей степени терпим к чужим чудачествам как в образе мыслей, так и в поведении».

Иная картина наблюдалась у народов, зажатых в определенных границах соседями или географическими пределами и живших в относительно стабильной природной среде (примером могут служить немцы, англичане или японцы). В таких обществах маргиналам места не было и толпа их безжалостно травила, что приводило к эмиграции (России в этом плане повезло, так как значительная доля немецких маргиналов перебралась на ее просторы, увеличив долю местных чудаков) или безжалостной ломке (японская культура знаменита своей системой подавления любых отклонений в поведении человека от устоявшихся в обществе стандартов).

В итоге в настоящий момент именно немцы, англичане и японцы славятся как народы, сплошь состоящие из добродорпорядочных и дисциплинированных работников, далеко

Когда кругом кишит
бездарность,
кладя на жизнь свое клише,
в изгойстве скрыта
элитарность,
весыма полезная душа.

(Игорь Губерман)

Я повзрослел, когда открыл,
что можно плакать или злиться,
но всюду тьма то харь, то рыл,
а непохожих бьют по лицам.

(Игорь Губерман)

не всегда способных к уникальному творчеству. Россия же обладает чрезвычайно малым ядром средних людей, что приводит к стойкой неспособности ее населения создавать поточные производства массовых и качественных товаров. Наличие же большого количества маргиналов из поколения в поколение поставляло массу талантов-самородков в тех случаях, когда необычность человека находила конструктивный и полезный способ реализации. Из другой части русских маргиналов получалась армия пьяниц и разбойников. Поэтому и на бунт русский народ так легко поднимается — слишком невелик у него размер консервативного ядра, являющегося инерцией общества. Но, с другой стороны, в русском народе всегда было в избытке пассионариев для реализации грандиозных проектов типа поворота сибирских рек.

Выводы и рекомендации

Во-первых, любой чудак, которого окружающие люди всячески пытаются убедить в том, что он «недоделанный», может попытаться взглянуть на себя с другой точки зрения. Осознание, что ты являешься эволюционным авангардом общества, способно помочь психологически выдерживать прессинг окружающих людей. Представьте себе человека, который может выбрать для себя один из двух психологических статусов: либо чувствовать себя никчемным неудачником, либо потенциальным гением, которому, возможно, суждено стать спасителем человечества. Я думаю, что выбор второй альтернативы сделает жизнь психологически менее тяжелой.

Во-вторых, у любого оригинала всегда есть шанс выжить в третируемом его обществе, сохранив при этом свое индивидуальное своеобразие. Но для этого надо овладеть определенными психологическими приемами взаимодействия с

окружающими людьми, о чем пойдет речь в следующих главах книги.

В-третьих, если какой-либо маргинал не чувствует в себе душевных сил бороться с обществом за свое право быть не-похожим на других, но полон решимости преодолеть все трудности нелегкой жизни на новом, еще не обжитом месте, то он всегда может отправиться один или в компании других чудаков в безлюдное место, чтобы там попытаться самостоятельно организовать такую жизнь, какая его устраивает.

МЕХАНИЗМ ДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА НА ТОЛПУ И МАРГИНАЛОВ

Суть вопроса

Деление общества на толпу и маргиналов в таком виде, как это мы можем наблюдать в любой момент, не является изначальным, а возникает в результате определенных социальных механизмов взаимодействия между членами складывающегося общества. Основным среди них является механизм группирования наиболее похожих друг на друга людей.

Эти члены общества, объединившись в группу, составляющую его большинство, устанавливают групповые ценности и нормы поведения. Затем, используя свою силу большинства, группа начинает распространять свои правила и на других членов общества, которые до поры до времени оставались психологически независимыми. Большинство принуждает одиночек строго исполнять свои групповые нормы поведения и ценности, превращая их в законы всего общества. Однако давление новообразованная толпа оказывает не только на тех, кто оказался на ее границе или за ее пределами (отсюда и происхождение слова «марги-

нал» — латинское слово «*margo*» переводится как «край, граница», которое обозначает человека, находящегося на периферии социальной структуры общества), но и на каждого своего члена. Любой человек, желающий гармонично слиться с массой, должен отдать ей часть своей личностной и поведенческой свободы.

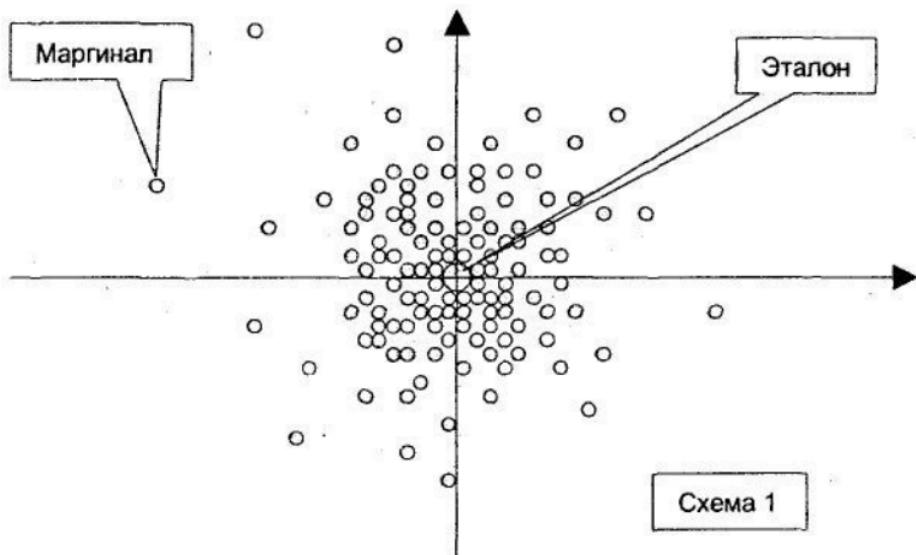
Это оказывается психологически неприемлемым для некоторых членов общества, которые по своей сути не являются ярко выраженнымми оригиналами, но хотели бы сохранить свою личностную свободу. Таких людей толпа может из-за их сопротивления групповому давлению вытолкнуть на периферию общества, в результате чего они становятся вынужденными маргиналами, присоединяясь к числу истинных маргиналов. Последними оказываются те первичные маргиналы, которые оказали сопротивление давлению толпы ради сохранения своей инакости. Однако не все первичные маргиналы оказываются способны на это, и какая-то их часть вливается в толпу, предав свою изначальную сущность. Таких людей можно назвать сломленными или нереализованными маргиналами.

Вдобавок к этому в толпе среди ее членов возникает психологическая реакция на групповое подавление индивидуального своеобразия. В результате этого некоторые люди, являющиеся по духу и сути членами толпы, проявляют протестное поведение, эпатируя окружающих подчеркнутым пренебрежением к групповым нормам и ценностям. Однако настоящими маргиналами они не являются, так как психологически остаются зависимыми от толпы. Их можно назвать псевдомаргиналами (или ложными маргиналами).

Аргументы

Если в обществе среди всех его членов выбрать человека, который по всем антропологическим и психологическим

характеристикам является «средним арифметическим» («посредственность»), и поместить его в центр системы координат, то остальные люди этого общества расположатся вокруг него приблизительно так.

Небольшая часть общества окажется рассеянной на большом расстоянии от центра, формируя своеобразную «окраину».

Таким образом, общество изначально делится на ядро и первичных маргиналов. (Отличным образом первичного маргинала является андерсеновский Гадкий утенок, который и рад был бы органично влиться в стаю, да «фэйсом» не вышел.) После такой изначальной дифференциации общества в его ядре начинают действовать групповые механизмы, приводящие это срединное большинство к сплочиванию и формированию у него единых норм и ценностей, разделяемых каждым членом группы. На основании отношения членов общества к этим групповым нормам и ценностям ядра появляется деление на «чужих» и «своих». Если первичный маргинал не склонен воспринимать групповые нормы ядра как свои собственные и предпочитает сохранить свою независимую позицию, тол-

па признает его «чужим» со всеми вытекающими из этого последствиями. Так, например, происходит экспансия толпы на жизненное пространство маргиналов: «Это лес деревни, и вы не имеете права в нем рубить себе дрова. Или селитесь в деревне и подчиняйтесь нашим законам, или убрайтесь отсюда подальше!» И это при том, что маргинал всю свою жизнь чувствовал себя в этом лесу как дома. Толпа вообще склонна признавать «своей собственностю» («сферой интересов») любое пространство, куда она только может дотянуться и в котором видит хоть какую-то для себя пользу. И то, что в этом жизненном пространстве существует еще кто-то, не входящий в толпу, ее нисколько не интересует. Показательно в этом плане по аналогии интерпретировать международные отношения, в которых рассматриваемый механизм структуризации действует на уровне стран. Очевидно, что в данный момент в мире сформировалась толпа стран, возглавляемая США, которая фактически приватизировала планету и тратит любые нации, которые не желают влияться в нее рядовыми (второстепенными, так как ведущие роли в толпе уже поделены!) членами.

Но на выделении первичных маргиналов процесс дифференциации общества не заканчивается. Какая-то часть первичных маргиналов может отказаться от своего исходного своеобразия и виться в толпе, став ее безличным членом. Таких ждет участь невротиков и неудачников, так как им для

В толпе не теснюсь я вперед,
ютясь молчаливо и с краю:
я искренне верю в народ,
но слабо ему доверяю.

(Игорь Губерман)

Если сто бегунов, как один
бегун,

Это можно назвать так и сяк:
У лошадей это будет табун,
У рыб это будет косяк.

Лишь в стаде баран доверяет
судьбе,

За что он и признан скотом,
И только кошка гуляет сама по
себе,

И лишь по весне — с котом.

(Фрагмент песни
Андрея Макаревича
«Песенка про кошку,
которая гуляет сама по
себе»)

Чем отчетливее личность,
тем одиноче человек.

(Игорь Губерман)

слияния с толпой приходится на- силовать свою природу. Поэтому они всегда либо проигрывают в конкурентной борьбе другим — естественным — членам толпы, либо добиваются социального успеха ценой серьезной деформации своей личности. Тем не менее, несмотря на свою неполную идентичность стандартам толпы, новичок после приема в группу проявляет очень характерное по- ведение, которое можно было бы назвать «эйфорией неофита». Проявляется оно обычно:

1. Восторженностью.
2. Сверхприверженностью групповым ценностям и иде- ям. Неофит часто оказывается более яростным по- клонником групповых стандартов, стараясь не просто быть в пределах групповой нормы, а максимально соответствовать ее идеалам и демонстративно подчеркивать это. Причем неофиты тщательно контролируют не только свое собственное соответствие общепринятым эталонам, но и всех остальных членов толпы. Из них получаются самые яростные хранители групповых ценностей.
3. Агрессивным экспансионизмом. Неофиты часто оказываются очень энергичными проповедниками и рас- пространителями групповых ценностей и норм пове- дения среди людей, не входящих в их группу. Именно из их числа вербуются «крестоносцы», оказывающие давление на окружение группы, вынуждающее «языч- ников» либо принимать «правильную веру», либо по- гибать, либо бежать от такой толпы на край света.

Примером «эйфории неофита» может служить поведение натурализованных иммигрантов, которые часто прояв-

Наши дороги — простор и
шоссе,
легок житейский завет:
думай, что хочешь, но делай,
как все,
иначе — ров и кювет.

(Игорь Губерман)

Когда я спешу, суетясь и сную,
то словно живу на вокзале
и жизнь проживаю совсем не
свою,
а чью-то, что мне навязали.

(Игорь Губерман)

ляют значительно больший патриотизм, чем коренной житель страны. Другой пример — новые члены НАТО (Чехия, Польша, Венгрия), которые в недавнем (1999 г.) Балканском кризисе часто демонстрировали неадекватную инициативность, а также развернули изрядную активность по принятию в ряды блока новых восточноевропейских стран.

В основе такой «эйфории неофита» лежат следующие психологические механизмы и явления:

- 1) благодарность за оказанное группой доверие;
- 2) страх перед возможностью возврата, когда по какой-либо причине группа может отменить его членство («ошибочка вышла — тебя с другим перепутали»);
- 3) страх оказаться последним неофитом. Последующий прием новых членов можно воспринимать как подтверждение своей правоты в принятии решения добиваться членства в группе. Если же после неофита никто больше не изъявил желания влиться в группу, то его будут мучить сомнения, что остальные оказались умнее, успели сориентироваться в ситуации и «нажали на тормоза»;
- 4) продолжение внутренней борьбы со своими сомнениями по поводу присоединения к группе;
- 5) ненависть к тем кандидатам, кто решил иначе (не стал входить в группу) и, возможно, в будущем окажется прав.

Помимо механизма естественного образования первичных маргиналов, возможно формирование вынужденных отшепенцев, когда человек, исходно оказавшийся в ядре общества, ради сохранения свободы своей личности предпочитает выделиться из формирующейся толпы. Примером такого выбора может послужить судьба Александра Галича, жизнь которого разделяется на две абсолютно непохожие половины. Вначале он был известен как успешный элитарный творческий интеллигент, обласканный советской властью. Но после того как цензура за короткий период времени

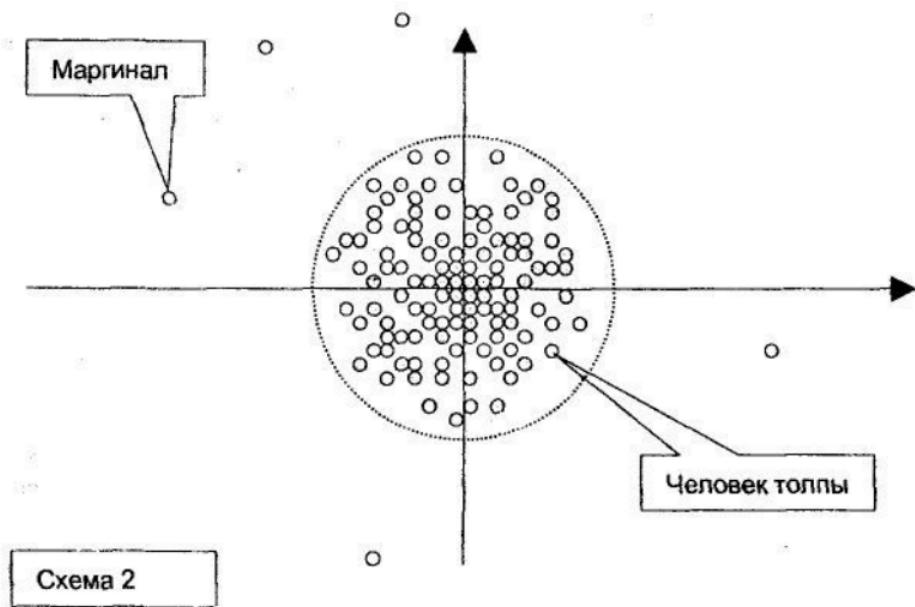
«зарубила» три его талантливые, но несколько вольнодумные пьесы, он выбрал для себя позицию откровенного маргинала, предпочтя жизнь свободного, пусть и подпольного, барда подгонке своего творчества в идеологические рамки власти толпы.

К вынужденной маргинализации человека может подталкивать и роль, отводимая ему в толпе ее лидерами. В любой группе всегда складывается какая-то иерархия, и кому-то неизбежно достается место «у параши». Не желающие мириться с таким положением, но не обладающие достаточным влиянием для повышения своего места в иерархии также становятся вынужденными маргиналами. Возвращаясь к международной политике, обнаруживаем, что именно это сейчас происходит с Россией в отношениях со странами Запада.

Дополнительно к этому можно упомянуть и действие таких психологических факторов дифференциации общества на толпу и маргиналов, как искажение восприятия «чужих» «своими» и подтверждающее поведение первых этого противопоставления. Говоря простым языком, получается, что люди толпы воспринимают непохожего на них человека необъективно. Это приводит к тому, что в их поведении появляется некоторое предубеждение против такого оригинала, которое заставляет его нервничать, «дергаться», подтверждая тем самым предположения толпы о своей «ненормальности». В «Социальной психологии» Дэвида Майерса описаны эксперименты, из которых следует, что если мы в человеке видим что-то необычное, то воспринимать дальнейшее его поведение будем необъективно. Так, например, «студентам предлагали просмотреть видеозапись читающего человека. Они смотрели с большим вниманием, когда об этом человеке сообщалось нечто необычное: что он — пациент онкологической клиники, гомосексуалист или миллионер. В этих случаях испытуемые обнаруживали у него такие особенности, которым

другие наблюдатели, не получавшие дополнительной информации, не придавали значения; в результате оценки испытуемых выглядели преувеличенными». Вдобавок к этому такая необъективность усиливается эффектом подтверждающего поведения. Когда человек ощущает себя чем-то отличающимся от окружающих и уверен в том, что они обращают на это внимание, его поведение часто становится неестественным, что только усиливает восприятие людьми его необычности. В итоге чуждость маргинала толпе воспринимается ее членами субъективно значительно сильнее, чем есть для этого объективное основание.

В результате действия этих и других механизмов общество оказывается разделенным на сплоченную толпу и разрозненных маргиналов, составляющих в совокупности малозначимое меньшинство. Дистанция реальных различий между ними увеличивается (схема 2) по сравнению с первичной структурой, изображенной на схеме 1.

небольших замкнутых обществах, каким, к примеру, является население деревни в двадцать дворов. Такая упрощенная модель позволяет выпукло проанализировать психологические механизмы и индивидуальные характеристики, продолжающие действовать и тогда, когда человек из нашей «деревни» попадает в многолицую среду большого города. Если это человек толпы, то где бы он ни оказался, в какую бы ограниченную группу людей он ни попал бы, везде он будет искать толпу, с которой можно было бы слиться.

Кому-то из читателей, возможно, покажется, что людей, которых я называю маргиналами, в обществе давно принято называть аутсайдерами. Не могу согласиться с идентичностью этих понятий, так как, несмотря на этимологию слова «аутсайдер», которая действительно их роднит, в обществе аутсайдерами привыкли называть отстающих, последних, неудачников, вкладывая в это понятие пренебрежительно-презрительное отношение окружающих. Тем самым делается акцент на нахождение человека на одной стороне общества — сзади по отношению к направлению его движения. Маргиналы же в равной степени могут быть и впереди, и по бокам. Именно поэтому я более склонен использовать менее затасанное и не столь испорченное негативным контекстом слово. Хотя, следует признать, что и слово «маргинал» уже начинают использовать совершенно не к месту, называя им различных экстремистов, любителей эпатажа или откровенных отбросов общества. Для того чтобы избежать подобной путаницы, я обращаю внимание читателя на то, что настоящий маргинал не выносит двух состояний: находиться в толпе и следовать какой-либо моде (более подробно эти аспекты маргинальности будут рассмотрены в следующих главах книги). Поэтому называть какого-нибудь экстравагантного человека, не вылезающего из различных богемных тусовок и меняющего свою форму и содержание вслед за изменением моды на эпатаж — вчера он был панком, сегодня анархист, а завтра станет геем, — будет невер-

но. Этот человек является типичным человеком толпы, нуждающимся в ее атмосфере как в наркотике, а его непохожесть на окружающих ни о чем не говорит. Либо он ориентируется на толпу эпатажных личностей, подражая им, либо на толпу обывателей, противопоставляя себя ей. В любом случае внутренний мир и внешнее обличье такого человека определяется какой-либо толпой. Истинный же маргинал является таким, какой он есть, независимо от существующей в толпе моды. Иногда мода толпы меняется так, что маргинала по внешности оказывается трудно от нее отличить, но это совпадение — исключительно временное явление, так как толпа вслед за изменчивой модой и дальше будет дрейфовать, а маргинал где был, там и останется. Правда, и маргиналы тоже меняются по жизни, но эти перемены обусловлены законами развития их неповторимых личностей, а не влиянием окружающей толпы. Так что мы имеем два независимых друг от друга дрейфа — моды толпы и вкусов маргинала, которые могут время от времени и пересекаться. Маргинала уместно сравнить с кошкой, которая гуляет сама по себе.

Толпу эпатажных людей можно назвать маргинальной, так как их поведение сильно отличается от принятых в обществе стандартов, но это не будет означать, что она состоит из маргиналов, так как из истинных маргиналов толпа даже теоретически не получится в силу их психической природы. Маргинальность толпы экстремистов лишь обозначает их дистанцию от толпы обывателей. Поэтому надо четко усвоить, что маргиналы и маргинальные толпы являются различными социально-психологическими явлениями и первые никогда не будут входить во вторые. Иногда в публицистике можно встретить мысль о том, что

Нет, я не лидер, не трибун, с толпой взаимно мы прохладны; те, кто рожден вести табун, должны быть сами очень стадны.

(Игорь Губерман)

во главе толпы может оказаться маргинальная личность. Те маргиналы, которых я описываю в данной книге, в принципе никогда не смогут оказаться в какой бы то ни было толпе: ни в хвосте, ни в голове, ни в центре.

Выводы и рекомендации

Данная книга может оказаться полезной значительно большему количеству членов нашего общества, чем это может показаться на первый взгляд. Если истинных маргиналов в обществе не так уж и много (несколько процентов), то к ним добавляются вынужденные маргиналы — вполне обычные, но свободолюбивые люди. А это еще несколько процентов населения. Они в данной книге смогут найти как объяснение своим проблемам во взаимоотношениях с другими людьми, так и ценные советы, способные сгладить конфликтность их жизни.

Кроме этих двух групп психологически сильных людей, есть еще сломленные и нереализованные маргиналы, которые и рады были бы проявить свое индивидуальное своеобразие, но либо не решаются на это, либо делают это деструктивно (алкоголь, наркотики и другие виды саморазрушения), либо просто не знают, как это можно было бы сделать без чрезмерного напряжения своих сил и отношений с окружающими людьми. Доля этой группы людей в обществе составляет 5—10%.

И, наконец, ложные маргиналы. Если кому-то из них надоел показной эпатаж ради привлечения внимания к себе окружающих людей и он начинает чувствовать в себе силы и желание освободить свою личность от психологических цепей толпы, то здесь он найдет рецепты, как это сделать.

ПРИРОДА ТОЛПЫ

Суть вопроса

Толпа общества, о которой идет речь в данной книге, и уличная толпа, знакомая каждому из нас, — родственные явления. Члены уличной толпы, разойдясь по домам, не перестают быть людьми толпы. Практически все их поведение так или иначе диктуется природой толпы, даже если они в одиночестве ковыряются на грядках своей дачи или сидят перед телевизором. А природа толпы по своей сути эмоциональна. Проявляется это в том, что эмоциональные поля людей, составляющих толпу, объединяются в одно гигантское биополе, генерирующее синхронные волны. И человек в толпе уже не в состоянии испытывать какие-то эмоции, отличные от эмоций толпы. Он счастлив, когда толпа прыгает от радости, и рыдает вместе со своими соседями.

Эмоциональная природа толпы имеет один очень серьезный недостаток, заключающийся в том, что за эмоции в нашей психике отвечают очень древние в эволюционном плане мозговые структуры. Все те отделы мозга человека, которые возникли впоследствии и, собственно, сделали нас homo sapiensами, в толпе отключаются, из-за чего происходит временная деградация психики человека, становящегося в своем поведении и сознании примитивом. И чем умнее человек, попавший в толпу, тем сильнее он теряет, опускаясь до уровня психики самых примитивных ее членов. А так как самые малоразвитые умы в толпе чувствуют себя наиболее уверенно (они ведь мало что в своем «неандертальском» интеллекте потеряли), то именно из их числа и выдвигаются лидеры толпы.

Примитивизация психики людей, оказавшихся в толпе, приводит их к тому, что они начинают проявлять самые негативные стороны своей сущности: безответственность,

жестокость, аморальность, агрессивность, преступность и пр. Человек, оказавшись в толпе, способен совершить поступок, на который он никогда бы не пошел в одиночку.

Толпа современного общества, благодаря высокому уровню развития средств массовой информации и коммуникации, существует всегда и везде. Если ранее житель отдаленного хутора оказывался в вынужденной изоляции от остального общества, то вынужден был жить своей самостоятельной жизнью. Лет двести назад толпа возникала только тогда, когда люди собирались физически на ограниченном пространстве. В наше же время подавляющее большинство населения находится в непрерывном контакте с остальным обществом, что приводит к его полному подчинению природе толпы.

Аргументы

Понятие толпы обычно ассоциируется прежде всего с уличной толпой, представление о которой у многих людей сформировалось непонаслышке. Насколько обосновано объединять такой социально-психологический феномен, как уличная толпа, с рассмотренным выше сплоченным большинством общества? На мой взгляд, основанием к этому может послужить такое явление, как несовместимость большинства маргиналов и уличной толпы. Дело в том, что маргиналы обычно не просто не хотят сливаться с уличной толпой, скажем, по идеяным соображениям, — им это не под силу чисто по психофизиологическим причинам, даже если бы они этого сильно

Умные... всегда с большим подозрением взирали и на ангелов, и на демонов толпы.

(Томас Маколей)

Я не верю в коллективную мудрость невежественных индивидуумов.

(Томас Карлейль)

Не верю в разум коллективный с его соборной головой: в ней правит бал дурак активный или мерзавец волевой.

(Игорь Губерман)

желали. Настоящий маргинал в уличной толпе испытывает жуткий психический дискомфорт, заставляющий его бежать от нее «куда глаза глядят». Лучше всего об этом сказал Мопассан: «Впрочем, я еще и по другой причине испытываю отвращение к толпам. Я не могу ни войти в театр, ни присутствовать на каком-то публичном празднестве. Я тотчас начинаю ощущать какую-то странную нестерпимую дурноту, ужасную нервозность, как если бы я изо всех сил боролся с каким-то непреодолимым и загадочным воздействием. И я на самом деле борюсь с этой душой толпы, которая пытается проникнуть в меня. Сколько раз я говорил, что разум облагораживается и возвышается, когда мы существуем в одиночку, и что он угнетается и приижается, когда мы перемешиваемся с другими людьми... Качества разумной инициативы, свободной воли, благонравного размышления и даже понимания любого отдельного человека полностью исчезают с того момента, как индивидуум смешивается с массой людей» (цит. по: Московичи С. Век толп). Подобное отношение к толпе высказал и Сомерсет Моэм: «Истеричность окружающего мира мне претит, и нигде я не чувствую себя так одиноко, как в толпе, охваченной бурным весельем или столь же бурным горем».

Я уверен в том, что вправе отождествлять сплоченное ядро общества с уличной толпой, так как именно люди, его составляющие, оказываясь на площади, легко формируют эту самую толпу. А раз так, то можно быть уверенным и в том, что любой человек, органично сливающийся с уличной толпой, сохраняет в себе соответствующую психику человека толпы и вне ее, проявляя эти свои особенности в обычном поведении лишь в менее выраженной форме. Человек толпы остается

Возмущенная толпа демонстрантов с лозунгами: «Хватит терпеть бездарей, дураков и бездельников! Пора наконец покончить с собой!»

(Андрей Кнышев)

За народными массами часто следуют каловые.

(Андрей Кнышев)

таковым даже в условиях взаимодействия с каким-либо отдельным человеком без посторонних лиц. Когда люди расходятся после митинга, толпа не перестает существовать — она лишь переходит из уличной формы в скрытую. А рассмотрение феномена уличной толпы именно благодаря своей чрезмерной утрированности во всех психологических проявлениях позволяет нам хорошо понять психическую природу человека социального большинства.

Природа уличной толпы прежде всего эмоциональна. В «Социальной психологии» Дэвид Майерс приводит данные, из которых следует, что: когда в толпе другие люди находятся близко, они более склонны обращать внимание на смех или аплодисменты окружающих и присоединяться к ним;

В толпе у испытуемых способность решать простые задачи не страдает, но они больше делают ошибок в сложных задачах.

(Дэвид Майерс)

массовидность увеличивает возбуждение — у плотно расположенных людей кровяное давление и пульс выше, чем у разреженной толпы. Говоря проще, человек в толпе возбуждается и через механизм подсознательного восприятия эмоционального поведения окружающих людей начинает им подражать. Благодаря этому толпа начинает генерировать волны синхронных эмоций, захватывающих всех ее членов. Такое эмоциональное заражение работает так быстро, что рассудочное сознание просто не успевает вмешиваться в поведение человека. Человек в толпе глупеет на глазах, так как у него оказывается блокирована деятельность наиболее развитой части психики, но достаточно медлительной. В такой момент толпа начинает напоминать мозг в состоянии эпилептического припадка, когда нервные клетки коры, обычно разряжающиеся более-менее хаотично, вдруг по какой-то причине синхронизируют свои разряды, и человека начинают корчить клонические судороги при полностью отключенному со-

знании, так как деятельность центральной нервной системы оказывается абсолютно расстроенной.

Эволюционно более древние структуры мозга, объединяющие человека с животными, захватывают, благодаря своему быстродействию, контроль над поведением человека. Именно поэтому происходит примитивизация толпы, когда ее коллективный интеллект начинает определяться наименее развитыми интеллектуально и культурно людьми. С. Московичи в своей книге «Век толп» писал: «Люди отдельно друг от друга ведут себя нравственным и разумным образом, но они же становятся безнравственными и неразумными, когда собираются вместе. ... В социальной ситуации люди... не обнаруживают своих лучших качеств. Даже напротив! ... уровень человеческой общности стремится к низшему уровню ее членов... нет оснований говорить, что действия и мысли сводятся к «среднему», они скорее на нижней отметке... в сообществе первые становятся последними».

Так получается, что чем умнее человек, тем больше он теряет в своем разуме, оказавшись в толпе, и, как следствие, становится неуверенным по сравнению с примитивами, которые в толпе чувствуют себя «как рыба в воде». Эта растерянность умных людей, которых даже в спокойном состоянии обычно мучают интеллектуальные и

Зачем мне быть душою
общества,

Когда души в нем вовсе нет!
(Владимир Высоцкий)

На житейских внезапных
экзаменах,
где решения — крутые
и спешные,
очень часто разумных
и праведных
посрамляют безумцы
и грешные.

(Игорь Губерман)

В любую эпоху самых злостных представителей рода человеческого следует искать среди народных вождей.

(Томас Маколей)

Тот, кто обозревает немного,
легко выносит суждение.

(Аристотель)

Сомненье — лучший антисептик от загнивания ума.

(Игорь Губерман)

моральные сомнения, порождает их ориентацию в толпе на тех, кто ведет себя более уверенно. Но так как наиболее уверенными в толпе оказываются самые примитивные ее члены, то понятно, почему толпа склонна своими лидерами выбирать откровенных недоумков. Поведение умного человека в толпе можно было бы условно передать такими рассуждениями: «Я сейчас не могу из-за недостатка информации и времени на размышления принять взвешенное решение. Но вот этот малый со скошенным лбом и чугунным подбородком выглядит довольно уверенно, что, очевидно, свидетельствует о том, что он в данной ситуации разбирается много лучше меня. Ведь я точно так себя веду именно в тех ситуациях, в которых хорошо разбираюсь. А раз так, то буду во всем полагаться на его компетентность». И невдомек ему при этом, что этот пресловутый сосед обладает совершенно другой психикой и столь уверен в себе и скор в принятии решений именно в силу своей тупости, а не предполагаемой у него компетенции!

Но даже если человек в толпе попытается призвать окружающих к рассудку, его просто никто не услышит в силу отключенности «размышлятельных» структур своего мозга. Несколько лет назад я оказался в любопытной ситуации, которая ярко выяснила мне этот эффект. Тогда в Москве на день города (1997 г.) было организовано на Воробьевых го-

Массы косны и недальновидны, они не любят отказываться от влечений, не слушают аргументов в пользу неизбежности такого отказа, и индивидуальные представители массы поощряют друг в друге вседозволенность и распущенность.

(Фрейд)

Иногда большая часть побеждает лучшую.

(Ливий Тит)

И мерзко, и гнусно, и подло, и страх, что заразишься свинством, а было сбивающее в колдо и счастливо скотским единством.

(Игорь Губерман)

В кромешных ситуациях любых, запутанных, тревожных и горячих, спокойная уверенность слепых кошмарнее растерянности зрячих.

(Игорь Губерман)

рах шоу Жана Мишеля Жарра, собравшее чудовищную по размерам толпу. Так получилось, что очень многие люди, прия к Главному зданию МГУ и увидев страшную давку на смотровой площадке, недолго думая, развернулись и стали «уносить ноги» от этого жуткого столпотворения. Другие же стремились в это место с явным опозданием. Поэтому на улице Косыгина, от смотровой площадки Воробьевых гор и до станции метро «Ленинский проспект» (станция «Университет» к тому времени была блокирована), образовались два встречных непрерывных людских потока. Те, кто уходил от ужаса на Воробьевых горах, шли молча и мрачно, а спешащие туда вовсю веселились в предвкушении праздника. Вдруг со стороны веселой колонны от большой группы молодых людей раздался громкий девичий возглас, пытающийся перекричать гомон своих подвыпивших спутников: «Ну, подумайте вы, наконец-то! Ведь не случайно они оттуда уходят!» Никто на ее биения просто не обратил внимания. Как было мне ее жаль! Вот уж действительно — глас вопиющего в пустыне, то бишь в толпе, что, впрочем, равнозначно, если он не попадает в резонанс общего настроения.

Очень интересной, хотя и сильно утрированной иллюстрацией этого механизма может послужить описание Конрада Лоренца в книге «Агрессия» одного эксперимента. В нем изучалось поведение анимальных стай, «типичный пример которых нам дают рыбы в мировом океане. Внутри такого скопления нет ничего похожего на структуру; никаких вожаков и никаких ведомых — лишь громадная масса одинаковых элементов. Несомненно, они взаимно влияют друг на друга; несомненно, существуют какие-то

Мы низшие организмы в международной зоологии: продолжаем двигаться и после того, как потеряем голову.

(Василий Ключевский)

Когда-то темный и косматый зверь,

Сойдя с ума, очнулся человеком, --

Опаснейшим и злейшим из зверей --

Безумным логикой
И одержимым верой...

(Максимилиан Волошин)

простейшие формы «взаимопонимания» между особями, составляющими эти скопления. Когда кто-то из них замечает опасность и спасается бегством, все остальные, кто может заметить его страх, заражаются этим настроением. Насколько широко распространится такая паника в крупном косяке, окажется ли она в состоянии побудить весь косяк к повороту и бегству — это сугубо количественный вопрос; ответ здесь зависит от того, сколько особей испугались и насколько интенсивно они удирали. Так же может среагировать весь косяк и на привлекающий стимул даже в том случае, если его заметила лишь одна особь. Ее решительное движение наверняка увлечет в том же направлении и других рыб, и снова лишь вопрос количества, позволит ли себя улечь весь косяк.

Чисто количественное, в определенном смысле очень демократическое проявление такой «передачи настроений» состоит в том, что решение дается косяку тем труднее, чем больше в нем рыб и чем сильнее у них стадный инстинкт. Рыба, которая по какой-то причине поплыла в определенном направлении, вскоре волей-неволей выплывает из косяка и попадает при этом под влияние всех стимулов, побуждающих ее вернуться. Чем больше рыб выплывает в одном и том же направлении, тем скорее они увлекут весь косяк; чем больше косяк — а вместе с тем и его обратное влияние, — тем меньшее расстояние проплывают его предпримчивые представители, прежде чем повернут обратно, словно притянутые магнитом. Поэтому большая стая мелких и плотно сбившихся рыбок является жалкий образец нерешительности.

Эрих фон Хольст, изучавший речных гольянов, как-то удалил одной-единственной рыбе этого вида передний мозг. Гольян без переднего мозга выглядит, ест и плавает, как нормальный; единственный отличающий его поведенческий признак состоит в том, что ему безразлично, если никто из его товарищей не следует за ним, когда он выплывает из

стай. Таким образом, у него отсутствует нерешительная «оглядка» нормальной рыбы, которая, даже если очень интенсивно плывет в каком-либо направлении, уже с самых первых движений обращает внимание на товарищай по стае: плывут ли за ней и сколько их, плывущих, следом. Гольяну без переднего мозга это было совершенно безразлично; если он видел корм или по какой-то другой причине хотел куда-то, он решительно плыл туда, и, представьте себе, вся стая плыла следом. Искалеченное животное как раз из-за своего дефекта стало несомненным лидером». Вот так на примере рыбок становится понятно, почему к власти иногда приходят откровенные идиоты. Главное, что нужно лидеру толпы,— маниакальная уверенность в правоте своих решений. Именно на этом построен механизм манипуляции толпой с помощью специально обученной группы людей: — клаки. Это провокаторы, которые под руководством своего «режиссера» энергично подают окружающим пример требуемого манипулятору поведения, заражая их своей наигранной эмоцией.

В природе уличной толпы важен и такой момент, что эмоциональное заражение ее членов оказывается незаметным для них самих. Вся рассматриваемая нами сейчас логика механизмов существования толпы остается на уровне подсознания ее членов. Вместо того чтобы осознать свое поглупление, человек в толпе склонен считать именно себя творцом всех ее решений. С. Московичи пишет, что в толпе обнаруживается интересный феномен, когда каждый ее член не просто делает то, что не стал бы делать наедине с собой, но «...каждый считает себя причиной того, чему он является лишь следствием, голосом там, где он только эхо». Так как решение принимается

Почти чудовищно, как люди могли дойти до такого состояния сознания, что в мнении и воле большинства увидели источник и критерий правды и истины!

(Николай Бердяев)

Самодержавие народа — самое страшное самодержавие, ибо в нем зависит человек от непросветленного количества, от темных инстинктов масс.

(Николай Бердяев)

коллективным биополем, состоящим из эмоциональной энергии каждого, то все члены толпы ощущают себя его авторами. Вполне возможно, что одной из причин преобладающего (по сравнению с остальными мировыми религиями) распространения в наше время ислама является регулярное концентрическое паломничество, когда миллионы мусульман со всего мира собираются в Медине и Мекке в огромную толпу и заражаются энергией религиозного фанатизма (исходя из того, что в этой толпе паломников религиозные фанатики наиболее сильны в эмоциональном отношении и, следовательно, определяют ее настроение). В других же религиях существует большое количество святынь, разбросанных по миру, паломничество к которым не привязано к определенным датам, что не способствует концентрации паломников по месту и времени в чудовищные толпы. Правда, и Ватикан вслед за мусульманами в последнее время оценил эффективность огромных толп в вопросах оболовивания людей и все чаще устраивает массовые шоу по образу и подобию рок-концертов, на сцене которых царствует главный шоумен — Римский Папа. Видно, опыт фашизма и сталинизма католики усвоили отлично.

Потеря независимости личности человека в толпе приводит к такой ее особенности, как преступная безответствен-

Нет более горькой и уничижительной зависимости, чем зависимость от произвола равных себе.

(Николай Бердяев)

Меня окружали милые, симпатичные люди, медленно скользящее кольцо...

(Андрей Кнышев)

В настоящее время нравственное поведение все еще можно найти в конкретной жизни многих отдельных людей, тогда как в целом общество дружными рядами движется к варварству.

(Эрих Фромм)

Толпа людей — живое существо: и разум есть, и дух, и ток по нервам, и даже очень видно вещество, которое всегда всплывает первым.

(Игорь Губерман)

Что сделанное скопом и гуртом расхлебывает каждый в одиночку.

(Игорь Губерман)

ность. Здесь можно снова провести аналогию с анонимной стаей. Она дает каждой особи безопасность на том основании, что подавляющее большинство хищников неспособно охотиться в условиях множественности целей — жертва должна быть одна, для того чтобы ее можно было схватить. В противном случае у хищника «глаза разбегаются». В человеческом обществе происходит то же самое, так как система правосудия тоже способна работать только персонально. Нет в юрисдикции механизмов, позволяющих судить толпу. У человека в толпе появляется ощущение безнаказанности, и на поверхность в его психике выходят мотивы, ранее подавленные совестью и страхом перед возможным возмездием. Дэвид Майерс в «Социальной психологии» приводит такой пример преступной безответственности толпы: «В 1967 г. 200 студентов университета Оклахомы собирались посмотреть на своего товарища-студента, угрожавшего спрыгнуть с башни. Они стали скандировать: «Прыгай, прыгай...» Он прыгнул и разбился насмерть».

Анализируя жизнь современного цивилизованного общества, начинаешь понимать, что все человечество постепенно превращается в одну огромную виртуальную толпу. Западное общество (а в России, следует признать, равняются в основном на Запад) формирует толпу через навязывание людям однотипного или даже стереотипного образа жизни, мышления, восприятия, системы ценностей. Все это необходимо для

Лица стерты, краски тусклы —
То ли люди, то ли куклы,
Взгляд похож на взгляд,
А день — на день.
И я устал и, отыхая,
В балаган вас приглашаю,
Где куклы так похожи на людей.
.....
Кукол дергают за нитки,
На лице у них улыбки,
И играет клоун на трубе,
И в процессе представления
Создается впечатление,
Что куклы пляшут сами по
себе.
Ах, до чего ж порой обидно,
Что хозяина не видно:
Вверх и в темноту уходит нить.
А куклы так ему послушны,
И мы верим простодушно
В то, что кукла может говорить.

(Фрагменты песни
Андрея Макаревича
«Марионетки»)

повышения эффективности и снижения затратности процесса управления толпой через СМИ за счет устранения необходимости реализовывать несколько разнообразных подходов (об индивидуальном подходе к каждому маргиналу речь, понятное дело, даже и не идет) к населению. В этой трансформации общества в единообразную толпу заинтересована не только государственная власть, но и крупный бизнес, так как он для решения своих маркетинговых задач использует те же медиа-каналы и те же медиа-технологии.

С помощью современных СМИ толпа может образоваться из физически уединенных людей. Так, например, антисербский психоз населения стран НАТО (или антииракский в США) лучше всего демонстрирует поведение современной виртуальной толпы. Власть через средства массовой информации, тенденциозно оперируя фактами и откровенными домыслами (например сказками о 100 тысячах якобы убитых мирных косовских албанцев), эмоционально накручивает население для получения от него через систему опросов общественного мнения одобрения своей внешней политики. Но когда население заводится, эмоциональное состояние толпы выходит из-под контроля власти. И тогда уже власть оказывается заложницей сформированного ею общественного мнения, лишаясь свободы политического и дипломатического маневра. Чтобы сохранить доверие своих возбужденных избирателей, власти приходится идти на самые крайние по своей деструктивности действия, так как толпа в своем настрое никогда не удовлетворится полумерами, а тем более конструктивным компромиссом с воплощением зла, нарисованным воспаленным воображением. И если раньше в физической толпе механизмами эмоционального заражения ее членов были невербальные проявления эмоционального состояния людей, воспринимаемые подсознательно, то в виртуальной толпе непосредственный контакт заменяется «сочными» репортажами с места событий СМИ и искусно подобранными видеорядами.

Выводы и рекомендации

Во-первых, каждому читателю, заинтересовавшемуся данной книгой, будет полезным обратить внимание (если он не сделал этого прежде) на свое психологическое состояние и поведение в условиях уличной толпы. Если вы обнаружите в своей душе неприятные ощущения, эмоциональный гнет извне, то знайте, что это она пытается бороться с биополем толпы за свою свободу. В этом случае вам следует по возможности реже оказываться в местах массового скопления людей, в противном случае будете расходовать значительные физические и психические силы на сопротивление. Это обычно приводит к серьезной усталости после подобных мероприятий, требующей длительного восстановления.

Во-вторых, если обстоятельства вас все-таки вынудили оказаться в толпе, старайтесь по возможности замкнуться в себе, отгородившись от окружающих психологическим барьером. А чтобы не привлекать своим неадекватным поведением других людей, старайтесь наблюдать за происходящим вокруг вас с неподдельным интересом. Используйте возможность изучить своего противника, увидеть в развернутом виде все то, что вы читали и слышали о толпе прежде.

В-третьих, попытайтесь проанализировать свою дистанционную связь с остальным обществом. Подумайте о том, как и по каким информационным каналам или через непосредственные контакты своих представителей толпа пытается воздействовать на вас, побуждая к определенным действиям или мыслям. Уже одно осознание того, что кто-то пытается манипулировать вами конкретным способом, дает вам возможность уйти из-под удара. Каждый свой поступок, каждое решение проверяйте, действительно ли этого хочет именно ваша душа, или же оно является эффектом чьего-то постороннего влияния.

Глава 2. ПСИХОЛОГИЯ РАЗЛИЧИЙ ЧЕЛОВЕКА ТОЛПЫ И МАРГИНАЛА

Насколько обоснованно сравнивать обобщенные психологические портреты человека толпы и маргинала? Ведь толпы в нашем современном обществе бывают разные, а маргиналов я изначально определяю как неповторимые личности. И все-таки у подавляющего большинства представителей западной цивилизации (а содержание данной книги в основном имеет отношение именно к ним) есть целый ряд общих фундаментальных социокультурных и психологических характеристик, позволяющих каждого из них безошибочно отличать как от представителей других существующих и существовавших на Земле цивилизаций. Что касается маргиналов, то, несмотря на все их разнообразие, этно- и историко-психологический анализ культурных и литературных памятников обнаруживает, что на протяжении многих веков в человеческом обществе маргинальность базируется на устойчивом комплексе свойств личности. Противостояние человека толпы и маргинала возникло не сейчас и накоплено достаточно фактического материала и результатов исследований, позволяющих выделить их обобщенные портреты и сравнить между собой.

НЕВРОТИЧНОСТЬ

Суть вопроса

Подход толпы к этому вопросу таков, что все, кто отличается от среднего человека толпы, автоматически признаются ненормальными. Но если вдуматься, то как раз людям тол-

пы присуща тотальная невротичность, в то время как маргиналы отличаются редкостным душевным здоровьем и гармонией.

Аргументы

Невроз — это отклонение от нормы. Вопрос упирается в определение этой нормы. Здесь в науке есть два различных подхода. Один сводится к определению статистическими методами среднеарифметического эталона данного общества. Суть такой «нормальности» — способность человека соответствовать общепринятым стандартам поведения. Любое несоответствие ей квалифицируется как патология. Другой подход опирается на понятие гармонично развитой личности, причем гармония определяется не общепринятыми в конкретном обществе стандартами хорошего, а внутренними факторами природы человека как биологического вида. Такое понятие «нормальности» нацелено на максимальное развитие и счастье человека. Если бы современное общество предлагало наилучшие возможности для счастья каждого конкретного человека, то обе точки зрения должны были бы совпасть. Однако реальность далека от идеала. Но официальная психиатрия подразумевает существующее общество вполне гармоничным и правильным. А раз так, то человек, плохо приспособленный к жизни в нем, является для нее неполноценным. И обратно: хорошо приспособленного индивида психиатры квалифицируют как образец для подражания. Получается, что тот индивид, который отказался от своей человеческой природы, от самореализации и счастья, считается в обществе психически здоровой, «гармонично развитой» личностью, хотя фактически у него вообще трудно найти хоть какое-то подобие личности.

Таким образом, получается, что нам следует различать два типа невроза, распространенных в современном обществе:

невроз человека толпы и «невроз» маргинала. Человек толпы невротичен по своей сути, так как общество западной цивилизации построено на ложных ценностях — богатстве, славе, власти, социальном успехе, маскируемых разговорами о милосердии, человеколюбии, альтруизме и прочих красивых словах. Те же немногие, которые осмеливаются жить иначе, заботясь о чистоте и естественном развитии своей души, моментально обвешиваются различными медицинскими ярлыками. Какая-то часть людей толпы также признается невротиками, так как они оказываются неудачниками в борьбе за «место под солнцем», но это лишь открытая форма болезни, которой поражена вся толпа.

Так как литература по неврозам современного человека чрезвычайно многочисленна и разнообразна, а данная книга лишь частично затрагивает эту проблематику, то здесь я приведу лишь одну иллюстрацию описанной выше путаницы в обществе с понятием «нормальность». В своей «Социальной психологии» Дэвид Майерс рассказывает об удивительном для себя феномене депрессивного реализма. Он приводит слова Шелли Тейлор, которая так его поясняет: «Нормальные люди преувеличивают то, насколько они компетентны и хорошо выглядят, а люди в состоянии депрессии — нет. Нормальные люди вспоминают свое прошлое в розовом свете. Люди в депрессии (если только она не тяжелая) более бес-

Мыльный пузырь всегда должен настроен.

(Эмиль Кроткий)

Снег растаял, все как будто в первый раз:

Птичья стая с криком в небо поднялась,

Тучи скрылись, а деревья там и тут

распустились и примерно так поют:

«Мы пробились, победили холода,

Утвердились, распустились навсегда.

Будет праздник от зари и до зари,

В этот раз мы все сожжем календари!

(Фрагмент песни
«Календарь» Андрея
Макаревича)

пристрестно вспоминают свои успехи и неудачи. Нормальные люди описывают себя в основном позитивно. Люди в депрессии описывают свои и положительные, и отрицательные качества. Нормальные люди принимают похвалу за успешный результат и имеют тенденцию не брать на себя ответственность за неудачу. Люди в депрессии принимают на себя ответственность и за успех, и за неудачу. Нормальные люди преувеличивают контроль над тем, что происходит вокруг них. Люди в депрессии менее уязвимы к иллюзии контроля. Нормальные люди невероятно верят в то, что будущее преподнесет много хорошего и мало плохого. Люди в депрессии более реалистичны в восприятии будущего. Фактически, в отличие от нормальных людей, люди в депрессии всегда свободны от предубеждений преувеличенного самоуважения, иллюзии контроля и нереалистического видения будущего». Получается, что человека, у которого адекватное восприятие мира и себя в нем, признают больным (находящимся в состоянии легкой депрессии). А все только потому, что социальной нормой психиатры признают колективный

Один говорил: «Наша жизнь — это поезда».
 Другой говорил: «Перрон».
 Один утверждал: «На пути нашем чисто».
 Другой возражал: «Не до жиру».
 Один говорил, мол, мы — машинисты,
 Другой говорил:
 «Пассажиры!»
 Один говорил: «Нам свобода — награда,
 Мы поезд куда надо ведем».
 Другой говорил: «Задаваться не надо:
 Как сядем в него, так и сойдем».
 А первый кричал: «Нам открыта дорога
 На много, на много лет».
 Второй отвечал: «Не так уж и много —
 Все дело в цене на билет».
 А первый кричал: «Куда хотим — туда едем,
 И можем, если надо, свернуть».
 Второй отвечал, что поезда проедут
 Лишь там, где проложен путь.
 (Фрагмент песни «Вагонные споры» Андрея Макаревича)

Оптимизм — это считать, что человек в сущности дерзко, но в лучшем смысле этого слова.

(Андрей Кнышев)

невроз подавляющего большинства людей в обществе, проявляющийся в виде неоправданного оптимизма.

Выводы и рекомендации

К общепринятым в обществе пониманию нормального надо относиться очень критично. Если кто-то заявляет вам, что вы, ваши слова или поступки ненормальны, задайте вопрос: «А какова норма?» Если зададите этот вопрос самому себе, то благодаря попытке ответить на него сможете сбросить с себя тяжесть психологического статуса ненормального. Если же решитесь озвучить этот вопрос в лицо собеседнику, то, скорее всего, избавитесь от его последующих нравоучений, так как большинство людей толпы не готово к содержательному разговору на эту тему. Они ведь групповые нормы принимают к исполнению слепо, даже не задумываясь об их возможной неадекватности конкретной ситуации или настоящему моменту.

Если же вам удастся на досуге проанализировать весь спектр поведенческих ограничений, накладываемых обществом на своих членов через понятие нормального, то можете неожиданно для себя обнаружить новые просторы для самореализации, поняв бессмысленность соблюдения некоторых норм или осознав то, что они неверны по своей сути.

СМЫСЛ ЖИЗНИ И ОТНОШЕНИЕ К СМЕРТИ

Суть вопроса

Типичный представитель современного общества западной цивилизации (и России в том числе) всю свою жизнь, как правило, проводит в непрерывной гонке за призрачным

счастьем, имеющим материальную основу. Перед ним стоят более-менее отдаленные цели: купить (построить) дом или машину; стать директором или профессором; выйти на определенный уровень зарплаты; заработать себе достойную пенсию и т. д. Такая обращенность в будущее требует от него ежедневного самоотречения, когда приходится терпеть тяжелый труд и лишать себя всевозможных удовольствий ради безоблачного счастья в далеком будущем. Беда такого человека в том, что этот светлый миг вожделенного счастья так никогда и не наступает, потому что при приближении к одним целям он по привычке ставит перед собой новые, и бег в колесе продолжается. А когда в жизни в прошлом и настоящем у человека одни лишения, а запланированное счастье впереди, он очень боится смерти, которая оставляет его в дураках — ради чего страдал всю жизнь?

Маргинальной к такому подходу является жизнь человека, стремящегося получить от каждого текущего мига максимум удовольствия. Жизнь по принципу «здесь и теперь» проста и беззаботна. Уровень получаемого счастья, конечно, уступает как воздушным замкам человека толпы, так и его наличному материальному благополучию, но маргинал получает удовольствие и от той малости, которая у него имеется в данный момент. А даже успешный человек толпы не может насладиться своим роскошным дворцом или красавицей-женой, так как домой приезжает только затем, чтобы выспаться. Естественно, что маргинал не боится так смерти, как это происходит у человека толпы, так как вся его жизнь заполнена удовольствием от жизни. Психологически готовый к смерти человек рад каждому новому дню, несущему ему дополнительную радость.

Другой особенностью психологии человека толпы является довольно распространенное бегство в суету от осознания нерешенных когда-то своих личных проблем. Это делает такого человека неспособным оставаться на ощутимый отрезок времени наедине с самим собой, так как свободный от различных

забот мозг накрываются ужасом психологического неблагополучия. Маргинальная же личность обычно с удовольствием остается наедине с собой, получая удовольствие от самокопания.

Аргументы

В нашем обществе жизнь человека толпы состоит из бесконечной суеты, перемежаемой периодами, когда он старается оглушить себя химическими (алкоголь, табак, героин, кокаин, анаша и т. д.) или сенсорными (воздействующими на органы чувств — танцами, ритмичной музыкой, музыкальными видеоклипами с непрерывно мелькающей и часто меняющейся картинкой на экране, азартными и компьютерными играми и др.) наркотиками. Такая жизнь маргиналу представляется абсолютно бессмысленной и он не желает в этом следовать за толпой. Маргиналами оказываются те люди, которые пытаются получить максимум удовольствия от каждого момента жизни, не соглашаясь на длительное страдание суетой ради какой-то призрачной цели получить немереный кайф в далеком светлом будущем, которое, как правило, не наступает никогда.

Я нахожу три причины, почему люди толпы так относятся к своей жизни.

Первая из них заключается в том, что человек не умеет наслаждаться жизнью по принципу «здесь и сейчас». Он настолько втягивается в погоню за «горизонтом», что когда достигает поставленной цели, то оказывается в растерянности. Происходит это потому, что состояние свободы от суеты для

Люди ищут удовольствия, бросаясь из стороны в сторону, только потому, что чувствуют пустоту своей жизни, но не чувствуют еще пустоты той новой потехи, которая их притягивает.

(Блез Паскаль)

Кто не видит суеты мира, тот суетен сам.

(Блез Паскаль)

него настолько непривычно и дискомфортно, что он готов выдумать себе следующую цель, только бы поскорее перейти в знакомое состояние «белки в колесе», с которым он уже давно освоился.

Вначале такой человек ставит себе конкретную цель жизни: «Вот построю себе дом моей мечты, брошу все, упаду в кресло-качалку на веранде и буду наслаждаться жизнью». Когда дом уже построен, оказывается, что в это понятие органично входит бассейн во дворе. Затем к нему поочередно добавляются подземный гараж, оранжерея, сауна и т. д. Через некоторое время оказывается, что дом оказался мал (дети уже выросли!) и надо делать пристройку. И так строительный процесс «дома мечты» никогда не заканчивается, в результате чего безделье в кресле-качалке не наступает никогда. Владимир Орлов таких людей в гротескной форме изобразил в «Альтисте Данилове», назвав их хлопобудами (сокращено от «хлопочущие о будущем»).

Отлично об этом высказался Фромм в своей книге «Человек для себя»: «Современный человек считает, что читать и писать — это искусства, которым следует учиться, что стать архитектором, инженером или квалифицированным

Много людей живет не живя, но только собираясь жить.

(Виссарион Белинский)

Подобно тому, как бывает болезнь тела, бывает также болезнь образа жизни.

(Демокрит)

Трагедия заключается в том, что многие из нас умирают, так и не начав жить.

(Эрих Фромм)

Будущее — вкус не портит мне, мне дрожать за будущее лень; думать каждый день о черном дне — значит делать черным каждый день.

(Игорь Губерман)

Лишь перед смертью человек соображает, кончив путь, что слишком короток наш век, чтобы спешить куда-нибудь.

(Игорь Губерман)

В людской активности кипящий мне часто видится печально упрямство курицы, сидящей на яйцах, тухлых изначально.

(Игорь Губерман)

Жизнь коротка. Потерпи немножко.

(Андрей Кнышев)

рабочим можно лишь благодаря серьезному обучению, но ЖИТЬ — это нечто настолько простое, что не требуется никаких особых усилий, чтобы этому научиться. Просто потому, что каждый «живет» по-своему, жизнь считается делом, в котором каждый — знаток. ... Человек пребывает в иллюзии, что он действует в своих личных интересах, а на самом деле он служит чему угодно, но только не интересам своего реального «я». Современный человек живет по принципу самоотречения, а мыслит с точки зрения личного интереса. Он считает, что действует в своих личных интересах, в то время как в действительности его первостепенным интересом являются деньги и успех; он не отдает себе отчета в том, что его самые важные человеческие возможности остаются нереализованными».

Вторая причина потери человеком смысла своей жизни на языке психологии называется сдвигом мотива на цель. Снова цитирую Фромма: «Одна из наиболее характерных психологических черт нынешней жизни состоит в том, что действия, являющиеся средствами к цели, все более и более занимали место целей, пока сами последние не стали чем-то призрачным и нереальным. Люди трудятся для того, чтобы делать деньги, а деньги делаю для того, чтобы покупать за них наслаждения. Труд — средство, наслаждения — цель. Но что происходит на самом деле?

Люди трудятся, чтобы сделать побольше денег; они употребляют эти деньги на то, чтобы сделать еще больше денег,

Большинство людей, считающих себя весьма и весьма активными, не замечают, что в действительности, несмотря на их постоянные хлопоты, они ведут чрезвычайно бездельную жизнь.

(Эрих Фромм)

Забота об излишнем часто соединяется с потерей необходимого.

(Солон)

С ростом богатства растут и заботы.

(Гораций)

Сожаление о неразумно растраченном времени, которому предаются люди, не всегда помогает им разумно употребить его остаток.

(Жан де Лабрюйер)

а цель — наслаждение жизнью — теряется из виду. Люди спешат и изобретают разные вещи, экономящие время. Затем они употребляют сэкономленное время опять на то, чтобы спешно сэкономить еще больше времени, и так до тех пор, пока не оказываются до того вымотанными, что им уже не нужно сэкономленное время. Мы оказались пойманы в сети средств и потеряли из виду цели».

А вот как определяет эту потерянную человеком толпы цель жизни Оскар Уайльд в романе «Портрет Дориана Грея»: «Цель жизни — самовыражение. Проявить во всей полноте свою сущность — вот для чего мы живем. А в наш век люди стали бояться самих себя. Они забыли, что высший долг — это долг перед самим собой. Разумеется, они милосердны. Они накормят голодного, оденут нищего. Но их собственные души наги и умирают с голоду. Мы утратили мужество. А может быть, его у нас никогда и не было. Боязнь общественного мнения, эта основа морали, и страх перед богом, страх, на котором держится религия, — вот что властвует над нами».

Еще один пример навязывания толпой человеку сдвига мотива на цель, а также его защиту от такой «благотворительности» демонстрирует анекдот, рассказанный З. Фрейдом в своей работе «Остроумие и его отношение к бессознательному»: «Один человек, который был подвержен пьянству, добывал себе средства к существованию тем, что давал уроки. Но

Люди обыкновенно не столько наслаждаются тем, что им дано, сколько горюют о том, чего им не дано.

(Виссарион Белинский)

Есть повседневные дела, от которых не уйдешь. ...Но очень много лишних забот о завтрашнем дне и совсем ненужных забот о том, что про нас думают и даже не думают, а могут подумать, и никому не нужных объяснений и сожалений о прошлом, которое было и сплыло, и язвительной памяти об обидах. Вместо того чтобы радоваться — мучаешься. А надо радоваться.

(Григорий Померанц)

«Он был очень организованным человеком, и в изголовье его кровати был прикреплен планчик жизни на ближайшие 10 лет...»

(Андрей Кнышев)

ею горок стал мало-помалу известен, и вследствие этого он потерял большинство своих уроков. Одному его другу было поручено взяться за его исправление. «Посмотрите, вы могли бы иметь лучшие уроки в городе, если бы вы отказались от пьянства. Итак, сделайте это». — «Что вы предлагаете мне? — был негодующий ответ. — Я даю уроки с тем, чтобы иметь возможность пить; должен ли я отказаться от пьянства с тем, чтобы я получил уроки?!»

В конечном итоге человек оказывается в старости перед лицом смерти с деньгами на руках, от которых ему теперь нет никакой пользы, кроме покупки дорогого места на престижном кладбище, и растрченной впустую жизнью за плечами, в которой не было места истинному наслаждению от бытия. Человек чувствует себя несчастным, так как счастье свое он искал совсем не там. Вот что пишет Майерс в «Социальной психологии» по этому поводу: «В последние десятилетия, сопровождавшиеся бурным экономическим ростом, люди западного мира стали во много раз больше зарабатывать. Например, доход среднего американца вдвое выше, чем был в

1950-е годы, и при этом он имеет вдвое меньше детей. Удвоенный доход предполагает вдвое большее количество покупок. ...Хотя сегодня людям по большей части хватает и денег, и вещей, они не стали счастливее. Например, современные американцы, судя по опросам, не более счастливы и не более удовлетворены своей жизнью, чем ответившие на этот

Если бы желать только быть счастливым, то этого скоро можно достигнуть. Но люди желают обыкновенно быть счастливее других, а это почти невозможно, потому что мы считаем других всегда более счастливыми, чем они есть на самом деле.

(Монтецье)

Мне не интересно, что случится в будущем, туманном и молчашем; будущее светит и лучится тем, кому херово в настоящем.

(Игорь Губерман)

Сполня сбылось, о чём мечтали то всух, то молча много лет; за исключением детали, что чувства счастья снова нет.

(Игорь Губерман)

же вопрос в 1950-е годы». «...Из 800 выпускников американских колледжей те, кто исповедовал ценности «яппи» (яппи — американская аббревиатура из первых букв слов: «young» — молодой, «urban» — городской, «professional» — профессиональный, — то есть молодой городской житель, делающий карьеру и стремящийся к роскошной жизни), были склонны в два раза чаще, чем их прежние соученики, чувствовать себя в «значительной степени» или «очень» несчастными».

Лиши очень немногие живут сегодняшним днем. Большинство готовится жить позднее.

(Джонатан Свифт)

Я уверен, что Бог мне простит и азарт, и блаженную лень; ведь неважно, чего я достиг, а важнее, что жил каждый день.

(Игорь Губерман)

Один дышу, одно пою, один горит мне свет в окне — что проживаю жизнь свою, а не навязанную мне.

(Игорь Губерман)

Многим восточным мудрецам было свойственно совеем другое отношение к подобному «счастью»: «Я не могу сказать, является ли то, что все называют «счастьем», на самом деле счастьем или нет. Я знаю только одно: когда я наблюдаю за тем, как люди его добиваются, я вижу, как их несет в общем потоке человеческого стада, мрачных и одержимых, не способных остановиться или изменить направление своего движения. И все это время они утверждают, что еще немного — и они обретут это самое счастье. Мое мнение таково: вам не видать счастья до тех пор, пока вы не перестанете его домогаться». — Чжуан-цзы (Цит. по: Нискер В. Безумная мудрость).

Психологический механизм счастья вообще выражается формулой «удовлетворение равняется полученному за вычетом ожидавшегося». Так как человеку толпы свойственно много хотеть от жизни (ради этого он и «рвет себе жилы»), а в реальности получать значительно меньше желаемого, то хроническое ощущение себя несчастным для него является закономерным. Может показаться, что маргинал должен отличаться от человека толпы отсутствием желания

получить удовольствие от жизни, На самом же деле и маргинал стремится к счастью в жизни, просто характер мотивации у него совершенно другой. Если человек толпы желает от жизни конкретных удовольствий, которые, как правило, оформляются в сознании в виде материализованных итогов его активной деятельности, то маргинату свойственно стремиться к приятной жизни вообще как непрерывному процессу. Такой подход позволяет маргинату отказаться от преследования конкретных целей. Тактика поведения маргинала заключается в поиске приятной жизни методом проб и ошибок: не нравится жизнь в данный момент — меняй ее. Снова не нравится — снова меняй! И так до тех пор, пока не найдешь кайф в процессе. А как зацепишься за него — постепенно усиливаи наслаждение до уровня полного счастья. Именно поэтому маргинатам свойственна в первой половине жизни постоянная смена образа жизни, работы, профессии, круга общения, среды обитания и других факторов существования. Яркой иллюстрацией подобной жизненной позиции, противостоящей стремлению к некой конкретной цели в будущем, требующей временного отказа от процесса наслаждения текущим моментом, является следующий отрывок из киноповести Григория Горина «Тот самый Мюнхгаузен»:

«— Прости меня, Карл, я знаю, ты не любишь чужих советов... — Марта неуверенно приблизилась к нему. — Но, может быть, ты что-то делаешь не так?! А? — Он повернулся к ней, и они внимательно посмотрели друг другу в глаза, — Может, этот разговор с пастором надо было вести как-то иначе? Без Софокла...

— Ну, думал развлечь, — попытался объяснить барон. — Говорили, пастор — умный человек...

Всякий, кто делает попытку жить полной жизнью, жить ради того, чтобы ощущать жизнь, обречен быть непонятым и терпеть постоянно разочарование в своих взаимоотношениях с другими людьми.

(Ричард Олдингтон)

— Мало ли что про человека болтают, — вздохнула Марта.

— Не меняться же мне из-за каждого идиота?!

— Не насовсем!.. — тихо произнесла Марта и потянулась к нему губами. — На время. Притвориться! — Она закрыла глаза, их губы соединились. — Стань таким, как все... — Марта целовала его руки. — Стань, таким, как все, Карл... Я умоляю...

Он открыл глаза и огляделся вокруг:

— Как все... Не двигать время?

— Нет, — с улыбкой подтвердил скрипач.

— Не жить в прошлом и будущем?

— Конечно, — весело кивнул второй музыкант.

— Не летать на ядрах, не охотиться на мамонтов? Не переписываться с Шекспиром?

— Ни в коем случае, — закрыл глаза третий.

— Нет! — крикнул Мюнхгаузен, и музыканты перестали играть. — Я еще не сошел с ума, чтобы от всего этого отказываться!

Марта бросилась к нему. Попыталась обнять:

— Но ради меня, Карл... ради меня.

— Именно ради тебя! — тихо сказал он, отстраняясь. — Если я стану таким, как все, ты меня разлюбишь».

Третья причина неправильного отношения человека толпы к своей жизни заключается в бегстве человека в суету от своих внутренних проблем. Когда человек пассивен, в его сознание начинают проникать различные мысли, так или иначе затрагивающие какие-то его личные проблемы, когда-то нерешенные и отложенные «на потом». И вот мысли «считают», что теперь

Как хорошо,
когда беспокойные гости
рано ушли,
и никто тебе не мешает
с головой погрузиться в книгу

(Татибана Акэми)

Как хорошо,
когда посетитель докучный,
только присев,
сразу вспомнит о важном деле
и начнет вспыхах прощаться.

(Татибана Акэми)

наступило это самое «потом», и настойчиво «лезут в голову» к своему хозяину. Но раннее он уже убегал от этих проблем именно потому, что боялся браться за их решение. Так как за прошедшее время ничего не изменилось и причины прятаться от мыслей о нерешенных проблемах не исчезли, то возникает невыносимое желание продолжить это бегство. И лучшим проверенным способом для этого является повышенная активность. Для этого следует настолько загрузить свое сознание предметной средой какой-либо очень активной деятельности, чтобы в нем места не оставалось на всякие «глупые мысли»: о запущенном воспитании сына, скатывающемся в преступную среду наркоманов; о брошенных на произвол судьбы престарелых родителях; о полном отсутствии настоящих друзей; о супружеских отношениях, превратившихся в сосуществование абсолютно чужих друг другу людей, и т. д.

Анализ этой третьей причины обнаруживает одну отличительную особенность маргиналов: они никогда не боятся остаться наедине с собой в состоянии пассивности, когда тянет поразмышлять о себе, о смысле своей жизни, о своих отношениях с окружающими людьми и миром в целом. Благодаря такой созерцательности у маргиналов обычно очень хорошо развиты психологический интеллект и житейская мудрость. А раз так, то они совершенно не нуждаются в различных компаниях и тусовках, для того чтобы как-то «убить» свободное время, что характерно для человека толпы. Если

Что бы там ни было, никогда не принимайте жизнь слишком всерьез: вам из нее выигрыш все равно не выбрать.

(Кин Хаббард)

Смерти меньше всего боятся те люди, чья жизнь имеет наибольшую ценность.

(Кант)

Жизнь — слишком сложная штука, чтобы о ней разговаривать серьезно.

(Оскард Уайльд)

Жизнь — это то, что люди больше всего стремятся сохранить и меньше всего берегут.

(Жан де Лабрюйер)

Большинство людей употребляет лучшую пору своей жизни на то, чтобы сделать худшую еще более печальной.

(Жан де Лабрюйер)

маргиналов и тянет на контакт с кем-то, то они предпочитают какой-нибудь шумной компании глубокое по содержанию и интересу к партнеру общение с другим маргиналом как уникальной личностью.

Относясь так к жизни, маргинал, как правило, не боится ее окончания, в отличие от человека толпы. Маргинал перед лицом смерти благодарит свою жизнь за все то удовольствие, которое она ему предоставила, в то время как человек толпы с ужасом понимает, что жизнь свою прожил бессмысленно, так ничего хорошего от нее и не взяв. Поэтому современного представителя западной цивилизации обычно мучает тоска по бессмертию: «Возможно, самым существенным фактом является глубоко укоренившаяся жажда бессмертия, которая проявляется во многих ритуалах и верованиях, направленных на сохранение человеческой плоти. С другой стороны, современная сугубо американская форма отрицания смерти посредством «приукрашивания» тела свидетельствует и о подавлении страха смерти просто-напросто камуфляжем. ...Как говорил Эпикур, смерть не имеет к нам никакого отношения, ибо «когда мы есть, то смерти еще нет, а когда смерть наступает, то нас уже нет» (Диоген Лаэртий)». (Фромм Э. Иметь или быть).

Кстати, страх смерти, свойственный представителям Запада, может стать их «ахиллесовой пятой» в столкновении цивилизаций, обусловив их окончательное поражение. Радикальный исламизм нашел оружие против Запада, перед которым его население бессильно, — терроризм. А ведь достаточно людям перестать бояться смерти, как терроризм исчезнет сам собой из арсенала радикалов в силу своей неэффективности.

Вчера я бежал
запломбировать зуб,
и смех меня брал на бегу:
всю жизнь я таскаю мой
будущий труп
и рьяно его берегу.

(Игорь Губерман)

О жизни за гробом забота
совсем не терзает меня;
вливаясь в извечное что-то,
уже это буду не я.

(Игорь Губерман)

Выводы и рекомендации

Обращенность жизни в будущее лишает ее смысла в настоящем. При этом погоня за отдаленными целями настолько приучает к повседневной суete, что остановиться человек ради получения долгожданного удовольствия уже не в состоянии. И как лошадь, всю жизнь ходившая в упряжи по кругу, оказавшись на свободе, продолжает кружиться в чистом поле, так и человек, выпавший из привычного круговорота дел, сам начинает выдумывать себе заботы, лишь бы вернуться к суетливому образу жизни. Поэтому проанализируйте свою жизнь на предмет наличия в ней грандиозных планов на будущее. Обнаружив отдаленные цели, определяющие вашу текущую жизнь и заставляющие вас сейчас отказывать себе в доступном счастье, задумайтесь о том, стоит ли игра свеч. Если же все-таки какие-то цели в своем будущем сочтете нужным оставить, то постарайтесь хотя бы избежать втягивания себя в погоню за горизонтом, когда на смену одним достигнутым целям приходят другие, делающие ваш отказ от сиюминутного счастья хроническим. Сделайте свой процесс целеполагания конечным.

Что касается бегства в суetu от осознания своих психологических проблем, столь распространенного у человека толпы, то попробуйте протестировать себя в этом плане. Если ваша жизнь занята бесконечными хлопотами, проверьте объективность их возникновения тем, что сбежите от них на пару дней в какую-нибудь безлюдную глушь, где вы останетесь наедине только со своими мыслями. И пусть вас от этого не отвлекает никакое активное занятие — полная физическая пассивность и непрерывное самокопание. В результате такого испытания вы либо получите удовольствие, и тогда спокойно можете возвращаться к своей прежней жизни, либо же вас накроет осознание нерешенных когда-то личных проблем, которые вас наконец-то настигли благодаря этой вашей искусственной остановке посреди беско-

немного бегства. И тогда вам остается лишь взяться за их решение, а вся прежняя бытовая суeta окажется аналогом песка, куда вы подобно страусу прятали свое сознание.

ЕСТЕСТВЕННОСТЬ ПОВЕДЕНИЯ

Суть вопроса

Отношения между людьми в современном обществе в основном построены на лицемерии, а на Западе в последнее время нормой поведения публичных людей стала еще и так называемая политкорректность. Лицемерие является маской, социально-психологической ролью, которой люди прикрывают свои истинные мысли и желания, не позволяя им вырваться наружу. Главной причиной лицемерия в толпе является ориентация ее членов на ожидания окружающих людей. Лицемерный человек ради соответствия групповым нормам поведения вынужден говорить и делать совсем не то, что хочет его собственная душа. Свои истинные побуждения человек толпы из-за страха быть разоблаченным подавляет и загоняет глубоко внутрь. В противоположность такому поведению, маргинал делает исключительно то, что велит ему его собственная душа. Это становится основой искренности и непосредственности поведения, но именно это нередко порождает напряженность и конфликты в отношениях маргинала с окружающими людьми, так как его слова и дела часто не совпадают с их ожиданиями.

Аргументы

В обществе западной цивилизации есть одна очень серьезная социально-психологическая проблема — так

называемый послевоенный синдром. Суть его заключается в том, что демобилизованные военнослужащие, которые прошли через достаточно длительное участие в боевых действиях, по возвращении на «гражданку» испытывают значительные затруднения в адаптации к прежней жизни. Впервые и наиболее ярко это явление осветил в своем творчестве Эрих Мария Ремарк (романы «На Западном фронте без перемен», «Три товарища», «Черный обелиск»). В этом синдроме есть три составляющие: посттравматическое переживание человека, столкнувшегося на войне с узаконенным убийством в большом объеме; потеря навыков мирной жизни; неприятие лицемерия и фальши отношений обычного общества после того, как перед лицом смерти он познал чистые и непосредственные отношения как с сослуживцами, так и с неприятелем (возможность не скрывать своей неприязни к человеку). В нашем обществе социальные работники, психологи и медики предпочитают акцентировать внимание окружающих на первых двух аспектах, в то время как, мое глубокое убеждение, главная причина дезадаптации заключается как раз в последнем.

Для многих людей не является откровением утверждение о том, что отношения между людьми толпы построены на фальши и лицемерии, на тщательном сокрытии своего отношения к конкретным людям своего окружения. Высшей степенью этого явления стало распространение в США, а затем и в Западной Европе так называемой политкорректности. Нельзя сказать, что люди толпы «разучились» строить искренние отношения друг с другом, нет, они никогда этого и не умели делать, так как естественная непосредственность в ребенке жестоко подавляется уже в пер-

Приличие — это наименее важный из всех законов общества и наиболее чтимый.

(Ларошфуко)

Люди невероятно изобретательны в способах расходовать свою краткую жизнь на докучливые церемонии.

(Сомерсет Моэм)

вые годы его жизни. Вот как это описывает Фромм в «Бегстве от свободы»: «Уже на ранней стадии воспитания ребенка учат проявлять чувства, которые вовсе не являются его чувствами. Его учат любить людей (обязательно всех), учат быть некритично дружелюбным, улыбаться и т. д. Если в процессе воспитания в детстве человек «обломан» не до конца, то впоследствии социальное давление, как правило, довершает дело.

Каждым своим неординарным поступком мы наживаем себе врага. Чтобы завоевать популярность, надо быть посредственностью.

(Оскар Уайльд)

Многие годы меня изображали циником — я говорил правду.

(Сомерсет Моэзи)

Если вы не улыбаетесь, то про вас говорят, что вы «не очень приятный человек», а вы должны быть достаточно приятным, чтобы продать свои услуги в качестве продавца, официанта или врача. ...Дружелюбие, веселье и все прочие чувства, которые выражаются в улыбке, становятся автоматическим ответом; их включают и выключают, как электрическую лампочку. Разумеется, часто человек осознает, что это всего лишь жест; однако в большинстве случаев он перестает это осознавать и вместе с тем теряет способность отличать такое псевдочувство от спонтанного дружелюбия. Не только враждебность подвергается прямому подавлению, и не только дружелюбие убивается вынужденной подделкой. Подавляется (и замещается псевдочувствами) широкий спектр спонтанных эмоций. ...В нашем обществе эмоции вообще подавлены. Нет никакого сомнения в том, что творческое мышление — как и любое другое творчество — неразрывно связано с эмоцией. Однако в наши дни идеал состоит как раз в том, чтобы жить и мыслить без эмоций. «Эмоциональность» стала синонимом неуравновешенности или душевного нездоровья. Приняв этот стандарт, индивид чрезвычайно ослабил себя: его мышление стало убогим и плоским. Вместе с тем, поскольку эмоции нельзя подавить до конца, они существуют в полном отрыве от интеллектуальной стороны личности;

результат — дешевая сентиментальность, которой кормятся миллионы изголодавшихся по чувствам потребителей у кино и популярной песенки».

И вот послевоенный синдром, когда люди, познавшие счастье искренних отношений с окружающими, бунтуют против возвращения в затхлое болото фальши и лицемерия «нормального» общества, лишь выпукло обнажает этот порок современного западного общества (достаточно умело такой конфликт показан в американском фильме «Рэмбо: первая кровь»). Любая попытка маргинала быть честным и откровенным в отношениях с людьми толпы приводит к тому, что он квалифицируется ими либо как психопат (не скрывает своей неприязни к плохому человеку), либо как циник, либо как человек «не от мира сего», что равнозначно психиатрическому диагнозу, либо как «слон в посудной лавке», что равнозначно невоспитанности. А ведь тот же цинизм — это когда человек сознательно не разделяет словом и делом какой-либо аспект общепринятой морали и правил этикета и открыто и честно демонстрирует окружающим свою позицию, отказываясь тем самым «косить под дурака», играя в несознанку. Примером такого поведения может служить поступок Диогена, который как-то мастурбировал на ступеньках Парфенона и предлагал тем прохожим, которые это делают тайно у себя дома, честно и открыто присоединиться к нему. Лицемерное же сокрытие своей неприглядной внутренней сущности считается в толпе образцом приличия. Посмотрим на различие позиции маргинала и людей толпы в этом вопросе на примере персонажей киноповести Григория Горина «Тот самый Мюнхгаузен»:

«Пастор поклонился:

- К сожалению, барон, я вам ничем не могу помочь!
- Почему?
- При живой жене вы не можете жениться вторично.
- Вы говорите «при живой»? — задумался Мюнхгаузен.

— При живой, — подтвердил пастор.
 — Вы предлагаете ее убить?!
 — Упаси бог! — испугался пастор. — Сударыня, вы более благоразумный человек. Объясните барону, что его просьба не выполнима.

— Нам казалось, что есть какой-то выход... Карл уже подал прошение герцогу о разводе. Но герцог не подпишет его, пока не получит на это согласие церкви.

— Церковь противится разводам! — невозмутимо отчеканил пастор.

— Вы же разрешаете разводиться королям! — крикнул Мюнхгаузен.

— В виде исключения. В особых случаях... Когда это нужно, скажем, для продолжения рода...

— Для продолжения рода нужно совсем другое!

— Разрешите мне откланяться! — Пастор решительно двинулся к выходу.

Мюнхгаузен посмотрел на Марту, увидел ее молящий взгляд, бросился вслед за пастором.

— Вы же видите — из-за этих дурацких условностей страдают два хороших человека, — говорил он быстро, шагая рядом. — Церковь должна благословлять любовь.

— Законную!

— Всякая любовь законна, если это любовь!

— Позвольте с этим не согласиться!

— Что же вы мне посоветуете?

— Что ж тут советовать?.. Живите, как жили. Но по людским и церковным законам вашей женой будет по-прежнему считаться та женщина, которая вам уже не жена.

— Бред! — искренне возмутился Мюнхгаузен. — Вы, служитель церкви, предлагаете мне жить во лжи?»

Манерность жестов, речи и поведения нередко бывает следствием праздности или равнодушия; большое чувство и серьезное дело возвращают человеку его естественный облик.

(Жан де Лабрюйер)

Говорите правду — и вы будете оригинальны.

(Александр Вампилов)

А вот подход толпы еще на одном примере из того же источника:

«— Человек (барон) разрушил семью, выгнал жену с ребенком, — возмутился Рамкопф.

— Каким ребенком?! — возмутился Феофил, — Я — офицер.

— Выгнал жену с офицером! — продолжал с пафосом Рамкопф.

— Насколько я знаю, они сами ушли, — возразил бургомистр.

— Да! — подтвердила баронесса. — Но кто может жить с таким человеком?

— Видите, фрау Марта — может.

— Но ведь она любовница! — воскликнул Рамкопф. — Господа, давайте уточним! Имеешь любовницу — на здоровье! Все имеют любовниц. Но нельзя же допускать, чтобы на них женились. Это аморально!»

Или логика поведения баронессы при бракоразводном процессе:

«Мюнхгаузен с трудом протиснулся в переполненный зал и остановился в дверях.

— О чем это она (баронесса)? — спросил он у стоявшего рядом горожанина.

— Как — о чем? — горожанин даже не повернул головы. — Барона кроет.

— Что ж она говорит? — поинтересовался барон.

— Ясно что: подлец, мол, говорит. Псих ненормальный!

— И чего хочет? — вновь полюбопытствовал барон.

— Ясно чего: чтоб не бросал».

Поведение человека толпы в нашем обществе обусловлено прежде всего двумя мотивами.

Первый является отображением рыночной основы современного общества западной цивилизации и заключается в том, что каждый человек озабочен тем, как бы себя подороже продать. Причем это распространяется не только на

деловые отношения. Например, заключение брака в наше время для многих людей фактически превратилось во взаимо-выгодную сделку. Или, скажем, человек уже не воспитывает своих детей, он в них «инвестирует», ожидая в будущем получить от этого прибыль в каком-либо виде! Политики ведут праведный (естественно, на публике, так как в истинном виде многие наши политики обычно вызывают лишь омерзение) образ жизни только для того, чтобы создать себе к избирательной кампании ресурс в виде хорошего расположения электората. Именно это лежит в основе политкорректности, которая является всего лишь популизмом, меркантильным стремлением «продать» себя как можно большему числу людей.

То, что мы принимаем за благородство, нередко оказывается переряженным честолюбием, которое, презирая мелкие выгоды, прямо идет к крупным.

(Ларошфуко)

Вторым мотивом, заставляющим человека толпы играть роли, скрывающие его истинную сущность, оказывается «совесть», являющаяся лишь отображением ожиданий его окружения. А раз все ждут от человека эффективного стремления к социальному успеху, то многие старательно играют роль «души общества», которой в жизни все удается. Настоящая же совесть человеку толпы неведома, так как она есть проявление глубинных структур его души, которые могут заставить его поступить вопреки ожиданиям толпы, а это уже чревато неприятностями. Поэтому настоящая совесть человеком толпы безжалостно подавляется и загоняется в самые мрачные подвалы психики. И лишь для маргинала истинная совесть остается главным императивом в его поведении, так как действие против совести приведет его к душевным мукам и лишит жизнь наслаждения, что для него неприемлемо. «Как может развиваться совесть, если жизненным принципом является конформизм? Совесть по самой своей природе имеет нонконформистский характер; она должна быть в состоянии сказать «нет», когда все остальные говорят «да».

...В той мере, в какой человек приспосабливается, он не в состоянии слышать голос своей совести и еще меньше может следовать ему. Совесть существует лишь тогда, когда человек ощущает себя человеком, а не вещью, не товаром» (Фромм Э. Здоровое общество).

Описанные мотивы объединяет ориентация человека на внешние факторы своей жизни, на толпу. Но у человека есть еще и внутренние мотивы, когда он что-то делает не потому, что это может понравиться окружающим, а потому что в его душе шевельнулось что-то, никак не связанное с толпой. И вот эти внутренние мотивы часто вступают в конфликты с описанными выше двумя внешними, когда человек что-то хочет сделать потому, что его душа об этом просит, но понимает, что окружающие люди ждут от него совсем другого. И развитие нашего общества по западному образцу идет как раз в том направлении, когда эти конфликты мотивов возникают все чаще и практически всегда разрешаются в пользу интересов толпы. В конечном итоге современный человек толпы просто теряет способность слышать свою собственную часть души, не зависимую от окружения, и, как следствие, полностью теряет спонтанность в своем поведении. Какое бы желание у него внутри души ни зарождалось, оно обречено на неудовлетворение.

Она идет по жизни смеясь.
Она легка, как ветер,
Нигде на свете
Она лицом не ударит в грязь.
Испытанный способ
Решать вопросы —
Как будто их нет,
Во всем видеть солнечный свет.

Она идет по жизни, смеясь,
Встречаясь и прощаясь,
Не огорчаясь,
Что прошанья легки,
а встречи на раз,

И новые лица
Торопятся слиться
В расплывчатый круг
Как будто друзей и подруг...

Она идет по жизни смеясь.
В гостях она как дома,
Где все знакомо.
Удача с ней. Жизнь удалась.
И без исключенья
Все с восхищеньем
Смотрят ей вслед и не замечают,

Как плачет ночами
Та, что идет по жизни смеясь...

(Андрей Макаревич)

Это приводит к переживанию своего личного несчастья даже в тех случаях, когда человек внешне вполне благополучен. Образ именно такой драмы удалось красочно описать Андрею Макаревичу в своей песне «Она идет по жизни смеясь».

Выводы и рекомендации

Каждому человеку следует самому решить, на что или на кого ему ориентироваться в своем поведении. Выбор при этом небогат: либо ориентация на толпу, на ожидания окружающих людей; либо на свою собственную душу. Первое даст относительную гармонию отношений с окружающими людьми, но породит тотальный конфликт со своей собственной душой, чреватый формированием невротической личности. Второй путь обеспечит внутреннюю психологическую гармонию, лад с собственной душой, но заплатить за это придется недовольством окружающих вашим поведением, так как желания вашей собственной души далеко не всегда будут совпадать с их ожиданиями.

Если вы все-таки выберете для себя нормой поведения искренность и непосредственность, что, допустим, вам давалось ранее далеко не всегда, то начинать придется с коррекции своей собственной совести. Совесть ведь бывает разная. У человека толпы совесть — это внутренний цензор, который содержит в себе все обобщенные групповые нормы поведения и ценности. Именно этот контролер заставляет человека поступать так, как принято в его обществе. Но есть и другая совесть — мнение своей собственной души, которое независимо от ожиданий окружения. У человека толпы эта истинная совесть полностью замещается внутренним цензором, и тогда человеку начинает казаться, что он поступает таким образом не потому, что так хотят окружающие, а по велениям своей совести. Но это самообман,

позволяющий человеку толпы хоть как-то снизить остроту своего внутреннего конфликта.

Поэтому человеку, желающему в своем поведении стать более искренним и непосредственным, придется вести борьбу со своим внутренним цензором, которого он привык воспринимать как свою совесть. И все это надо будет делать ради того, чтобы реанимировать желания своей собственной души, которая если еще и продолжает подавать свой голос в процессе принятия решения что сказать или сделать, то он еле слышен, лишен надежды на внимание к себе и робок из-за боязни вообще потерять возможность высказываться. Каждый раз, когда вы хотите во взаимодействии с окружающими людьми что-то сделать или сказать, задавайте себе вопрос: «Действительно ли моя душа хочет именно этого?» — и внимательно прислушивайтесь к тому, не раздастся ли из глубин души тоненький голосок, противоречащий привычному уже командирскому рявканью внутреннего цензора. Чем внимательнее вы будете прислушиваться к голосу своей собственной души, тем крепче и увереннее он будет со временем становиться. А внутренний цензор, наоборот, будет терять свое влияние, пока когда-нибудь не замолчит совсем.

ОТНОШЕНИЕ К СЕБЕ И ЛЮДЯМ

Суть вопроса

Ориентация маргинала в своем поведении преимущественно на себя дает, на первый взгляд, основание окружающим обвинить его в эгоизме. Однако тщательный анализ показывает, что

■ В детстве глупец думает лишь об отце с матерью, в молодости — лишь о возлюбленной, в старости — лишь о детях. Так и не успевает он подумать о самом себе.

(Древняя Индия)

истинный эгоизм присущ как раз людям толпы, в то время как маргиналу свойственна любовь к себе, что далеко не одно и то же.

Человек толпы, страдающий эгоизмом, на самом деле не любит себя. А тот, кто не любит себя, лишен способности любить и других людей. Вот почему в современном обществе царит равнодушие друг к другу и даже жестокость, порождаемая конкуренцией за «место под солнцем».

Что касается маргинала, то он, любя себя, оказывается способным полюбить и другого человека, что следует отличать от такого хорошо известного невроза под названием «альtruизм». Альтруизм, или любовь ко всем людям сразу, обычно не имеет с реальной любовью ничего общего. Любовь маргинала всегда проявляется к каким-то конкретным людям, которые интересны ему и достойны его любви. Точно так же маргинал оказывается способным и на проявление милосердия к конкретному человеку, действительно оказавшемуся в беде, но не к профессиональному попрошайке, лицемерно разыгрывающему драматическую сцену.

Аргументы

Различие человека толпы и маргинала в отношении к себе и людям понятно по определению: маргинал в основном самодостатчен, а человек толпы без окружающих не может жить даже короткое время. То есть маргинал настолько ценен и интересен самому себе, что может длительное время обходиться без контактов с другими людьми. Многие читатели тут же заявят, что это, мол, эгоизм — нехорошее личностное качество. Но все не так просто, как кажется на первый взгляд. Дело в том,

Любовь одна, но подделок под нее — тысячи.

(Ларошфуко)

Истинная любовь похожа на привидение: все о ней говорят, но мало кто ее видел.

(Ларошфуко)

что обычно люди сильно путаются в таких понятиях, как эгоизм и любовь к себе. Попробуем разобраться в различиях между ними.

Эгоизм (или эгоцентризм) — это личностная позиция, когда человек ставит себя в центр мира и считает, что все вокруг существует только для него, только ради него. А раз так, то эгоист убежден в том, что он должен быть самым счастливым, самым богатым, самым красивым и т. д. и т. п. Подобное отношение к миру и людям порождает следующее: во-первых, эгоист начинает смотреть на окружающих, как на своих рабов, чье предназначение — во всем ему угоджать. Во-вторых, он считает себя вправе претендовать на собственность других людей. В-третьих, он постоянно сравнивает себя со всеми другими людьми, чтобы получить подтверждение о своем превосходстве. Это порождает у него жадность и соперничество, так как никто вокруг него не должен хоть в чем-то быть выше его. Так как все окружающие люди становятся его конкурентами, то он невольно начинает относиться к ним враждебно. Этот враждебный настрой ко всем людям, дополненный отсутствием уважения к ним (как можно уважать своего раба!), делает невозможным появление у эгоиста любви к кому бы то ни было из окружающих. Но и себя любить он не в состоянии, так как постоянно не удовлетворен результатами сравнения себя и своих успехов с окружающими людьми, среди которых всегда найдется более удачливый соперник. Один красивее эгоиста, другой умнее, третий богаче... Как тут можно любить себя, такого неудачника!

Благо в гуманистической этике — это утверждение жизни, развертывание человеком своих сил. Добродетель — это ответственность за собственное существование. Порок — это безответственность по отношению к самому себе.

(Эрих Фромм)

Опьянев от материального процветания и успехов в покорении природы, человек перестал считать самого себя первой заботой.

(Эрих Фромм)

Маргинал никогда не будет эгоистом, так как ему в голову не придет себя ставить в центр мира, ибо тогда он автоматически окажется в центре толпы, что для него неприемлемо. Маргиналу не нужен мир окружающей его толпы, так как счастье свое он находит внутри своей души. Счастье маргинала заключается в умении получать удовольствие от такой жизни и от такого мира, какие они есть. И в этом ему никто не может быть помощником, так как настройка на подобное эмоциональное состояние — процесс глубоко интимный. Человеку не надо быть центром мира, так как он сам и есть, по большому счету, этот самый мир, состоящий из ощущений себя и своих связей с природой. Такой лад с самим собой дает маргиналу способность испытывать любовь не только к самому себе, но и к другому человеку, мир которого окажется ему не менее интересным, чем свой собственный. И если положительное отношение эгоиста к другим людям обратно пропорционально их человеческим качествам и их материальному богатству, то маргинал показывает прямую зависимость. Эгоист сравнивает себя с другими и тем сильнее ненавидит их, чем лучше они. Маргинал же проявляет тем больший интерес к человеку, чем богаче тот оказывается содержанием своего внутреннего мира. На этом и основывается способность маргинала проявлять любовь к другому человеку. Здесь срабатывает «золотое правило» Библии — «Возлюби ближнего своего, как

Пока течет и длится срок,
меняя краски увядания,
мой незначительный мирок
мне интересней мироздания.

(Игорь Губерман)

Как метры составляют

расстояние,
как весом измеряется капуста,
духовность — это просто
состояние,
в котором одиночество не
пусто.

(Игорь Губерман)

Иша свой мир в себе, а не
вовне,
чуть менее полошешься в гавне.

(Игорь Губерман)

Даже на сковороде в преис-
подней каждый печется о себе.

(Андрей Кнышев)

У нас всегда достанет сил,
чтобы перенести несчастье
ближнего.

(Ларошфуко)

самого себя». И как эгоист, в котором угадывается человек толпы, распространяет свою ненависть к самому себе на окружающих людей, так маргинал оказывается способен на любовь не только к себе, но и к другим.

Так, например, хорошо знакомый нам уже Майерс в «Социальной психологии» приводит немало реальных событий, в которых большое количество людей не приходило на помощь несчастным, молящим прохожих или наблюдателей. Вот один из таких случаев: «Элеанор Брадли во время покупок в магазине случайно упала и сломала ногу. В полубессознательном состоянии, страдая от боли, она умоляла оказать ей помощь. В течение 40 минут мимо нее текли потоки покупателей». Я думаю, большинство читателей и сами смогут вспомнить из своей жизни достаточно примеров равнодушия окружающих к жертвам несчастных случаев или насильственных преступлений. Кто-то может возразить, что знает случаи, когда нуждающиеся в помощи все-таки ее получали от посторонних людей. Но здесь-то главное не это, а статистика: сколько прошедших мимо людей приходится на тех немногих, которые все-таки откликаются на призывы о помощи? Если собрать статистику по многим случаям, то окажется, что доля отзывчивых людей составит от силы несколько процентов, но это как раз и есть доля маргиналов в обществе! Получается, что оказание помощи посторонним человеком является маргинальным поведением, не свойственным подавляющему большинству общества!

Естественно, возникает гипотеза, действительно ли милосердие связано с другими проявлениями маргинальности?

Есть индивиды — их участь сурова, жизнь их легко увядает; камень, не брошенный ими в другого, в почках у них оседает.

(Игорь Губерман)

Раньше каждый бежал на подмогу, если колокол звал вечевой; отзовется сейчас на тревогу только каждый пузырь мочевой.

(Игорь Губерман)

Так вот, тот же Майерс приводит результаты исследований, которые свидетельствуют, что люди толпы не склонны оказывать помощь людям, не похожим на них (т. е. маргиналам), в то время как маргиналы при оказании помощи незнакомым людям не обращают внимания на наличие или отсутствие у жертвы признаков сходства с ними. У людей толпы проявляется механизм моральной эксклюзии, а у маргиналов — моральной инклюзии. Люди толпы склонны считать всех окружающих «чужими», недостойными их заботы и внимания, а маргиналы готовы считать «своим» любого реально оказавшегося в беде человека (подразумеваются не профессиональные нищие и лицемерные благотворители, а жертвы несчастных случаев, когда нуждающийся человек испытывает неподдельную боль и его жизни или здоровью угрожает реальная опасность), даже несмотря на его явные признаки отличия. В другом месте этой же книги я наткнулся на такую фразу: «Предварительные данные свидетельствуют о том, что высокоэмоциональные, эмпатические и склонные к самостоятельному принятию решений личности более способны к сопереживанию и оказанию помощи». Ну, чем не описание маргинала!

Почему люди толпы так черствы даже друг к другу? Здесь опять-таки проявляется свойство эгоизма, приводящее к тому, что в современном обществе нормой становится конкуренция всех со всеми. Человек толпы строит свои отношения с окружающими по принципу «человек человеку волк». Поэтому он и не способен из-за хронической настороженности к людям

Моральная эксклюзия: восприятие определенных лиц или групп как находящихся вне области, на которую распространяются законы морали и нравственности. Моральная инклюзия, наоборот, помешает других в область действия нравственных принципов.

(Дэвид Майерс)

Бывают лампы в сотни ватт, но свет их резок и увечен, а кто слегка мудаковат, порой на редкость человечен.

(Игорь Губерман)

на сколько-нибудь теплые и близкие отношения даже с теми, кого привык считать друзьями. Подобная боязнь глубокого общения чем-то похожа на нежелание человека впускать гостя к себе в захламленную и загаженную квартиру, аналогом которой в данном случае выступает его душа. Кому среди людей толпы приятно показывать окружающим свою внутреннюю сущность, так непохожую на играемую им роль благополучного члена общества!

У маргиналов подход в этом вопросе совсем другой: круг общения как можно уже, но отношения глубже. За один вечер маргинай способен реализовать действительно взаимно заинтересованный контакт максимум с одним человеком. Даже в многочисленных компаниях маргиналы склонны общаться узким кругом: парами, максимум — втроем. Если вернуться к сравнению души с квартирой, то маргинай похож на того домохозяина, который считает свое жилище (душу) самым интересным местом в мире и с удовольствием готов будет познакомить с ним своего гостя во всех подробностях. И делать это он, естественно, готов не как музейный гид, устало повторяющий толпам посетителей одну и ту же лекцию о подведомственных экспонатах, а держа своего гостя за руку и заглядывая ему в глаза, чтобы ни на секунду не потерять с ним персональный контакт, отслеживая проявляемый тем интерес к демонстрируемым богатствам квартиры-души. Именно поэтому у маргинала обычно очень мало друзей, так как подобное проникно-

Я нужен был и близок людям разным,
поскольку даром дружбы одарен,
хотя своим устройством несуразным
к изгнанию в себя приговорен.

(Игорь Губерман)

У кого есть друзья, у того нет друга.

(Аристотель)

Иметь много друзей — значит не иметь ни одного.

(Эразм Роттердамский)

Немного мне нужно:
один понимающий друг
для умной беседы
да один пейзаж по соседству,
чтобы только им любоваться...

(Татибана Акэми)

венное общение со многими невозможно, особенно если учитывать, что максимум времени у него уходит на общение с самим собой. Маргинал может контактировать только с теми, с кем находится в непосредственном соприкосновении на уровне личности. Как только человек начинает контактировать с группой вообще, как с обезличенным субъектом, он превращается в человека толпы.

Выводы и рекомендации

Многие люди страдают из-за отсутствия в их жизни реальной любви, не понимая, что причина этого кроется в отсутствии любви к себе. Еще хуже положение, если вместо нее в душе человека укоренился эгоизм, являющийся одной из форм невроза. Поэтому путь к появлению любви в своей жизни начинается с расчистки от проявлений эгоизма места в своей душе для любви к себе. Так как главными проявлениями эгоизма являются потребительское отношение к другим людям и жадность к материальным благам, из-за которой возникают конкурентные отношения с окружающими, то в первую очередь надо начинать бороться с ними в своей душе. После того как удастся искоренить проявления эгоизма, наступает пора культивирования любви к себе. Основой этого чувства является готовность слышать любое ее движение и ваше стремление по возможности удовлетворять ее желания по принципу «здесь и сейчас». Любая отсрочка исполнения желания своей души обычно не дает желаемого эффекта. Либо удовлетворять свое желание немедленно, либо никогда, так как стремление к отсроченному удовлетворению втягивает человека в суету, мешающую ему услышать последующие желания своей души.

Научившись любить себя, вы обнаружите, что среди многочисленных желаний вашей души есть и интерес к другим

людям, хотя и не ко всем сразу. Идя вслед за этим интересом, вы и найдете свою любовь.

ОТНОШЕНИЕ К РАБОТЕ И ОТДЫХУ

Суть вопроса

В современном обществе почет и уважение окружающих людей обычно достается так называемым трудоголикам. Причем не за результаты их героического труда — тут разговор особый, а только лишь за проявленное усердие, выражющееся в том, что жизнь человека в основном состоит из длительной работы, короткого сна и небольших отрезков времени, уходящих на еду, дорогу, необходимый по минимуму быт. То есть получается, что в толпе ценится именно образ жизни, связанный преимущественно с работой.

Причины такого жизненного выбора рассматриваются ниже, здесь же стоит сказать лишь о том, что человек толпы в подобном отношении к своей работе фактически теряет сам смысл этого занятия. По логике вещей человек должен трудиться для того, чтобы получить материальные ресурсы, необходимые ему и его семье для наслаждения жизнью. Однако эта логика представителю толпы оказывается недоступной, и он живет для того, чтобы работать. Маргинал же, в отличие от общепринятых образцов поведения, работает для того, чтобы жить как раз в соответствии с указанной только что логикой. Поэтому, как правило, в толпе на него навешивается ярлык бездельника за недостаточное трудовое рвение. Особенно бесит толпу, когда маргинал вообще не работает. Но если у человека есть средства на жизнь, зачем же ему еще зарабатывать?! Этот вопрос неприемлем для окруже-

ния, так как оно считает, что добропорядочный человек должен работать ВСЕГДА, независимо от жизненных обстоятельств.

Аргументы

Для человека толпы современного общества нормой стал трудоголизм. Фактически жизнь большинства людей сейчас состоит из одной сплошной работы, перемежаемой изредка коротким отдыхом. Иная картина наблюдается в случае с маргиналами. Здесь уже значительная часть жизни состоит из наслаждения бытием, от которого маргиналу иногда приходится отвлекаться на зарабатывание «куска хлеба» по минимуму, лишь бы хватило для поддержания себя в хорошем состоянии для получения удовольствия от жизни. В результате этого толпа обычно считает маргиналов лентяями и бездельниками, а маргиналы воспринимают людей толпы недоумками, впустую растратающими свою единственную жизнь.

Для примера приведу письмо читательницы журнала «Лиза» (№ 50, 2000 г., рубрика «Письма о сокровенном»): «Моего мужа год назад уволили по сокращению штата. Сначала он рьяно взялся за поиски работы, потом, обжегшись на неудачах, умерил свой пыл, а потом ему все это надоело, и он совсем «осел» дома. Что-то делает по хозяйству, готовит обеды и ужины, возится с ребенком. По-моему, ему очень понравилось не работать: никуда не надо ходить, ни за что не отвечать... Я зарабатываю неплохо, на жизнь хватает всем. В общем, хорошо устроился. Теперь не знаю, как мне сдвинуть его с места. Светлана И.». На мой взгляд, письмо совершенно идиотское, но типичное для человека

Работа — последнее прибежище тех, кто больше ничего не умеет.

(Оскар Уайльд)

толпы: семья в деньгах не нуждается, жена работу бросать не стремится, муж дома явно не бездельничает, освобождая супругу от всех домашних забот — короче, никаких рациональных причин заставлять человека работать нет вовсе, но так не принято среди людей! «Пусть идет и мучается от испорченной жизни, как все «нормальные» люди это делают!» Так ладно, если только мужу жизнь испортит — еще и ребенок потеряет живое общение с отцом. Зато в семье появятся лишние деньги, на которые можно будет нанять домохозяйку, которая будет старательно изображать добросовестную заботу о чужом доме и чужом ребенке! В этом вся логика человека толпы.

Почему же люди толпы так много работают в ущерб отдыху? Я вижу четыре причины. Первая из них — самая важная — заключается в борьбе всех со всеми за социальный статус. Ее мы подробнее рассмотрим далее. Вторая причина сводится к тому, что у многих людей работе просто нет альтернативы. Они и рады бы отдохнуть, но не знают, как и с кем. Такие люди обычно живут только в одном мире — своей профессиональной сферы. Трудовой коллектив для таких является единственным кругом общения. Поэтому они просто не представляют себя вне своей работы. Такие несчастные и домой-то приезжают только для того, чтобы выпспаться.

Третьей причиной является замкнутый круг, в котором многие люди толпы оказываются, когда пытаются все-таки организовать себе какой-то приличный отдых. Но из-за сво-

Лучше ничем не заниматься,
чем заниматься ничем.

(Плиний Младший)

Я никогда не бываю так занят,
как в часы своего досуга.

(Цицерон)

С восторгом я житецкий ем
кулич,
но вдосталь мне мешает
насладиться
висящая над нами, словно бич,
паскудная обязанность
трудиться.

(Игорь Губерман)

Я проделал по жизни немало
дорог,
на любой соглашался маршрут,
но всегда и повсюду,
насколько я мог,
уклонялся от права на труд.

(Игорь Губерман)

его неумения отдохать они остаются им неудовлетворенными. На эту свою неудачу они реагируют простым выводом: услуги отдыха на рынке развлечений были куплены недостаточно качественные. Значит, в следующий раз надо не скучиться и приобрести что-нибудь подороже. Для этого надо больше денег?! Не беда, вот возьмем дополнительные объемы работы, если надо — посидим в офисе и в выходные, но уж как-нибудь осилим повышение стоимости своего отдыха. Подобная тактика обычно успеха не имеет, так как причина неудовлетворенности своим отдыхом определена неправильно. Отдохнуть надо уметь! И прежде всего это умение заключается в правильном переключении с работы на отдых и обратно.

На переход от работы к активному отдыху всегда требуется определенное время. На него надо настраиваться, так как получение от активного отдыха удовольствия требует свежих органов чувств. Изнасилованные работой органы чувств и мозг нуждаются в пассивном отдыхе для восстановления своей работоспособности, нужной для получения удовольствия от активного отдыха. То есть для нервной системы активный отдых является такой же нагрузкой, как и профессиональная деятельность! Поэтому она нуждается в восстановлении как при переходе от работы к отдыху, так и наоборот. Без него человек будет и работать, и отдохнуть неэффективно. В современном же обществе очень занятые люди практикуют непрерывное чередование фаз работы и активного отдыха

От суеты два шага до тоски.

(Андрей Макаревич)

Всем сердцем я чту,
Отдыхая в полдневный жар,
Людей на полях.

(Исса)

О, до чего мне стыдно
Слушать, лежа в тени,
Песню посадки риса!

(Исса)

День за днем предаюсь
безделью.
И не жаль мне ни одного
мгновенья...

(Исса)

Я уважаю лень за то, что
в ее бездейственной тиши
живую мысль питает почва
моей несуетной души.

(Игорь Губерман)

без каких-либо ощутимых пауз пассивного отдыха. Происходит это чаще всего потому, что пассивный отдых, как мы об этом вели разговор выше, в разделе о смысле жизни, для человека толпы очень опасен, так как во время него в голову лезут всякие «некоторые» мысли о различных нерешенных личных проблемах. Вот и попадают такие трудоголики в замкнутый круг бессмысленной жизни. Можно, конечно, в виде пассивного отдыха устроить пьянику до отключения сознания, но я сомневаюсь, что нервная система при этом полноценно отдыхает.

Четвертую причину трудоголизма можно было бы назвать идеологической, так как в обществе существует догма о том, что труд сам по себе есть благо как для самого работающего, так и для человечества в целом. О психологической подоплеке такой общепризнанной установки в отношения труда достаточно метко высказался Сомерсет Моэм: «Мы часто слышим об облагораживающем воздействии труда; однако в работе как таковой ничего благородного нет. Если взглянуть на историю развития человеческого общества, можно заметить, что, когда бушевали войны, труд презирался, а военная служба считалась за доблесть. Суть в том, что люди, мнящие себя венцом творения, в каждый исторический период считают свои занятия благороднейшим предназначением человека.

Труд восхваляется, потому что он отвлекает человека от самого себя. Глупцы скучают, когда им нечем заняться. Для большинства работа — единственное спасение от тоски; но просто смешно лишь по этой причине называть труд облас-

Сколько же нас в этой борьбе
с собственной ленью полегло
не на живот, а на спину...

(Андрей Кнышев)

Как застоявшийся скакун
азартно землю бьет копытом,
так я, улегшись на боку,
опять ленивым тешусь бытом.

(Игорь Губерман)

Творимое с умом и не шутя
безделье освежает наши души;
с утра я лодырь, вечером —
лентяй,
и только в промежутке бью
баклуши.

(Игорь Губерман)

гораживающим. Праздность требует немалого таланта и усилий — или же особого склада ума».

Подход же маргинала к соотношению работы и отдыха выражается девизом «Работаем для того, чтобы жить, а не наоборот». А для жизни маргинату многое не надо, так как он руководствуется принципом разумной достаточности, но об этом речь пойдет в следующем разделе.

Выводы и рекомендации

Решение данного вопроса связано с нахождением правильного смысла жизни. Когда работа оказывается этим самым смыслом жизни, из нее уходит радость. Если же вы считаете, что жить надо ради наслаждения текущим моментом, то не позволяйте посторонней суете мешать этому. Глупо тратить жизнь на зарабатывание ресурсов для будущего счастья, если это лишает возможности получить наслаждение от жизни сейчас. В отношении к работе должен соблюдаться принцип разумной достаточности — работать надо столько, чтобы обеспечить свою жизнь минимально необходимым для доступного счастья. А все остальное от работы время надо наслаждаться настоящим бытием. И ни в коем случае не следует позволять окружающим втягивать себя в бессмысленный трудоголизм.

ОТНОШЕНИЕ К БОГАТСТВУ, СЛАВЕ И ВЛАСТИ

Суть вопроса

В любой более-менее устойчивой толпе за какое-то время формируется иерархия социальных ролей и связанных с

ними статусов. Для некоторых людей борьба за место в этой иерархии становится смыслом жизни.

Для достижения высокого социального статуса наиболее важными оказываются три вида ресурсов: богатство, слава и власть, которые относительно легко в современном обществе превращаются друг в друга. Та небольшая часть толпы, которой удается занять значимые места в социальной иерархии, становится элитой общества. Однако удовлетворения от достигнутого результата им оказывается мало, особенно при полном равнодушии многих членов общества к их положению. Тогда элита начинает, используя свое доминирующее положение в толпе, пропагандировать свои ценности в массы. Богатство, слава и власть в общественном сознании становятся самоценностью, и подавляющее большинство людей начинает стремиться к ним. Но вместе с этим они начинают уважать и тех, кто уже добился успеха на этом поприще, т. е. элиту, что ей и требовалось.

Маргиналом оказывается тот член общества, который проявляет нечувствительность к данной манипуляции общественным сознанием. Он равнодушен к высокому социальному статусу в любом его проявлении, так как умеет получать удовольствие от жизни более простыми способами.

Богатству иных людей не стоит завидовать: они приобрели его такой ценой, которая нам не по карману, — они пожертвовали ради него покоем, здоровьем, честью, совестью. Это слишком дорого — сделка принесла бы нам лишь убытки.

(Жан де Лабрюйер)

Если бы Бог считал богатство чем-то ценным, он бы не давал его негодяям.

(Джонатан Свифт)

Есть два основополагающих закона: один общий, другой частный. Согласно общему, каждый может, если постара-ется, добиться того, чего хочет. Согласно же частному, каждый человек в отдельности является исключением из закона общего.

(Сэмюэл Батлер)

Эти три социальных явления в современном обществе являются главными факторами, дающими человеку толпы цель его жизни - **ВЫСОКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС**. Причем все эти три ресурса получения вожделенного статуса очень легко конвертировать друг в друга: за деньги можно через СМИ прославить себя, что автоматически дает хорошие шансы выиграть какие-нибудь выборы и прорваться к власти; широкая известность, помимо доступа к власти, может отлично кормить человека через шоу-бизнес; обладатель власти обычно легко богатеет благодаря механизмам коррупции и воровства и без затруднений делает себе паблисити через «карманные» СМИ. Поэтому для того, чтобы понять отношение человека толпы к этим трем «китам», на которых держится современное общество, надо сперва разобраться со значением для него социального статуса.

Если проанализировать историю и культуру всей человеческой цивилизации, то станет очевидным, что в обществе практически у всех народов существовало достаточно много людей, главной целью жизни которых было получение статуса земного бога. Во многих могущественных государствах титул верховного правителя напрямую обозначал либо божественную природу его носителя, либо наместничество на земле небесных богов. И хотя наиболее ярко выраженным

Мы в воде ледяной не плачем
И в огне почти не горим,
Мы — охотники за удачей.
Птицей цвета ультрамарин.
Говорят, что за эти годы
Синей птицы пропал и след,
Что в анналах родной природы
Этой твари в помине нет,
.....
Синей птицы не стало меньше,
Просто в свете последних дней
Слишком много мужчин
и женщин
Стали сдуру гонять за ней.
И пришлось ей стать
осторожной,
Чтоб свободу свою спасти,
И вот теперь почти
невозможно
Повстречать ее на пути.

*(Фрагменты песни
Андрея Макаревича
«Синяя птица»)*

было обожествление правящих особ, но только ими этот социальный процесс не ограничивался и тиражировался на местном уровне в более мелком масштабе в формах, доступных возможностям местных князьков.

Большинство религиозных представлений о небесных богах, придуманных человеком, так или иначе являлись развитием, ограниченным рамками приземленной фантазии, представлений о том, каким должен являться земной бог. Сдается мне, что и большинство религий было придумано людьми (или, по крайней мере, модифицировано жрецами по заказу влиятельных особ) не столько для решения каких-то психологических проблем простого человека, сколько для привития ему правильного отношения к земным богам на примере почитания абстрактных образов божественности.

Таких проявлений земной божественности я могу выделить четыре: всемогущество, власть, слава, имитация бессмертия. Первый аспект — всемогущество — очень точно передается самим словом: могу себе позволить все, доступное человеку в этом мире. Власть предполагала ощущение дозволенности решать судьбы других людей. Слава выражалась во всеобщем поклонении окружающих людей. С бессмертием было сложнее, так как реально вечная жизнь сильным мира сего никак не давалась, несмотря на все их попытки. Поэтому они шли ради сохранения своего образа в общественном сознании на всевозможные ухищрения в виде монументальных сооружений, произведений искусства и способов физического сохранения своего праха.

В настоящее время ментальность человечества нисколько не изменилась даже с появлением космонавтики или Интернета: по-прежнему в обществе огромное количество людей стремятся получить статус земного бога. Изменения произошли только в форме проявлений

Ничтожества водятся в пантеоне славы, как клопы.

(Андрей Кнышев)

божественности. Если раньше всемогущество обеспечивалось тиерией, то теперь все можно купить за деньги. Остальные аспекты изменились еще меньше, разве что к мумификации и бальзамированию тела добавились глубокая заморозка, клонирование и сохранение ДНК. Слава какого-нибудь Билла Гейтса или Майкла Джексона ничем не отличается от доисторического поклонения духам, настолько отношение толпы к ним потеряло всякие намеки на какие-либо рациональные чувства типа уважения к выдающемуся человеку. Их и называют в современном обществе не иначе как идолами компьютерного или музыкального мира. О власти хочется говорить еще меньше, так как экспериментировать сильные мира сего с возможностями погубить или осчастливить по своей прихоти любого человека перестали уже давно, убедившись в легкости онного.

Каковы причины такого всепоглощающего стремления к получению статуса земного бога хотя бы «местного разлива»? Мне кажется, это обусловлено неудовлетворением человека своей настоящей жизнью. Религиозные фантазии в такой ситуации рисуют идеальный образ счастья небесного, а активность для достижения статуса земного бога дает возможность человеку причаститься к этим вожделенным миражам. Поэтому получается, что земными богами стремятся стать именно те люди, которые совершенно не умеют жить своей реальной жизнью, получать от нее вполне земное наслаждение.

На основании всего вышесказанного можно сделать вывод, что мания быть земными богами является высшей формой невроза (который я называю «божественным» неврозом) современного человека по своей деструктивности и вредносности для человечества.

В чем позиция маргинала отличается от описанной только что? Прежде всего тем, что

Человек и впрямь похож на обезьяну: чем выше он залезает, тем больше он демонстрирует свою задницу.

(Фрэнсис Бэкон)

маргиналу совершенно не нужно мечтать о небесном счастье, так как он сполна получает удовольствие и от своей текущей жизни. А значит, и его отношение к богатству, славе и власти в корне отличается от их фетишизации у толпы, простым членам которой описанными только что божественными невротиками навязана земная религия. Это как в фильме А. Тарковского «Сталкер», когда Писатель спрашивает Сталкера: «А сами вы не хотели попользоваться этой комнатой?» На что тот равнодушно отвечает: «А мне и так хорошо!» И это говорит человек, который по меркам современного общества абсолютный ноль! Поэтому нам остается в своем рассмотрении спуститься с «небес» на землю.

Мне власть нужна, как рыбе —
серьги,
в делах успех, как зайцу —
речь,
я слишком беден, чтобы деньги
любить, лелеять и беречь.

(Игорь Губерман)

Владея к наслаждению
ключом,
я славы и успеха не искал:
в погоне за прожекторным
лучом
меняется улыбка на оскал.

(Игорь Губерман)

Блаженны нищие ленивцы,
они живут в самих себе,
пока несчастные счастливцы
елозят задом по судьбе.

(Игорь Губерман)

Выводы и рекомендации

Условия жизни маргинала по своему значению должны снизиться до предела борьбы за существование. То есть человек должен быть обеспечен материальными благами всего лишь настолько, чтобы ему не приходилось тратить на добывание куска хлеба ВСЕ свое время, но не более того. Обеспечив себе и своей семье прожиточный минимум, у человека должно оставаться достаточно времени и возможности для наслаждения жизнью, самосовершенствования и воспитания детей. Что касается власти и славы, то первая уродует психику человека, на что настоящий маргинал никогда не согласится, а вторая лишает его свободы, так как

знаменитый человек нигде не может появиться без многочисленной охраны, не рискуя столкнуться с: назойливыми поклонниками; папарацци, фиксирующими на фотопленку каждое его движение в расчете продать ее впоследствии СМИ; с каким-нибудь психом, желающим обессмертить свое имя, пырнув знаменитость ножом.

Если вы, покопавшись в своей душе, обнаружите положительное отношение к чему-нибудь в этой троице — богатство, слава и власть, то попробуйте задуматься над тем, чем это вызвано. Действительно ли это вызвано потребностями вашей истинной души, или же привнесено в нее извне в результате какой-либо психологической манипуляции над вашим сознанием? И как в доме время от времени надо проводить уборку и ревизию всего имеющегося, выбрасывая на свалку весь хлам, так и в душе полезно проводить подобную чистку, удаляя из нее все чужеродные элементы, бесполезные для вашего наслаждения текущим моментом. И особенно тщательно надо избавляться от различных психологических имплантантов, превращающих вас в чьего-то раба.

ОТНОШЕНИЕ К СВОБОДЕ

Суть вопроса

Личностная свобода человека проявляется прежде всего в том, что он оказывается либо нечувствительным к психологическому давлению на него других людей, либо способным противостоять ему усилием своей воли к независимости. Психологические эксперименты показывают, что в обществе доля людей, проявляющих личностную свободу, по разным оценкам, колеблется от нескольких процентов до трети (все зависит от степени оказываемого психологического давления и серьезности уступки этому нажиму). То есть

большинство людей проявляет конформизм — готовность поддаваться общественному мнению, авторитету. И лишь немногие готовы идти против или поперек течения. Но и среди этих немногих следует различать истинно свободных людей и ложных маргиналов. Первые прокладывают свой путь исходя из внутренней цели, а существующее в обществе течение лишь учитывают, чтобы сделать соответствующую поправку и, в итоге, все-таки приплыть точно к своей цели. Что касается ложных маргиналов, то они всегда гребут только против течения, привлекая тем самым к себе внимание, что, собственно, и является их истинной целью. Личностной свободой это не является, так как их движение все равно всегда определяется существующим в обществе течением. Поменяла толпа направление своего движения, и ложные маргиналы вынуждены тут же разворачиваться, чтобы снова встать навстречу потоку — этакие антифлюгеры (физически флюгер и антифлюгер — это одно и то же, так как различаются они только направлением нарисованной на них стрелки). А полностью свободный человек при случае может плыть и по течению, если оно по воле обстоятельств временно несет его прямо к выбранной им цели.

Аргументы

Вопрос свободы, как правило, упирается в выбор одного из двух вариантов развития ситуации: признаешь накладываемые на тебя ограничения — получаешь такое-то вознаграждение; не признаешь — имеешь соответствующие негативные последствия. В первом случае за свою несвободу человек получает определенную выгоду, которая может заключаться либо в виде полезного приобретения, либо в виде отсут-

Душевная сила — это способность сказать «нет» тогда, когда весь мир хочет услышать «да».

(Эрих Фромм)

ствия репрессий. Во втором случае человеку свободы достается ценой либо отказа от вознаграждения, либо какими-то потерями из-за карающего воздействия со стороны субъекта накладываемых ограничений. Например, в заповеднике запрещено охотиться. Охотник свободен в своем выборе: или он проигнорирует запрет и заплатит за этот акт свободы цену, которую определят правоохранительные органы и система правосудия; или же он откажется от свободы охотиться где угодно и будет избавлен от потенциального приговора за нарушение закона.

Ограничения на поведение человека могут быть наложены либо официальными законами, либо правилами этикета. Отношение к соблюдению закона специфично, и мы его подробно рассмотрим в третьей части книги (гл. «Стратегические установки маргинала»). В данном же разделе сосредоточимся на отношении к неофициальным социальным нормам поведения в обществе.

Среди нарушений неофициальных социальных норм можно выделить три типа проявления свободы: нарушение правил этикета; непочтение к авторитету; противопоставление себя большинству общества (или любой группы, которая является уменьшенной моделью общества). Если правила этикета хотя бы прописаны в специальной литературе, то такие социальные нормы, как необходимость уважать авторитет и ориентироваться на большинство, мало кто даже устно будет декларировать. Тем не менее за каждый из перечисленных трех актов свободы от выполнения этих общепризнанных правил поведения в обществе субъект свободы сталкивается с осуждением толпы. А это уже порождает для отщепенца определенные последствия: коммуникативная изоляция и негативное предубеждение окружающих людей, направленные на возвращение возмутителя спокойствия в рамки роли добродорпорядочного члена общества. Таким образом, получается, что каждый член общества оказывается в неком силовом поле,держивающем его поведение в рамках социальных

норм. И чем дальше их нарушитель удаляется от допустимых пределов, тем сильнее оказывается возвращающее воздействие этого силового поля.

Любой человек, желающий свободы в своем поведении от ограничений социальными нормами, понимает, что после первого шага в сторону протеста толпа будет все более остро ставить вопрос «ребром»: «Ты с нами или против нас?» И либо ему придется когда-нибудь «сломаться» в своем свободолюбии и получить наказание от окружающих за все предыдущие шаги протеста (а месть толпы к таким несостоявшимся бунтарям особенно жестока и безжалостна! Она не может им простить своей собственной трусости, так как любой член толпы втайне желает быть свободным, но боится даже мысли о бунте), либо эскалация противостояния его и толпы может подвести его к окончательному разрыву с обществом. А это уже вопрос АБСОЛЮТНОЙ СВОБОДЫ! Образом подобной свободы является поведение моряка, верящего в свои силы, свою команду и свой корабль. Такой капитан в шторм всегда старается уйти в открытое море подальше от опасных берегов, о которые волны и ветер могут разбить его корабль. Трусливый же моряк (если его так можно назвать, так как для него больше подходят слова «береговик» или «земляк»!) всегда старается жаться поближе к берегу, видя в нем свое спасение в лице людей, которые могут при случае прийти на помощь.

Большинство членов толпы чувствует себя не готовыми пройти, если потребуется, этот путь освобождения до конца, поэтому, опасаясь мести толпы, они даже и не пытаются вступить на него. Но дорога свободы оказывается не такой уж и страшной для тех, кто оказывается достаточно психически сильным и гибким, чтобы спокойно гулять по ней взад-вперед, так и не приближаясь к ее опасным концам: полной потере свободы в слиянии с толпой и окончательному разрыву с обществом. Такие бойцы оказываются в состоянии и уме-

ренно протестовать, не ломаясь под давлением толпы и избегая ее мести, и не доводить дело до последнего выбора: «Ты с нами или без?» Такое «хождение по лезвию бритвы» являетсяudemом гибких маргиналов, способных если и не гармонично и бесконфликтно сосуществовать с толпой, то хотя бы не вести открытые боевые действия. Все же остальные члены общества оказываются подвержены так называемому конформизму.

Словарь иностранных слов определяет это понятие так: «конформизм — приспособленчество, пассивное принятие существующего порядка, господствующих мнений и т. п., отсутствие собственной позиции, некритическое следование общим мнениям, тенденциям, авторитетам».

Хорошей иллюстрацией этого социального феномена будет отрывок из «Социальной психологии» Майерса, в котором описан знаменитый эксперимент Милграмма: «Два человека приходят в психологическую лабораторию, чтобы принять участие в исследовании процесса обучения и памяти. Суровый экспериментатор объясняет, что испытываются новаторские исследования эффекта наказания в обучении. Для экспериментатора требуется, чтобы один из испытуемых обучил другого списка пар слов и наказывал за ошибки, нанося удары электрическим током возрастающей интенсивности.

Напрасно нас бури пугали,
Вам скажет любой моряк,
Что бури бояться
Вам стоит едва ли,
В сущности, буря — пустяк.
В буре лишь крепче руки,
И парус поможет, и киль.
Гораздо трудней
Не свихнуться со скуки
И выдержать полный штиль.

(Фрагмент песни
Андрея Макаревича «За
тех, кто в море»)

За плечами с пустым мешком,
только хлеб там неся и воду,
в жалком рубище и пешком
есть надежда найти свободу.

(Игорь Губерман)

Глуп, кто меж плясунов и сам
пускается в пляску.

(Луциллий)

Удивительно, как часто отдельный человек выносит суждения в полном соответствии с общественными постулатами.

(Сомерсет Моэм)

Чтобы распределить роли, они тянут из шляпы полоски бумаги. Один из участников, 47-летний бухгалтер с манерами, выдающими мягкий характер, является «подсадным», и ему всегда выпадает быть «учеником». «Учителю» (доброволец, пришедший по объявлению в газете) дают для примера несильный удар током, а затем он видит, как экспериментатор привязывает «ученика» в соседней комнате к креслу и закрепляет электрод у него на запястье. После этого «учитель» и экспериментатор возвращаются в главную комнату с «генератором тока» с переключателями в диапазоне от 15 до 450 вольт с шагом в 15 вольт. Экспериментатор приказывает «учителю» переключать генератор на одну ступеньку выше всякий раз, когда «ученик» дает неверный ответ. Если испытуемый уступает требованиям экспериментатора, он слышит, как «ученик» стонет на 75, 90 и 105 вольтах. При 120 вольтах «ученик» кричит, что ему больно. А при 150 вольтах он взывает: «Экспериментатор, выпустите меня отсюда! Я больше не хочу участвовать в эксперименте! Я отказываюсь продолжать!» При 270 вольтах его протесты превращаются в агонизирующий крик, и он продолжает настаивать, чтобы его выпустили. При 300 и 315 вольтах он кричит, что отказывается отвечать. После 330 вольт он замолкает. В ответ на просьбы или предложения «учителя» прервать процедуру экспериментатор замечает, что отсутствие ответа должно расцениваться как неверный ответ. Чтобы вынудить испытуемого продолжать, он использует четыре фразы: 1) «Пожалуйста, продолжайте»; 2) «Условия эксперимента требуют, чтобы вы продолжали»; 3) «Чрезвычайно важно, чтобы вы продолжали»; 4) «У вас нет другого выбора: вы должны продолжать». В первой серии эксперимента из 40 испытуемых 25 (63%) дошли до полных 450 вольт. Фактически происходило следующее: все, кто достигал 450 вольт, подчинялись команде «продолжать» до тех пор, пока после двух ударов их не останавливал экспериментатор. Получив эти обескураживающие результаты, Милграм

в дальнейшем сделал протесты «ученика» еще более убедительными. Страдальческие протесты «ученика» принесли мало пользы: из новых 40 испытуемых 26 (65%) полностью уступили требованиям экспериментатора».

Таким образом, как минимум две трети нашего общества состоят из людей, которые готовы полностью подчиниться давлению толпы в лице ее авторитета или определяющего большинства, подавив свою личность. Вот как описал конформизм Фромм в книге «Здоровое общество»: «Конформизм — вот тот механизм, при помощи которого властвует анонимный авторитет. Мне следует делать то, что делают все, значит, я должен приспособиться, не отличаться от других, не «высовываться». Мне надо быть готовым измениться в соответствии с изменениями образца и желать этого. Не надо задаваться вопросом, прав я или не прав; вопрос в другом — приспособился ли я, не «особенный» ли я какой-нибудь, не отличаюсь ли. Единственное, что постоянно во мне, — именно эта готовность меняться. Никто не властен надо мной, кроме стада, частью которого являюсь и которому я тем не менее подчинен».

Таким образом, мы понимаем, что именно конформизм является главным основанием разделения общества на толпу и маргиналов. То есть маргинала можно определить как человека, не подверженного конформизму. Но здесь есть «подводный камень»! Дело в том, что в обществе часто используют термин «нонконформист», называя им лжемаргиналов — людей, которые противопоставляют себя толпе, но не являются истинными маргиналами. Лжемаргиналы являются органичной составляющей толпы, как небесное

Люди мало размышляют; они читают небрежно, судят спешно и принимают мнения, как принимают монету, потому что она холаяча.

(Вольтер)

Мы гораздо чаще хвалим то, что расхвалено другим, нежели то, что похвально само по себе.

(Жан де Лабрюйер)

тело со своим спутником составляют единую космическую систему.

Если оставаться в рамках этой космической аналогии, то маргиналу будет соответствовать образ бродячей планеты, которая не связана силами притяжения ни с каким другим космическим объектом. А лжемаргиналы не-свободны по своей сути, так как их жизненный стиль все равно определяется толпой: «Все носят узкие брюки, а я буду носить широкие! Как? Все переоделись в широкие штаны?! Ну что ж, тогда я надену узкие». А маргиналу в такой ситуации наплевать на то, что там носят другие. Если он любит носить шотландский килт (вентиляция-то какая!), то не откажется от него даже тогда, когда вдруг в толпе в моду войдут мужские юбки. И ему будет по-прежнему наплевать на то, что все мужики вокруг похожи на него тем, что ходят в юбках.

Лжемаргиналы всегда противопоставляют себя толпе, являясь при этом ее частью. А истинный маргинат может неплохо ужиться с толпой, если та будет терпимо относиться к его чудачествам и оставит его в покое. То есть для лжемаргиналов главным является как раз протест против моды толпы, а для истинного маргинала важнее всего его собственный вкус безотносительно того, как на него реагируют окружающие люди.

Примером лжемаргинальности могут служить некоторые почитатели авангардного искусства, которые на дух не переносят так называемый мейнстрим. Они всегда увлекаются каким-нибудь особенно редким видом, скажем, музыки, например, нойзом (банальный шум — по-русски), поклонни-

Делать противоположное — тоже вид подражания.

(Лихтенберг)

Помни, что изменить свое мнение и последовать за тем, кто ведет к истине, — это вовсе не значит умалять свою свободу.

(Марк Аврелий)

Смешно, как люто гонит нас в толкучку гомона и пира боязнь остаться лишний раз в пустыне собственного мира.

(Игорь Губерман)

ков которого можно по пальцам пересчитать. Но как только к этому лязгу и грохоту проявит интерес толпа и он станет мейнстримом, они к нойзу сразу же потеряют интерес и кинутся срочно искать какую-нибудь новую экзотику. Настоящий же маргинал, являясь независимой личностью, будет хранить верность своим предпочтениям в искусстве или еще в чем-нибудь до тех пор, пока ему они не надоедят или не окажутся вытесненными новым его увлечением. Но весь этот интерес и его изменения будут обусловлены исключительно движениями его не зависимой от кого бы то ни было души. И лучше не путать реальную индивидуальность маргинала с модой в толпе на показную индивидуальность, по сути являющуюся прикрытием душевного безличия и соседствующую с отказом от своей личности, замещенной ролью «правильного» человека, настроенной на социальные ожидания.

Выводы и рекомендации

Если есть желание повысить свою личную сопротивляемость психологическому давлению других людей, то вначале надо научиться обнаруживать это самое давление, так как оно может быть мастерски замаскировано умелым манипулятором. И главной опорой в этом будет опять-таки собственная душа, ее, возможно, еще очень слабый голос. А ключевым по-прежнему будет вопрос «Ты действительно этого хочешь?» Обнаруживая ее возражения или хотя бы сомнения, следует анализировать собственную мотивацию, причины, подталкивающие вас к этому решению. Так постепенно научитесь обнаруживать торчащие уши манипуляторов. А когда видишь своего противника в лицо, с ним уже проще бороться.

Другой тип личностной несвободы — протестное поведение, свойственное ложным маргиналам, искоренить труднее, так как в его основе лежат некоторые невротические

проблемы. Главная из них — потребность во всеобщем внимании толпы к себе, что уже можно квалифицировать как стремление к славе. Скандалная слава — это ведь тоже слава, дающая в толпе определенные выигрыши. Поэтому любителю эпатировать публику, впитывающему ее внимание как эмоциональный наркотик, надо вначале разобраться со своим внутренним конфликтом. Выбор будет в основном делать между потребностью к славе и стремлением к личностной свободе. Вместе эти психологические характеристики в душе не уживаются.

Ну и, наконец, на своем пути к личностной свободе важно не проскочить предел разумного. Одно дело — свобода от психологического влияния других людей, и совсем другое — учет их возможной реакции или противодействия вашему поведению. Это уже объективный фактор, независимость от которого достигается только жизнью отшельника. Если же вы живете среди людей, то физически от них независимым, скорее всего, быть не сможете. Попробуйте походить по улицам где вздумается — быстро попадете под колеса автомобиля или разоритесь на штрафах.

Глава 3. ПРИЧИНЫ КОНФЛИКТОВ ТОЛПЫ С МАРГИНАЛАМИ

Суть вопроса

Попытка детально проанализировать наличие изначальной конфликтности обеих сторон показывает, что ни той, ни другой не присуща какая-то маниакальная страсть обижать друг друга. Многие конфликтные ситуации возника-

ют из-за непонимания как маргиналом людей толпы, так и наоборот, а также из-за неучета различия в их психологической природе или интересов. И та, и другая стороны проявляют одну и ту же ошибку — проецируют на партнера взаимодействия свою собственную психику. Другими словами, человек взаимодействует с другим исходя из подсознательного предположения, что тот является его психологическим двойником. Из-за этого и возникает большинство недоразумений.

Тем не менее люди толпы все-таки в некоторых ситуациях проявляют склонность обижать чудаков необоснованно. Происходит это в основном потому, что маргиналы им представляются удобными жертвами для решения каких-то своих проблем за чужой счет. Плюс ко всему можно говорить о доминирующей в толпе несправедливости к маргиналам.

Причина этого кроется в том, что у толпы возможностей обижать маргиналов неизмеримо больше, чем наоборот. Вспомним про чувство безнаказанности, присущее людям в толпе. Маргинал обычно на своей шкуре познает, как опасно обижать толпу, что делает его более осмотрительным. Толпу же, желающую поизмываться над «чужаком», остановить обычно очень трудно. Очень показательным в этом плане может быть фильм «Рембо: первая кровь», в которой типичного маргинала на пустом месте обидели несколько раз полицейские, что в итоге привело к чудовищному конфликту. Причем показательным было долгое терпение ветерана войны к издевательствам местных блюстителей порядка.

Аргументы

Конфликтен ли маргинал по своей сути? На этот вопрос напрашивается три непротиворечивых ответа. Во-первых, маргинал в силу своей самодостаточности склонен

к минимизации своих отношений с другими членами Общества, что неизбежно должно приводить и к снижению количества возможных конфликтов с ними. Во-вторых, маргинал может обострить свои отношения с окружающими в том случае, если они в чем-то ущемят его физическую или личностную свободу. В таком случае маргинал может стать, на взгляд толпы, инициатором конфликта «на пустом месте», так как она не замечает своей провоцирующей роли в этой ситуации. Свои действия люди толпы меряют по своим меркам, не принимая в расчет возможности использования маргиналом своих, отличных от таких у толпы.

Например, люди толпы привыкают к тому, что представители правоохранительных органов часто нарушают закон и необоснованно устраивают проверки документов, обыски и пр. Обычный человек в таких ситуациях не ропщет, а маргинал начинает сопротивляться ущемлению своей свободы. Проверяющие такое сопротивление расценивают как попытку преступника скрыть запрещенное и усиливают свое рвение. В итоге, когда впоследствии выясняется, что маргинал «пуст», разочарованные блюстители порядка выплескивают на него дополнительную агрессию: «Чо тогда упирался, козел. Показал бы, что требовали, и шел бы себе спокойно. А так только время на тебя потеряли...» И на прощание отвешивают дружеский удар по почкам.

И, наконец, в-третьих, поведение некоторых маргиналов реально может стать причиной конфликта с человеком толпы. Это бывает в том случае, если маргинал своими действиями ощутимо мешает жить человеку толпы так, как это принято в

Сегодня самый лучший день —
Сегодня битва с дураками.
Как много лет любой из нас,
От них терпел и боль, и муки.
Но вышло время, пробил час,
И мы себе развязем руки.

Когда последний враг упал,
Труба победу проиграла —
Лишь в этот миг я осознал,
Насколько нас осталось мало!

(Фрагменты песни
Андрея Макаревича «День
гнева»)

данном обществе. Тогда можно говорить о реальной дезадаптации маргинала, о его неумении бесконфликтного поведения. Например, один чудак любит подкармливать бездомных животных, из-за чего те собираются вокруг многоквартирного дома, где он живет, со всей округи. Естественно, что кому-то из его соседей такая концентрация собак, кошек, голубей и прочей живности может осложнить жизнь: белье при сушке вечно оказывается в птичьем помете; детей во двор без присмотра не выпустишь из-за страха укусов и инфекции; двор загажен экскрементами животных; по ночам вокруг дома бесконечный собачий брех и кошачьи вопли и т. д.

Почему толпа не любит маргиналов? Здесь ответов значительно больше. Начнем от противного, рассматривая факторы возникновения симпатии, как они изложены в «Социальной психологии» Майерса.

1. Пространственная близость: симпатия у человека чаще возникает по отношению к соседям, а маргиналы предпочитают селиться в некотором отдалении от других людей. Получается, что данный фактор работает против маргиналов.

2. Взаимодействие: симпатия легче возникает по отношению к партнерам по обыденному общению и совместной работе. Маргиналы же менее склонны к общению с каждым встречным, а работать вообще предпочитают самостоятельно.

3. Привычность внешнего вида: люди толпы склонны симпатизировать тем, чей вид привычен их глазу, а маргиналы часто выглядят чудаковато.

4. Красота: то же, что и предыдущий пункт, если исходить, что идеалы красоты, как правило, выведены на основе усреднения внешнего вида популяции. Данный пункт значим, прежде всего, в тех случаях, когда маргинализация обусловлена серьезными дефектами внешнего вида человека.

5. Сходство во вкусах и мировоззрении: маргиналы и здесь из-за своей оригинальности «пролетают». Вообще, стереотип о том, что противоположности притягиваются,

имеет ограниченное действие. Эта особенность практически не свойственна представителям толпы, в то время как для маргинала это вполне естественно. Во-первых, маргинату трудно найти копию в силу своей ярко выраженной индивидуальности. А во-вторых, как раз маргиналы, будучи независимыми личностями, склонны к проявлению интереса к чужому своеобразию.

Сочетание п. 3, 4, 5 может иметь для маргинала очень тяжелые последствия, так как суды при рассмотрении дел, в которых участвуют маргиналы, склонны учитывать их необычность как отягчающее обстоятельство тогда, когда маргинал выступает в роли обвиняемого, и смягчающее обстоятельство, если маргинал оказался жертвой преступления со стороны представителя толпы: «Сам виноват — нечего было выпендриваться, провоцируя добропорядочного человека».

6. Реактивная симпатия (нам нравятся те, кому мы нравимся): маргиналам вряд ли будут нравиться люди толпы — в противном случае они бы ее не сторонились. А раз так, то и толпа в ответ на отсутствие со стороны маргиналов к себе интереса одаривает их неприязнью обиженных людей.

7. Взаимовыгодный обмен «ты — мне, я — тебе»: маргиналы, во-первых, предпочитают обходиться собственными силами, а во-вторых, то, что они могут предложить для обмена, не всегда соответствует потребностям человека толпы, и, наоборот, они сами нуждаются несколько в ином, что имеют люди толпы. Отсюда снижается объем сотрудничества маргиналов с толпой, что не способствует появлению симпатии между ними.

8. Удовлетворенность браком: маргинал, являясь более искренним человеком, не подходит к созданию брака формально, как это свойственно представителям толпы. Поэтому маргиналам чаще сопутствует семейное счастье (хотя подходящую пару найти им труднее), если брак все-таки состоялся. И в удачной семье маргинал обычно получает

значительно большее удовлетворение своим потребностям во взаимодействии с близкими людьми, чем это характерно для толпы, представители которой вынуждены искать приятное общение вне семьи. Как следствие, маргиналы в меньшей степени нуждаются в разнообразных неделовых связях с окружающими людьми, что толпой расценивается как нелюдимость, вызывающая у них неприязнь.

Итак, перебрав основные факторы возникновения между людьми симпатии друг к другу, мы обнаружили, что в отношении пары маргинал — человек толпы они практически не действуют, а иногда и наоборот. Теперь проанализируем факторы возникновения и развития конфликтов в отношениях между людьми.

1. Конкуренция. В современном обществе конкуренция всех против всех за социальный успех стала нормой, что неизбежно повышает напряженность между людьми, делает их хронически раздраженными, вспыльчивыми, агрессивными. Человеку толпы свойственно быть подобием парового котла, который вот-вот разорвет внутренним давлением, а сбросить лишний пар некуда, так как правила «общежития» требуют от человека корректности, вежливости, воспитанности по отношению к членам социума. И вот здесь-то маргиналы часто попадаются людям толпы, что называется, «под руку», так как их очень легко и естественно использовать в роли «молникоутводов», на которые окружающим можно разряжать свою накопившуюся длительным сдерживанием агрессивную энергию. Таким образом, маргиналы часто оказываются жертвами канализации агрессии, этакими «козлами отпущения».

2. Несоответствие социальным ожиданиям. У людей всегда в отношении друг друга формируются определенные прогнозы о том, как в тех или иных ситуациях их партнеры по взаимодействию будут поступать. Исходя из этих прогнозов, каждый планирует свою жизнь так, чтобы его поступки обязательно дополнялись соответствующим поведением

партнеров по взаимодействию. Когда же кто-то начинает вести себя совершенно не так, как этого от него ждали окружающие, то он невольно провоцирует вспышку ярости в свой адрес, так как якобы из-за него у кого-то сорвались серьезные жизненные планы. Например, мужчина приглашает своего сослуживца на обед в ресторан, рассчитывая при этом, что тот в ответ пригласит его к себе домой в гости на свой день рождения, где у него появится возможность познакомиться с его сестрой, о чем он уже давно мечтает. Но сослуживец, приняв приглашение пообедать, не считает себя связанным какими-либо обязательствами из-за этого и ответного хода не делает, так как просто не хочет видеть этого человека у себя дома. В итоге у инициатора ситуации на сослуживца возникает «черная» обида, о которой тот даже и не подозревает.

Любой член какого-либо социального окружения, который начинает играть в новые игры (вместо тех, в которые принято играть в этом кругу. — С. Г.), будет, скорее всего, изгнан из привычного общества.

(Эрик Берн)

Люди всегда ненавидят тех, кому причиняют зло.

(Вовенарг)

Всем лучшим во мне я обязан вам дать в морду.

(Андрей Кнышев)

3. Реакция на оскорбление. Так как в толпе главным мерилом качества человека является степень его социального успеха, то ее члены склонны одаривать презрением так называемых неудачников: «Не добился успеха — значит, ты человеческий мусор и заслуживаешь соответствующего отношения к себе». То, что жизнь маргинала, а, точнее его равнодущие к социальному успеху, воспринимается именно как судьба неудачника, я думаю, уже не надо объяснять. Вот и презирают люди толпы маргиналов из-за отсутствия у них «орденов на груди»: богатства, власти, славы. А если независимую личность маргинала кто-то демонстративно выставляет как откровенное дермо, то для него (маргинала) в такой ситуа-

ции будет естественным поведение защиты своего человеческого достоинства.

Особенно следует в этом аспекте подчеркнуть следующий момент: толпе выгодно объединять маргиналов вместе с преступниками в одну большую группу асоциальных элементов. Это позволяет людям толпы и к маргиналам относиться как к отбросам общества. Картина же в действительности выглядит несколько иначе. Социальные нормы, регулирующие поведение людей, бывают двух типов: жесткие и широкие, реализованные в законах; мягкие и узкие, реализованные в неписаных правилах этикета. Законы дают человеку большой простор в выборе возможного поведения, но при нарушении этих норм общество его жестко наказывает. Правила этикета дают намного меньше свободы члену общества, но предполагают менее жесткие регулирующие меры. Обычно такими мягкими мерами являются эмоциональное неодобрение, ухудшение качества отношений с нарушителем этикета. Но если за нарушение закона система правосудия наказывает один раз, то за нарушение правил этикета толпа (а правила этикета — это неписанный устав поведения члена толпы) часто оказывает на провинившегося тотальное непрекращающееся психическое давление, переводящее его в разряд парии и изгоняющее из толпы. Кстати, следует заметить, что толпа склонна человека, нарушившего закон и наказанного за это государством официально, наказывать впоследствии дополнительным

При всем моем к закону
уваженье,
По улицам хожу не так, как
все:
Поправ собой все правила
движенья,
По встречной пешеходной
полосе.
Тому я вижу лишь одну
причину,
Простую, как Колумбово яйцо:
Идя в потоке, видишь только
спины,
Идя навстречу, видишь всех
в лицо...

(Андрей Макаревич)

Выбрав одинокую свободу,
к людям я с общением не
вляюсь,
ибо я примкну еще к народу
и в земле с ним рядом
належусь.

(Игорь Губерман)

осуждением и дискриминацией в самых различных проявлениях жизни. Люди, игнорирующие правила этикета и не нуждающиеся в толпе, но откровенно не нарушающие законы, являются маргиналами. Жить такие могут как непосредственно в обществе, так и вне его (отшельники). Те же, кто нарушает закон, противопоставляет себя обществу (но не всегда толпе, так как преступники могут тщательно соблюдать правила поведения в толпе). Такая двойственность отношения преступников к социальным нормам приводит к тому, что многие из них, несмотря на антисоциальность своего поведения, неплохо уживаются в толпе. Хотя есть и такие отщепенцы, которые нарушают все социальные нормы, превращаясь в лесных разбойников. Таким образом, мы получаем, что маргиналы и преступники склонны к нарушению социальных норм разных типов.

4. Сопротивление массовым манипуляциям. Характер данного конфликта намного сложнее, так как в нем основным противником маргинала является не толпа, а третий субъект, который тем не менее использует толпу для борьбы с маргиналами. В обществе, помимо маргиналов и толпы, есть еще два субъекта, в значительной степени определяющих его жизнь. Эти субъекты — государство и группа магнатов — плоть от плоти толпы, но действуют как самостоятельные игроки. Фактически все отношения в современном обществе сводятся к манипуляциям государства и крупного капитала толпой в собственных корпоративных интересах. Люди толпы оказываются настолько недалекими в интеллектуальном и психическом плане, что уподобляются стаду скота, которым управляют пастух и козел. При этом что тот, что другой обычно воздействуют в своих манипуляциях на все стадо как на единый и однородный объект. Ни о каком индивидуальном подходе речь не идет — достаточно идти впереди стада (козлу) и пощелкивать кнутом (пастуху). Но в обществе есть люди, которые не склонны поддаваться манипуляциям государственных чиновни-

ков и магнатов. Ими, естественно, оказываются маргиналы. Мало того, что они собой уменьшают объект манипуляций, так еще и оказывают вредоносное влияние на людей толпы как своим примером, так и «вправляя мозги» наиболее готовым к этому членам толпы. Поэтому два наших «кукловода» для наведения порядка на сцене организовывают в обществе травлю маргиналов толпой. На примере образа стада такая травля может выглядеть как агрессия овчарок в отношении тех животных, которые позволяют себе отбиться от него. Пообщайтесь с любым профессиональным пастухом и задайте вопрос о его не-любимых подопечных. Он вам четко опишет всех тех, которые ему доставляют наибольшее беспокойство своими попытками уйти в сторону.

Если ранее мы рассматривали конфликты, возникающие на бытовом уровне, то монстры в лице государства и магнатов оказываются в состоянии организовать систематическую травлю, подведя под нее идеологическую базу. Здесь уже маргиналы оказываются одни против огромной социальной машины, обладающей чудовищными ресурсами, способной давить людей, как тараканов. Образцом таких процессов является официальный террор против маргиналов в тоталитарных государствах. Демократические государства менее жестоки в обращении с маргиналами, а где-то на них просто стараются не обращать внимания, смирившись с их существованием. По сравнению с тоталитарным государством, в условиях демократии маргинал хотя бы может быть уверен, что его не уничтожат физически (хотя бывают и здесь исключения). Но конфликтогенность демократической власти по отношению к маргиналам все-таки редко снижается до нуля. Так что и здесь маргиналу надо знать, как противостоять системе и толпе.

Любовь к родине должна быть взаимной.

(Андрей Кнышев)

5. Ошибки толпы в понимании детерминации поведения маргиналов. Толпа часто истолковывает поведение маргинала по своему разумению, приписывая ему при этом такие несуразицы! Людям толпы и в голову никогда не придет мысль, что детерминация поступков маргинала может подчиняться неведомым им законам. В итоге интерпретация толпы рисует маргинала откровенным уродом, в то время как его жизнь вполне естественна и намного более нормальна, чем это предполагает окружение. Просто эта жизнь определяется совсем иными факторами, совершенно неведомыми и непонятными людям толпы.

Например, если человек уходит из семьи, то толпа автоматически решает, что он уходит к КОМУ-ТО, что обязательно у него есть кто-то, оказавшийся заманчивой альтернативой брошенному супругу. Людям толпы обычно невдомек, что можно уйти из семьи ни к кому. Маргинату свойственно после распада прежней семьи не торопиться с созданием новой, так как, для того чтобы не повторить ошибок, обусловивших семейное несчастье, необходимо разобраться во всем. Нужно какое-то время для размышлений в одиночестве, чтобы прошлая жизнь начала видеться со стороны неизмененным эмоциями взглядом. Только после работы над своими ошибками и над собой, когда устраняются невротические образования, порождающие эти ошибки, человек может почувствовать себя готовым к созданию новой семьи.

Толпе все это неведомо, так как ее члены не в состоянии жить в спокойном одиночестве даже короткое время — для них просто невыносимы возникающие в их головах мысли об их не вполне правильной жизни. Поэтому для представителя толпы при распаде семьи естественным является поведение по любому из трех вариантов:

1. Для человека толпы отказ от прежней семьи возможен только тогда, когда у него уже готов альтернативный союз. В этом случае он переходит из одной семьи в другую, словно перепрыгивает из одного едущего автомобиля в другой,

движущийся рядом. Естественно, что ошибки жизни в таком случае только множатся.

2. Уйдя из семьи, человек толпы в экстренном порядке ищет себе новую пару, зачастую неразборчиво хватаясь за первую подвернувшуюся кандидатуру. На какое семейное счастье тут можно надеяться, если так образовывать супружеский союз?!

3. Человек толпы остается в одиночестве, но свое сознание глушит либо алкоголем и наркотиками, либо суматошным убиванием времени в бесконечных шумных компаниях или в работе. В таком случае новая семья, если и создается, то столь же необдуманно, как и в первых двух вариантах.

Понятно теперь, что поступки маргинала в подобной жизненной ситуации совершенно не укладываются в логические поведенческие стереотипы толпы, и она начинает ему придумывать скрываемые им мотивы. Если же он пытается честно и откровенно объяснить окружающим причины своего решения, то наталкивается на непонимание и раздражение: «Не дури нам голову! Признавайся, кто она такая?!»

Другой пример превратного понимания поведения маргинала: двое мужчин-сотрудников на время снимают одну квартиру на двоих. Что может толпа сказать по этому поводу? — «Голубые!» Для ее членов проживание людей в одной квартире однозначно свидетельствует о наличии между ними сексуальных отношений. Иные варианты объяснения непосильны для их зашоренных стереотипами мозгов. Если попытаться им объяснить, что совместное проживание просто помогает решить некоторые организационные вопросы и дает эмоциональную поддержку друг другу в сложный для обоих период, толпа на это только криво усмехается.

Еще один пример: в зоне смерти (таковой для маргинала являются армия и тюрьма. Более подробно об этом читайте в гл. «Борьба с государством») маргинал тщедушного вида не проявляет ни капли страха перед толпой, готовой

его разорвать на части. Каким может быть объяснение членов толпы такого поведения? Или он псих, или за ним стоит какая-то сила. С первым понятно, а вторая гипотеза приводит толпу к мысли, что он либо стукач, либо провокатор, через которого хозяева зоны смерти (офицеры в армии или служба режима в местах лишения свободы) хотят реализовать какие-то свои коварные планы в отношении толпы. Поэтому смельчаку вешается ярлык «неприкасаемого», означающий выведение маргинала из разряда людей, и после этого толпа гадливо сторонится его. При этом никому никогда в голову не придет мысль о том, что этот «ненормальный» столь смел просто благодаря огромной своей психической силе, позволяющей ему чувствовать свое превосходство даже в одиночку над толпой.

Еще пример из романа Сомерсета Моэма «Луна и грош»: муж бросил семью. Какой единственный вопрос мучает окружение? — Кто эта женщина?! Впоследствии выясняется одна подробность. Оказывается, что раньше муж долгое время лгал жене о том, что он регулярно ходит играть в карты в клуб, но сам там никогда не появлялся. Интерпретация толпы: он был в это время с любовницей. Иные варианты объяснения не допускаются. Вместо того чтобы задуматься о причинах такого поступка мужчины, его окружающие страдают недалекой мнительностью. А что произошло на самом деле? Человек вместо игры в карты брал уроки живописи и, в конечном итоге, решил порвать с прежней жизнью и стать художником. При этом в его жизни никакой женщины не было и в помине.

Выводы и рекомендации

Любому человеку, у которого время от времени возникают с окружающими людьми проблемы из-за его индивидуальных особенностей, нужно усвоить несколько психологических

умений. Первым из них является понимание психологической природы человека, с которым приходится взаимодействовать. Вторым элементом мастерства станет понимание своих собственных психологических особенностей. Эти два знания станут основой для понимания различий между своей психикой и психикой своего партнера (или партнеров) по взаимодействию. Дальше наступает черед умению находить в каждой конкретной ситуации именно тот вариант собственного поведения, который ведет вас к вашей цели с минимальными издержками в виде возможных конфликтов или каких-либо других проблем с окружающими. Для этого необходимо научиться прогнозировать поведение всех людей, участвующих во взаимодействии. Но здесь следует быть осторожным, так как прогнозирование может перейти в неконтролируемое формирование собственных ожиданий.

Когда кто-то прогнозирует поведение другого человека, в этом процессе должны присутствовать два фактора: альтернативность и вероятность. По сути прогнозирование является поиском ответов на вопросы «Как поведет себя человек в такой-то конкретной ситуации? Как он отреагирует на такой-то мой (или чей-то) поступок?» Объективно на такие вопросы не бывает только одного варианта ответа. Всегда должен быть набор возможных ответов, по каждому из которых определяется вероятность его наступления, а их сумма равняется 100%. Но одной из наиболее распространенных ошибок при прогнозировании является игнорирование альтернатив, когда учитываются из реального набора только некоторые варианты ответа с автоматическим повышением вероятности их наступления. Например, женщина хочет попросить мужа купить ей норковую шубу. При этом она предполагает, что он может ответить одним из трех вариантов: согласиться; отказаться; предложить вместо шубы купить что-нибудь попроще. Вероятности этих вариантов соответственно оцениваются как 30%, 30% и 40%. Но ей так хочется получить шубу, что вероятность успеха в 30% ее

никак не может устроить! Поэтому она возможность отказа или замены вытесняет из своего сознания, а вероятность согласия субъективно увеличивает до 100%. Так формируется искаженное субъективизмом ожидание. Когда же муж вопреки этому ожиданию выдает одну из вытесненных ею альтернатив, следуют слезы или скандал в зависимости от ее житейских привычек. Поэтому ожидания на основе прогнозирования не должны терять объективности в результате заинтересованности в определенных альтернативах. Подобные искажения могут также происходить по причине недостаточно полного учета значимых обстоятельств или предубежденности. Причиной последнего чаще всего является наш страх перед неблагоприятным развитием событий, в результате чего мы начинаем готовиться психологически именно к нему и развиваем у себя мнительность, которая в итоге нередко удерживает нас от решительного шага. Например, парень хочет завязать отношения с понравившейся ему девушкой, но боится отказа. При этом вероятность отказа он субъективно увеличивает чуть ли до 100%, в результате чего он вообще отказывается от своей затеи.

Глава 4. МЕХАНИЗМЫ ДАВЛЕНИЯ ТОЛПЫ НА ЧЕЛОВЕКА

СОЦИАЛЬНЫЕ ОЖИДАНИЯ

Суть вопроса

В нашем обществе принято планировать свою жизнь. Но так как она зависит от множества факторов, в том чис-

ле и от окружающих людей, с которыми приходится взаимодействовать, то обычно человек свои планы строит на основе определенных ожиданий того, как поведут себя его партнеры по взаимодействию. Если же кто-то из окружающих их вдруг поступил как-то неожиданно и тем самым поставил чей-то жизненный план под угрозу, то тот обычно выражает свое недовольство словами: «Ну, братец, ты дал!.. Никак от тебя такого не ожидал». В результате такого воздействия друг на друга люди привыкают в своем поведении учитывать ожидания окружающих людей и всячески им соответствовать, чтобы не напрягать лишний раз отношения.

На основе таких ожиданий формируется также еще два психологических образования: предрассудки и социальная совесть. Предрассудки — это обобщенные ожидания, которые появляются у человека даже в отношении незнакомцев на основании каких-то признаков, например, цыганка — значит, попытается что-либо украсть или выклянчить. Что касается социального варианта совести, то о нем мы уже вели речь в главе об отношении к свободе. Так вот этот внутренний цензор как раз и образуется на основе усвоения всех типичных ожиданий, распространенных в обществе. И каждое действие своего хозяина эта социальная совесть проверяет на предмет его соответствия всем знакомым ожиданиям окружающих людей. А делается это ради того, чтобы уберечь человека от обострения отношений среди себе подобных.

Таким образом, обычный человек толпы опутан в своем поведении социальными ожиданиями, а также производными от них предрассудками и внутренним цензором с головы до ног. В результате этого ему даже шагу ступить трудно в сторону собственного желания, если оно может оказаться для окружающих людей неожиданным.

Аргументы

Для представителя западной цивилизации стало естественным планировать свою жизнь на как можно больший период времени. Ему даже не вдомек, что в мире существует достаточно много культур, в которых составление конкретного плана своей жизни даже на следующий день признается как неправильный образ жизни или даже умопомешательство. А если европеец или североамериканец и слышали о чем-то подобном, то считают это совершенной дикостью, подлежащей скорейшему насилиственному искоренению с привитием западного стиля жизни.

Для того чтобы эффективно планировать, необходимо как можно лучше понимать основные факторы, определяющие развитие ситуации. Главным таким фактором являются люди, участвующие в этой ситуации. Поэтому в современном обществе изо всех сил стараются не столько освоить методы психологии вообще, сколько научиться их применять для изучения конкретных людей, составляющих ближайшее окружение. Чем лучше человек поймет индивидуальные особенности партнера по взаимодействию, тем точнее ему удастся сделать прогноз в отношении поведения партнера в тех или иных ситуациях. А раз так, то можно уже планировать свои действия, моделируя поведение окружающих людей в ответ на вызванные этим человеком или внешними факторами изменения ситу-

Секунды пульсом бьют
в висок,
И пот со лба бежит,
И пыль из-под усталых ног,
Как пыль из-под копыт.
И все сошли давно,
Остался только я –
Я должен обогнать себя,
Ведь каждый ставит только на
меня.

Я день назад беды не знал
И бегал, где хотел,
И сам дороги выбирал,
И в беге преуспел.
И вот теперь я заперт в круг,
Друзей своих любя:
Попробуй, подведи-ка, друг,
Того, кто все поставил на тебя!

(Фрагменты песни
Андрея Макаревича «Бег
по кругу»)

ации. Когда люди ведут себя так, как человек от них ожидает, он благодарен им, любит их за то, что они своим поведением подтвердили правильность его понимания жизни и людей. Если же люди не оправдывают эти ожидания, то у субъекта этих ожиданий возникают противоположные эмоции. Вольно или нет, но он информирует об этом своем недовольстве тех, кто не оправдал его ожиданий. А когда такой непредсказуемый человек узнает о недовольстве им его партнера по взаимодействию, у него обычно появляется чувство вины, он начинает страдать. Чтобы в будущем не сталкиваться с подобными неприятными ситуациями недовольства своих партнеров, он изо всех сил старается быть в своем поведении последовательным и предсказуемым, с одной стороны, а с другой, — получше узнать ожидания окружающих людей в отношении него. Так люди обычно отказываются от своей свободы в жизни, становясь рабами социальных связей. А все потому, что им очень хочется, чтобы их любили окружающие.

Так как люди в обществе образуют различные социальные группы, то в нем постепенно знания друг о друге и личный опыт многих начинают объединяться в коллективные ожидания, называемые предрассудками. «Толстый мужчина с широкими плечами и короткой стрижкой — явно бандит. Кавказец — обязательно будет приставать к русским женщинам и в случае выяснения отношений будет готов броситься на окружающих с ножом. Курящая, сильно накрашенная женщина, одетая в открытое облегающее платье, — или проститутка, или любительница беспорядочных сексуальных связей. Молодой человек в безукоризненном костюме с кожаным портфелем и мобильником — «новейший русский» и т. д.» Подобные ожидания обычно побуждают людей изначально строить свое взаимодействие в

Везде долги: мужской,
супружеский,
гражданский, родственный
и дружеский,
долг чести, совести, пера,
и кредиторов до хера.

(Игорь Губерман)

определенном стиле, наиболее на их первый взгляд адекватном этому типу людей, к которому отнесен незнакомец. Если не совсем чистый и далеко не опрятный мужчина с внешностью алкоголика на улице о чем-то пытается вас спросить, то первые же нечленораздельные его звуки пресекаются рыком: «Пошел вон, бомжара!» Когда полуодетая, покрытая синяками молодая женщина с полуумным взглядом и еле стоящая на ногах ранним утром просит у прохожего помочь, он от нее шарахается: «Опять наркоманка!» Разве ему придет в голову, что еще десять часов назад она была добропорядочной матерью двух милых детей и верной женой, но была силой затащена на темной улице в иномарку несколькими нелюдями, а после долгих издевательств получила наркотический укол и под утро была выброшена в незнакомом месте! Майерс в «Социальной психологии» рассказывает о таком эксперименте: испытуемым показывали картинку, на которой белый человек, оживленно беседующий с чернокожим, держал в руке нож. Затем испытуемые рассказывали об этом другим, те — третьим, и так далее по цепочке. После шести рассказов нож из руки белого обычно переходил к черному.

Человеку, придерживающемуся в своем отношении к людям подобных предрассудков, никогда не придет в голову мысль об эффекте самоподтверждающегося поведения. Тот же Майерс описал другой эксперимент, в котором «белые сотрудники Принстонского университета брали интервью у чернокожих и белых претендентов на должность. Когда претендентом был чернокожий, интервьюеры располагались на большем расстоянии от него, заканчивали беседу на 25% быстрее и делали в своей речи на 50% больше ошибок, чем в тех случаях, когда претендент был белым. Представьте себе, что у вас кто-то берет интервью, при этом садится от вас подальше, запинается и быстренько заканчивает беседу. Повлияет это на ваше поведение или на ваши чувства по отношению к интервьюеру? Чтобы прояснить этот феномен,

исследователи провели второй эксперимент, в котором специально обученные интервьюеры опрашивали студентов таким образом, чтобы это походило на интервьюирование белых и чернокожих претендентов в предыдущем эксперименте. Просмотр видеозаписи показал, что те испытуемые, кого интервьюировали в той же манере, что и чернокожих в первом эксперименте, выглядели более нервными и менее собранными. Те, к кому относились как к чернокожим, оценивали свои интервью как менее адекватные и менее дружелюбные». После этого становится понятно, что если маргинальность у человека видна издалека, то люди толпы изначально не будут относиться к нему как к «нормальному» человеку. А когда с кем-то обращаются как с недочеловеком, любой станет неуверенным и суеверным, подтверждая тем самым ожидания неполноценности. В другом эксперименте, рассказанном Майерсом, студентам и студенткам с одинаковыми математическими способностями и успеваемостью давали трудную контрольную работу по математике. Когда им сообщали, что мужчины и женщины обычно показывают одинаковые результаты в решении этих задач, женщины шли на одном уровне с мужчинами. Когда говорилось, что женщины обычно не могут догнать мужчин в этом испытании, женщины драматичным образом подтверждали этот стереотип.

Одной из главных психологических функций, на которую опирается конформизм, является совесть. Наличие этого элемента психики у человека в обществе считается одним из главных качеств добродетельного человека. Фактически хорошим человеком в обществе считается тот, кто по добре воле всегда старается носить на своей голове узду по имени «совесть», с помощью которой общество могло бы им управлять в своих интересах. Вот как определяет понятие «совесть» Сомерсет Моэм: «Я полагаю, что совесть — это страж, в каждом отдельном человеке охраняющий правила, которые общество выработало для своей безопасности.

Она — полицейский в наших сердцах, поставленный, чтобы не дать нам нарушить закон. Шпион, засевший в главной цитадели нашего «я». Человек так алчен признания, так безумно страшится, что собратья осудят его, что сам торопится открыть ворота своему злейшему врагу; и вот враг уже неотступно следит за ним, преданно отстаивая интересы своего господина, в корне пресекает малейшее поползновение человека отбиться от стада. И человек начинает верить, что благо общества выше личного блага. Узы, привязывающие человека к человечеству, — очень крепкие узы. Однажды уверовав, что есть интересы, которые выше его собственных, он становится рабом своего убеждения, он возводит его на престол и под конец, подобно царедворцу, раболепно склонившемуся под королевским жезлом, что опустился на его плечо, еще гордится чувствительностью своей совести. Он уже клеймит жесткими словами тех, что не признают этой власти, ибо теперь, будучи членом общества, он сознает, что бессилен против них».

Фромм, говоря о действенности социальных ожиданий, вообще ввел понятие «анонимной власти». Так в «Бегстве от свободы» он писал: «За последние десятилетия «совесть» в значительной мере потеряла свой вес. Это выглядит так, будто в личной жизни ни внешние, ни внутренние авторитеты уже не играют сколько-нибудь заметной роли. Каждый совершенно «свободен», если только не нарушает законных прав других людей. Но обнаруживается, что власть при этом не исчезла, а стала невидимой. Вместо явной власти правит власть «анонимная». У нее множество масок: здравый смысл, наука, психическое здоровье, нормальность, общественное мнение; она требует лишь того, что само собой разумеется. Кажется, что она не использует никакого давления, а только мягкое убеждение. Когда мать говорит своей дочери: «Я знаю, ты не захочешь идти гулять с этим мальчиком», когда реклама предлагает: «Курите эти сигареты, вам понравится их мягкость», — создается та атмосфера

вкрадчивой подсказки, которой проникнута наша общественная жизнь. Анонимная власть эффективнее открытой, потому что никто и не подозревает, что существует некий приказ, что ожидается его выполнение. В случае внешней власти ясно, что приказ есть, ясно, кто его отдал; против этой власти можно бороться, в процессе борьбы могут развиваться личное мужество и независимость. В случае анонимной власти нет ни командира, ни открытого приказа. Вы словно оказываетесь под огнем невидимого противника: нет никого, с кем можно было бы сражаться. ...Освободившись от прежних открытых форм власти, мы не замечаем, что стали жертвами власти нового рода. Мы превратились в роботов, но живем под влиянием иллюзии, будто мы самостоятельные индивиды. Индивид знает, каких мыслей, каких чувств, каких желаний ждут от него окружающие, и мыслит, чувствует и желает в соответствии с этими ожиданиями, утрачивая при этом свое «я», на котором только и может быть построена подлинная уверенность свободного человека».

Выводы и рекомендации

Для обычного человека ожидания являются довольно полезным элементом психологии отношений. Но, как и любое явление в жизни, у них есть и недостатки. Например, чем больше в вашей жизни ожиданий, тем больше горечей из-за того, что какие-то из них не сбылись. Поэтому если вы настроены отказаться от обращенности своей жизни в будущее, то и ожидания вам особенно не будут нужны. А с близкими людьми, отношения с которыми не желаете напрягать, Можно почаше и тщательнее согласовывать свои совместные действия.

Что касается ожиданий других людей в отношении вас, то всегда помните о выборе: либо личная свобода вкупе с

мелкими неприятностями, к которым постепенно можно и привыкнуть, либо относительный комфорт «домашнего животного в стойле».

КУЛЬТУРНАЯ И ИНФОРМАЦИОННАЯ СРЕДА

Суть вопроса

Средства массовой информации, через которые промываются мозги населению, находятся в руках власти и магнатов, которые являются порождениями толпы, но уже как-то приподнялись над ней. В итоге верхушка обрабатывает через СМИ толпу в своих интересах, а эта отрава проливается в том числе и на головы маргиналов. Но и толпа давит на верхушку, заставляя хоть в чем-то действовать в своих интересах. И одним из этих интересов оказывается борьба с маргиналами за ресурсы жизни (вспомните пятипроцентный барьер избрания партии в Госдуму, который отсекает любую организацию, представляющую интересы очевидного меньшинства, от власти). К тому же толпа определяет характер и уровень культуры в обществе. Именно из-за ориентации культурной индустрии на толпу в обществе все больше царствует попса. И во всем этом мерзко пахнущем информационном коктейле приходится обитать вместе со всеми и маргиналам.

Аргументы

Психологическая природа давления культурной и информационной среды на человека родственна социальным

ожиданиям, но здесь есть и такой аспект, что информационной инфраструктурой — средствами массовой информации — обычно владеют магнаты и государство, что дает им значительные возможности манипулировать толпой в своих корпоративных интересах. Поэтому следует различать давление через культурную и информационную среду как непосредственно самой толпы, так и власть предержащих — государства и магнатов. Хоть сильные мира сего и есть порождения толпы, но она сама является объектом их манипуляций, следовательно, человек может испытывать такое давление толпы в рассматриваемом аспекте, когда она выступает лишь инструментом в руках правящей верхушки.

Непосредственное давление толпы через культуру происходит прежде всего благодаря тому, что именно толпа определяет характер этой культуры. В настоящее время это выражается в засилье во всех информационных каналах так называемой попсы, когда низкопробная, но удовлетворяющая вкусу среднего обывателя культурная продукция не оставляет места в информационном пространстве ничему более. Культурное развитие подрастающего поколения, чьим воспитанием родители обычна не занимаются, в таких условиях неизбежно будет ограничиваться клонами скачущих по сцене «На-найских мальчиков» и крутой «братвы», являющейся героями почти всей отечественной кинопродукции 90-х гг. прошлого века.

Что самое обидное в этой деградации культурной среды, так это то, что толпе в этом явлении подыгрывает не только шоу-бизнес, чьи экономические интересы в виде унификации аудитории понятны, но и так называемая интеллигенция. Вот что по этому поводу писал Фромм в «Бегстве от свободы»: «Значительный сектор нашей культуры

Сбываются — глазу
не веришь —
мечты древнеримских
трудящихся:
хотевшие хлеба и зреши
едят у экранов светящихся.
(Игорь Туберман)

Все портится, включая телевизоры.
(Андрей Кнышев)

имеет единственную функцию: затуманивать все основные вопросы личной и общественной жизни, все психологические, экономические, политические и моральные проблемы. Один из видов дымовой завесы представляет собой утверждение, что эти проблемы слишком сложны, что среднему человеку их не понять. На самом деле наоборот: большинство проблем личной и общественной жизни очень просто, настолько просто, что понять их мог бы практически каждый. Их изображают — и зачастую умышленно — настолько сложными для того, чтобы показать, будто разобраться в них может только «специалист», да и то лишь в своей узкой области; и это отбивает у людей смелость и желание думать самим, подрывает их веру в свою способность размышлять о насущных проблемах. Индивид чувствует себя безнадежно увязшим в хаотической массе фактов и с трогательным терпением ждет, чтобы «специалисты» решили, что ему делать. Результат такого влияния оказывается двояким: с одной стороны, цинизм и скептицизм в отношении всего, что пишется и говорится, а с другой — детское доверие ко всему, что будет сказано с достаточнымaplомбом. Сочетание цинизма и наивности весьма типично для современного индивида, а результатом этого сочетания становится боязнь собственного мышления, собственных решений».

О том, насколько сильно давление культуры на человека, могли бы рассказать люди, которые волею судьбы оказываются через заключение межнационального брака на чужбине, когда чужая культура давит не только на уровне

Хорошего влияния не существует. Всякое влияние уже само по себе безнравственно — безнравственно с научной точки зрения, потому что влиять на другого человека — это значит передать ему свою душу. Он начнет думать не своими мыслями, пытать не своими страстями. И добродетели у него будут не свои, и грехи — если предположить, что таковые вообще существуют — будут заимствованные. Он станет отголоском чужой мелодии, актером, выступающим в роли, которая не для него написана.

(Оскар Уайльд)

информационной инфраструктуры, но и в микросоциуме. В такой ситуации человек толпы обычно просто оказывается не в состоянии отделить свое «я» от прежней культуры, которую надо поменять на новую при сохранении личности неизменной. В итоге человек либо вынужден полностью перепрограммировать свою психику с заменой личности на ту, которую ему навязет новое окружение, либо у него «поедет крыша», либо он просто придется «не ко двору» и вынужден будет бежать к себе на родину, в привычную культурную среду.

Что касается той части культурного давления, которая приходится на манипуляции, осуществляемые государством и магнатами (как доморощенными, так и международными, преимущественно американскими), то она выражается просто. Государство с помощью СМИ в культурном и информационном пространстве создает выгодное ему общественное мнение. Магнаты же в основном рекламируют свой образ жизни с навязыванием толпе ценностей, целей и потребностей, более соответствующих именно их миру мультимиллионеров, чем человеку толпы, но позволяющих втягивать население в потребительскую гонку с определенными предпочтениями («Новое поколение выбирает Пепси!»). Международные магнаты в своем культурном давлении сочетают комбинированное воздействие, используя как государственные идеологические средства, когда правительство откровенно выполняет их заказ, так и рекламу для навязывания целым народам своей культуры, что позволяет им расширить свое экономическое пространство.

Очень точно по этому поводу высказался Сомерсет Моэм: «Я не стану осуждать кровопролитные войны, которые цивилизованные народы ведут с нецивилизованными: хотелось бы

Последнее слово всегда остается за общественным мнением.

(Наполеон)

Я подбил бы насильнику глаз,
а уж нос я расквасил бы точно,
очень жалко, что трахают нас
анонимно, безлико, заочно.

(Игорь Губерман)

только заметить, что обоснование у этих войн одно: кто силен, тот и прав. Это схватка не на равных, это лишенное благородства и рыцарства состязание хорошего оружия с плохим. Утверждать, будто теперь, когда культура победителей навязывается побежденным, покоренные варвары наконец обретут счастье, — чистое лицемерие. Разве есть основания полагать, что они менее счастливы в своем примитивном сообществе, чем когда, подчиняясь чужим законам, они вынуждены принимать чуждую культуру и ненужные им реформы?»

Выводы и рекомендации

ЕСЛИ человеку приходится жить в экологически неблагополучной среде и ему небезразлично свое физическое и психическое состояние, то он должен предпринимать какие-то защитные меры от окружающей его агрессивной по отношению к нему дряни. Информационную и культурную среду, в принципе, можно рассматривать как часть экологии, тем более что все они в наше время очень сильно загажены. Поэтому любому уважающему свою душу человеку полезно подумать о системе мер защиты ее от окружающей информационной и культурной грязи. Прежде чем что-то пропустить через свое восприятие в душу, надо тщательно проверить это на предмет наличия в нем отравляющих элементов. Иметь различные фильтры в критичном восприятии — удел любого уважающего себя и любящего свою душу современного человека.

РОЛЕВОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ

Суть вопроса

Поведение обычного человека в современном обществе так или иначе связано с исполнением различных социальных

ролей: хорошего работника; справедливого руководителя; заботливого отца; верного мужа; интересного друга и т. д. Каждый человек, если его спросить, как он представляет любую из перечисленных ролей, сможет достаточно полно описать ее во всевозможных проявлениях и мельчайших деталях. У разных людей описания будут чем-то отличаться, но костяк основополагающих характеристик будет более-менее совпадать, так как он является, что называется, общепринятым.

Социальные роли в жизни людей выполняют полезную функцию, упрощая их поведение. Если человек исполняет какую-то роль, то ему уже не надо постоянно ломать голову над тем, как поступить в той или иной ситуации. Правильный вариант поведения обычно заложен в самой роли. Однако у подобных стереотипов поведения есть и обратная сторона, проявляющаяся в самоограничении своего поведения, что уже является некоторой личностной несвободой. Если человек захочет поступить в какой-то конкретной ситуации по-своему, а не так, как это предписано ему его ролью, то он фактически выйдет из нее, что психологически далеко не всем легко сделать. Исполнение роли формирует у человека привычку, а, как говорят, привычка — вторая натура. К тому же человек, исполняющий роль в обществе, обычно зависит от окружающих людей, которые в свою очередь исполняют роли, дополняющие его роль.

Я проснулся другим,
Хоть это был я,
Просто в свете нового дня.
Я пошел к друзьям,
И мои друзья
Не узнали в лицо меня.

И друзья сказали:
«Ну что за дела?
Стань таким, как всегда,
скорей!»
И я стал таким,
Каким был вчера,
Не желая обидеть друзей.

И я был таким
Еще сотню лет,
И я пел
От среды до среды,
Пока не понял вдруг,
Что меня больше нет,
И редеют друзей ряды.
(фрагмент песни Андрея Макаревича «Песенка про собственное лицо»)

Таким образом, взаимодействие большинства людей в обществе превращается в некие ролевые игры. И если кто-то вдруг выходит из своей роли и начинает творить отсебятыну, то ролевая игра расстраивается, оставляя окружающих в замешательстве. Налаженный ход событий дает сбой. Представьте себе, если во время спектакля в театре какой-нибудь актер вдруг прервет заученный диалог и, обратившись в зал, заявит, что ему все это надоело и он им лучше споет песни собственного сочинения. Я думаю, не надо описывать, какую активность проявит персонал театра, чтобы вернуть смущения в очерченные ролью рамки. Вот и в жизни происходит что-то подобное по отношению к тем, кто вдруг по каким-либо причинам отказывается играть привычную роль. Это психологическое давление и называется ролевым принуждением.

Аргументы

Данному виду давления окружающих на человека я довольно много места уделил в своей книге «Борьба бульдогов под ковром», поэтому здесь приведу отдельные цитаты из нее.

Вначале следует четче определиться с такими понятиями, как «роль», «ролевая игра», «ролевое поведение». Благодаря книгам Эрика Берна «Игры, в которые играют люди» и «Люди, которые играют в игры» эти понятия достаточно широко распространились и закрепились в психологии межличностных отношений. Но я боюсь, что не все читатели пока еще знакомы с ними (хотя лично я очень рекомендую всем их прочитать), поэтому даю СВОИ определения указанных понятий.

В словарях понятие «роль» пока что определяется исключительно как театральный образ, что для психологии явно недостаточно. Я в роли выделяю внутренний аспект

как субъективно ощущаемый образ, который необходимо изобразить в действии. Но есть еще и внешний аспект роли, или даже два. Первый из них заключается в совокупности требований (или ожиданий) общественного окружения к носителю роли вести себя определенным образом в конкретных ситуациях. Этот аспект емко передается фразами: «Не царское это дело — седлать коня!» или «Царь должен карать и миловать».

Второй внешний аспект выражается во взаимодействии ролей, дополняющих друг друга. Суть этого аспекта замечательно передается театральной фразой: «Царя играет свита». Это когда неподвижного и молчаливого царя можно идентифицировать в толпе на сцене лишь по поведению остальных актеров даже тогда, когда он одет не по-царски. Этот внешний аспект роли выводит нас к определению такого понятия, как «ролевая игра», которая как раз и является этим взаимодействием ролей, дополняющих друг друга. К примеру, ролевая (или, точнее, сюжетно-ролевая) игра является формой психического развития детей дошкольного возраста.

Что касается «ролевого поведения», то, в отличие от предыдущих двух, это понятие чисто психологическое и с театром связано мало. О ролевом поведении человека можно говорить тогда, когда его действия определяются не спонтанными движениями его души, а вольным или невольным изображением какого-либо образа, не совпадающего с его собственной личностью. Ролевое поведение может быть произвольным, т. е. обусловленным желанием самого человека, а может быть и навязанным ему окружающими людьми.

Навязывание своему противнику в каком-либо виде борьбы ролевого поведения может быть полезным трояком. Во-первых, навязанная роль лишает человека некоторой части его личностной свободы, так как он в конкретной ситуации поступает уже не так, как ему хотелось бы, а так, как

это свойственно навязанному образу. Во-вторых, поведение человека, заключенного в ролевые рамки, становится предсказуемым, что дает возможность его противникам планировать свои действия против него. Ну и, наконец, в-третьих, человеком, принявшим на себя роль, можно управлять через ролевую игру. Для этого герой, играя роль, дополняющую роль своего противника, своими действиями вынуждает того отвечать на них должным образом. Механизм принуждения при этом заключается в подсознательном нежелании (вынесенном, скорее всего, из детства) нормального человека разрушать ролевую игру.

Многие люди обычно предрасположены к ведению определенных психологических (или ролевых) игр, что определяется их личным опытом и особенностями их психики. Человек часто принимает участие в такой игре, отвечая на первую реплику ее инициатора, первый его жест из-за того, что ему очень трудно удержаться от подыгрывания. Правда, не всегда в предлагаемых играх есть такой набор ролей, в котором каждый потенциальный участник может удовлетворить свой вкус. За определенные роли часто возникает борьба. Кто ее проигрывает, вынужден довольствоваться тем, что осталось. И либо он принимает такое распределение ролей, либо игра не получается, так как роль героя-супермена обязательно должна дополняться ролями злодеев. Это выяснение своего места в игровых ситуациях обычно происходит еще в детских играх, формируя устойчивые привычки. Поэтому у многих взрослых (не совсем повзрослевших!) включение в предлагаемую психологическую игру происходит на подсознательном уровне в обход защитных барьеров разума.

Любая психологическая игра накладывает на поведение участников определенные ограничения своим сценарием и ролями. То есть человек, принявший условия навязанной ему игры, свою личностную несвободу перевел в несвободу поведенческую.

Примером ролевого принуждения, оказываемого толпой на человека, может послужить цитата из книги Майерса «Социальная психология»: «С людьми средних лет и более преклонного возраста происходит любопытная вещь. Женщины становятся более напористыми и уверенными в себе, а мужчины — более эмпатичными и менее доминантными. Одно из объяснений подчеркивает значение ролевых требований. Некоторые считают, что во время ухаживания и в первые годы после рождения ребенка социальные ожидания заставляют представителей обоих полов подчеркивать черты, присущие их ролям. В период ухаживания, когда необходимо продемонстрировать свою способность защитить и обеспечить партнершу, все мужчины проявляют свои бойцовские качества и подавляют свою потребность во взаимной поддержке и заботе о детях. В период ухаживания, равно как и во время заботы о младенцах, женщины подавляют свои импульсы, побуждающие их быть напористыми и независимыми. По мере того как мужчины и женщины избавляются от этих ранневозрастных ролей, предполагается, что они все в большей степени выражают свои подавлявшиеся ранее потребности. Как мужчины, так и женщины становятся более андрогинными — способными и на напор, и на заботу».

После этого возникает вопрос: а что если человек с детства демонстрирует андрогинность (сочетание мужских и женских характеристик) как лучший вариант личностного развития (Майерс пишет, что «хотя людей обычно привлекают потенциальные партнеры, чьи внешность и поведение соответствуют типичным маскулинным и феминным образцам, исследования выявляют тот факт, что у людей складываются более удовлетворительные отношения именно с андрогинными партнерами»), игнорируя социальные ожи-

Лучшие из людей соединяют в своей личности и мужское, и женское.

(Ральф-Вальд Эмерсон)

дания ролевого поведения? Они попадают в маргиналы. С андрогинностью толпа готова мириться только у заслуженных своих членов, которые становятся менее подвластными ее влиянию в силу своей личностной зрелости, уверенности в себе, самодостаточности.

Ярким примером ролевого принуждения может послужить произошедшее перерождение барона Мюнхгаузена в садовника Миллера в киноповести Григория Горина. Играя несвойственную для себя роль, барон не смог хотя бы частично сохранить свою личность. Роль — это всегда целостный образ, и очень трудно строить свое поведение из частей несовместимых ролей (или из роли и своей настоящей личности). Настолько трудно, что такая поведенческая «мозаика» может привести к серьезным нарушениям психики. Этим и опасно ролевое принуждение: если уж и начинаешь играть какую-то роль, то часто втягиваешься в этот процесс полностью, теряя всю свою личность.

Выводы и рекомендации

Любое ролевое поведение — это некоторый отказ своей душе в праве определять ваши слова и поступки. А когда к душе не прислушиваются, ее голос постепенно слабеет (о некоторых печальных последствиях этого мы уже раньше упоминали).

Исполнение роли облегчает текущее взаимодействие с окружающими людьми, состоящее преимущественно из мелочных обыденных актов. Если во время каждого своего поступка задумываться, то можно стать «тормозом» и быстро устать. Поэтому я и не настроен рекомендовать полный отказ от ролевого поведения. Но это как обращение с огнем. Когда он укрошен в печке, то очень полезен. Но если ему удается вырваться наружу, то жди беды.

Своё ролевое поведение надо постоянно контролировать и, при необходимости, уметь отключать быстро и без-

болезненно, в первую очередь для себя. Необходимость в этом возникает обычно тогда, когда приходит черед совершить значимый для вас поступок, решение по которому нежелательно доверять общественному стереотипу. Помимо этого, из роли полезно выходить время от времени для профилактики, чтобы привычкой не засасывало. И, наконец, самый ответственный момент сбрасывания с себя ролевой уздечки наступает при появлении возле вас искусственного манипулятора, который за нее пытается запрячь вас в свою телегу.

УГРОЗА «ЖЕЛТЫМ» ДОМОМ

Суть вопроса

В обществе обычных людей, как правило, присутствует страх перед психическими аномалиями. Если глаз перестал видеть — это более-менее понятно простым людям, но как относиться к тому человеку, который видит или слышит то, что недоступно другим? Лучший выход, это испуганно перекреститься: «Свят, свят, свят, чур не меня!» Поэтому в толпе нормой является не замечать наличие души. У нас люди даже любят сердцем, хотя это обычная помпа для перекачки крови. Как только кто-то начинает обращать внимание на свою душу, окружающие начинают много-значительно ковырять пальцем у себя в виске: «Чудит малый.

Мы считаем здравомыслящими лишь тех людей, которые во всем с нами согласны.

(Ларошфуко)

Брожу ли я по уличному шуму,
ем кашу или моюсь
по субботам,
я вдумчиво обдумываю думу:
за что меня считают идиотом?

(Игорь Губерман)

В чистом разуме скрыта отрава,
целой жизни мешая тайком:
мысля трезво, реально и здраво,
ты немедля слизвешь мулаком.

(Игорь Губерман)

Видно спятил...» Потом перемещают палец обратно в нос и возвращаются к обычной жизни, обсуждая бытовые дела.

Такое простое отношение ко всему непонятному для себя приводит к тому, что любой чудак в толпе является потенциальным кандидатом на звание «умалишенного», а это уже как клеймо, выводящее его из разряда людей. Подобная угроза является дополнительным психологическим давлением на тех, кто имеет склонность почудачить, с целью привести их к поведенческой норме.

Аргументы

Над маргиналом всегда висит «дамоклов меч» психиатрического диагноза. Для толпы ведь трудно уйти от соблазна справиться с непонятным и, следовательно, раздражающим поведением маргинала через простое навешивание ему ярлыка «ненормального» и изоляцию его с помощью смирительной рубашки и высокого забора вокруг «желтого» дома. И пусть у человека с психикой все в порядке, но если он умнее окружающих в понимании смысла жизни и тем самым выделяется из их стройных рядов, то нет никакой гарантии, что они каким-нибудь электрошоком или лоботомией не опустят его до своего уровня.

Больное общество насаждает негативное отношение человека к попыткам вылечить свою душу: «Пошел к психологу на прием — псих и неудачник». Любой человек, проявляющий повышенный интерес к совершенствованию своей души, вызывает у окружающих презрение и жалость, как слабак, которому не повезло с генами или в жизни, и у которого теперь только одна судьба — быть юродивым. Уместно здесь будет привести фразу из школьного сочинения сына Игоря Губермана, которую он цитирует в своих «Пожилых записках»: «Тех, кто искренне болеет душой за общество, общество искренне считает душевнобольными».

Даже если внимательно проанализировать содержание такого диагноза, как шизофрения, то окажется, что она является чем-то вроде мешка, куда психиатры сваливают все непонятные им случаи отклоняющегося от общепринятого стандарта поведения. Наиболее ярким психиатрическим симптомом является галлюцинация. Существует незыблетный закон психического здоровья человека: в обычном состоянии у нормального человека галлюцинаций быть не должно! При этом психофизическая природа этих самых галлюцинаций психиатрам совершенно непонятна. То есть они знают, что у некоторых людей могут появляться в сознании образы, не отображающие реально существующих объектов, — и все! А раз таких людей подавляющее меньшинство в обществе, то квалифицируют это дефектом психики, который надо лечить. А если это проявление новой психической функции, более высокой по уровню развития нервной системы, тогда как? Давить электрошоком? Разрушать лоботомией новейшие структуры мозга? То есть уничтожать любое новообразование психики, консервируя ее на уровне развития человека толпы... А что?! Так, во всяком случае, спокойнее. А то ведь сверхъестественные способности «больного», ставящие его в психическом плане выше лечащего врача, слишком сильно пугают и обижают последнего.

Барbara О'Брайен в своей книге «Необыкновенное путешествие в безумие и обратно» пишет что «у склонных к беседе больных шизофренией наблюдается необычная способность читать чужие мысли, что приводит собеседника в полное замешательство. В переводе на язык психиатрии это звучит как «сверхъестественная способность шизофреника чувствовать не оформленные в словах и лишь частично осознаваемые психиатром ощущения» или «реактивность шизофреника в отношении эмоциональных стимулов, являющихся подпороговыми для перцептивного аппарата (говоря проще, восприятия. — С. Г.) нешизофреника». Вот вам и

дефект психики — сверхсоставные способности! Так постепенно начинаешь понимать, почему некоторые маргиналы считают за честь состоять на учете в психдиспансере. Для них это означает наличие сертификата НОРМАЛЬНОСТИ, а может, и причисление к новому, более совершенному подвиду людей, за которыми будущее человечества.

Выводы и рекомендации

Учитывая, сколь условны принятые в обществе нормы психического здоровья, бояться возможности получить ярлык «психа» не стоит. Меня, кстати, вместе с другими студентами-психологами также звали в университете психом только за то, что учился на факультете психологии. Психиатрические ярлыки, навешанные на вас толпой без всяких на то оснований, можете расценивать как признак того, что у вас дала о себе знать душа, либо же вы сами проявили к ней интерес. А иметь душу среди бездушной толпы — этим, знаете ли, и гордиться можно!..

Не бывало великого ума без примеси безумия.

(Сенека)

ФОРМИРОВАНИЕ ПОТРЕБНОСТЕЙ

Суть вопроса

Человек ЧТО-ТО делает осознанно обычно только в том случае, если у него есть соответствующая потребность. Эту истину понимают практически все, в том числе и те, кто относится к другим людям потребительски. Поэтому они в случае, если им

нужно добиться чего-то от другого человека, воздействуют на его сферу потребностей. Для этого ими либо усиливается уже имеющаяся соответствующая потребность жертвы манипуляции, либо формируется новая. А когда у человека появляется много сильно свербящих потребностей, он превращается в суетливого и плохо соображающего человека, которым управлять проще простого. Ведь если человек уже бежит куда-то, то привести его в нужную вам точку намного проще, чем в том случае, если бы он лежал под березой и размышлял об устройстве мироздания или слушал пение птиц.

Аргументы

Манипулировать потребностями в современном обществе могут многие. Например, производители товаров и услуг часто, решая свои задачи сбыта, навязывают потенциальному покупателю с помощью рекламы и иных средств маркетинга то, без чего он, в принципе, мог бы и обойтись. В маркетинге хорошо известен анекдот о том, как заезжий коммерсант в Африке продал вагон ботинок местным аборигенам, никогда не носившим обуви. Для этого он выписал еще один вагон товара, но только на этот раз с колючками, кои и разбросал по местным дорогам. В современной промышленности уже давно инновации идут впереди развивающихся потребностей. Конструкторы сперва придумывают новый продукт, а потом решают задачу, как его «впарить» потребителю, потребности которого еще не доросли до такого товара.

Политики от коммерсантов в этом мастерстве также не отстают. К примеру, если ты отставной генерал внутренних войск и хочешь стать мэром города, то можешь нанять несколько шаек хулиганов на месяц, чтобы они порезвились на улицах города, а тебе потом останется лишь предложить местным избирателям свою «твёрдую руку» для наведения порядка.

Если же ты менеджер и хочешь, чтобы твой подчиненный «пахал» как маленький трактор, можно замотивировать его на повышение зарплаты, ради которого он должен будет «горы свернуть». Создать же потребность в большем количестве денег проще простого. Достаточно регулярно приглашать обедать его в дорогом ресторане, отвозя его туда на своем шикарном автомобиле. Все остальное упирается во время, так как к хорошему привыкают быстро.

А что делать теще, если зять не хочет «вкалывать как проклятый»? Да все очень просто, достаточно подарить дочке дачу, на которую можно добраться только на автомобиле, которого у зятя, естественно, нет. В итоге дочка мужу «плешь проест», пока он не заработает на машину. А там дело и до гаража дойдет, за ним новый дом на даче, сауна, бассейн, новый автомобиль вместо постаревшего прежнего и т. д.

Но главным, конечно, специалистом по формированию у людей лишних потребностей, является американский капиталист. Ведь что происходит сейчас во всем мире? Единообразие современного общества резко усилилось, причем в мировом масштабе. Происходит это по двум причинам. Во-первых, теперь стало трудно сохранить вынужденное этнической своеобразие, которое раньше в различных региональных сообществах поддерживалось определенной коммуникативной изолированностью. Современные СМИ и транспорт обеспечили как очное (деловые поездки, туризм), так и заочное (телевидение, кино, пресса) знакомство людей во всем мире с образом жизни и культурой самых разных сообществ. И если раньше потенциальные подражатели просто были лишены возможности ориентироваться в своем поведении и взглядах на какой-либо далекий эталон из-за элементарного незнамства с ним, то современные коммуникации устранили такое препятствие. Во-вторых, усилилось давление на каждого человека, навязывающее ему

тот или иной образ жизни, культуру, ценности. Так, например, Штаты любят ставить в зависимость свою готовность к сотрудничеству в различных сферах с иным государством от того, насколько его общество и официальные власти охотно перестраивают свою жизнь под их стандарты, которые американцы без всякой скромности считают высшим достижением человечества. А приняв американские эталоны жизни, люди становятся благодатной средой для применения армией маркетологов изощренных способов рекламы и продвижения американской продукции во все уголки земного шара.

Например, в какой-нибудь Вятской губернии двухсотлетней давности на Францию или Германию реально могли ориентироваться лишь люди дворянского и купеческого сословия, составляющие от силы 2–3% населения. Обусловлено это было тем, что только эта верхушка общества могла съездить в российскую столицу или Европу или, на худой конец, пообщаться с живым европейцем, которого бедность загнала в российскую глушь. А остальным потенциальным подражателям, доля которых в обществе могла составлять 50–80% населения, оставалось ориентироваться на своих местных знаменитостей, определявших самобытность регионального социума.

Теперь же благодаря рекламе всевозможного вида и экспансии американского кино в самом дальнем хуторе российской глубинки все стараются носить джинсы, жевать жвачку и задирать ноги на стол. Каждый человек в мире начал ориентироваться на самые выдающиеся примеры яркой и богатой жизни. Если раньше подросток ориентировался на уровень успеха, примеры которого были непосредственно у него перед глазами в пределах его деревни, то теперь у него перед глазами роскошь и слава самых богатых и знаменитых людей мира.

Преуспеяние дурных —
соблазн для многих.

(Федр.)

Выводы и рекомендации

Ваши потребности — это часть вашей души. Нельзя допускать, чтобы кто-то извне воздействовал на них. Изменение ваших потребностей является сугубо внутренним делом вашей души, поэтому, прежде чем решить что-то сделать, почаще задавайте ей все тот же вопрос: «Ты действительно хочешь того, что я собираюсь сделать?»

Все же побуждения, приходящие извне от конкретных людей, с вами взаимодействующих, или же из культурной и информационной среды надо подвергать критическому анализу, о чём мы уже говорили выше.

МОДА

Суть вопроса

Мода за последние пару столетий стала значимым элементом жизни западного мира потому, что для одних делает существование не таким скучным, другим же позволяет ощутимо богатеть. Но по своей сути мода является элементарным согласованием людей в толпе в таких вопросах, что в ближайшее время носить или покупать. То есть мода устраняет индивидуальные различия между людьми! Если твоя внешность гармонична, оригинальна, подобрана с утонченным вкусом и полностью соответствует твоему душевному состоянию, но не отвечает современной моде, то ты заслуживаешь отрицательной оценки окружающих людей! Разве это не абсурд?

Вещи — ловушки вашего времени.

(Андрей Кнышев)

Человек любит новизнукупленной вещи, но готов изменить ей при появлении чего-то более нового.

(Эрих Фромм)

Но эта логика непонятна толпе, и ее представители регулярно меняют вслед за указаниями манипуляторов-модельеров свои пристрастия, избавляются от еще хороших вещей и бегут покупать новые.

Аргументы

Мода выполняет две социальные функции. Во-первых, она придает хоть какой-то смысл праздной жизни суетных людей. В этом плане мода оказывается одним из средств структурирования времени примитивных обывателей. Во-вторых, она помогает производителям товаров и услуг подстегивать потребительскую гонку. Что происходит с женщиной, у которой весь гардероб состоит из еще вполне носильных вещей, но уже вышедших из моды? Она покупает новые вещи, избавляясь от добродотной одежды за бесценок. Да что там носильность — в светских тусовках действует неписаное правило: дважды в одном наряде в люди выходить нельзя!

Почему мужчина меняет автомобили через полгода-год, каждый раз покупая новый? Ведь у современных автопроизводителей мира гарантийный срок эксплуатации основных узлов может доходить до 5—10 лет, но от их продукции отказываются уже через полгода! А все потому, что большинство потребителей считают ниже своего достоинства ездить на машине не самой последней модели.

Ну, хорошо, не все так тщательно следят за модой. Допустим, женщина пришла в общественное место в наряде, уже вышедшем из моды, но который очень ей к лицу, — как она будет встречена окружающими? Кто-то не обратит внимания,

Люди от природы настолько склонны подчиняться, что с них мало законов, управляющих ими в их слабости, им недостаточно повелителей, данных судьбой, — им подавай еще и моду, которая предписывает человеку даже фасон башмаков.

(Вовенарг)

но многие модницы обязательно в глаза или за глаза будут активно выражать свое удивление несоответствием ее внешнего вида духу времени! Всякий ли способен выдержать такой прессинг?!

Сомерсет Моэм в моде выделяет еще и конформизм, усиливающий непосредственное удовольствие от модной вещи: «Удовольствия, в сущности — это вопрос вкуса. Они изменчивы, как женская мода; модное удовольствие становится желанным вдвойне. Поступки сами по себе малоприятные могут под воздействием моды стать источником острого наслаждения». Например, модным становится прием нового вида наркотика, но всегда есть какой-то процент людей, которым от него становится плохо. Вы думаете, они в этом признаются своим приятелям? Они скорее будут терпеть и старательно изображать кайф. То же самое происходит и с модными танцами, музыкой, прическами, неудобной одеждой и обувью — всем, что в потреблении способно у разных людей вызывать тщательно скрываемый перед окружающими физический и психический дискомфорт.

Выводы и рекомендации

Еще в подростковом возрасте я заметил за собой одну странную особенность. Когда вокруг меня поднимался шум по поводу какой-то новой книги, фильма, музыки или чего-то подобного, вдруг ставшего модным, я, в отличие от окружающих, испытывал к этому предмету всеобщего внимания какую-то непонятную неприязнь. И только по прошествии нескольких лет, когда спадала волна ажиотажа, я спокойно знакомился с предметом культуры, бывшим когда-то модным, составляя о нем свое мнение в одиночестве, так как его обсуждение уже никому вокруг меня не было интересным. Только много позже я понял психологию своего поведения.

Такой сценарий поведения в отношении к модным вещам совсем не обязательно должен быть образцом для подражания. Например, одна моя знакомая является фанаткой Гарри Поттера, но последнюю вышедшую недавно книгу не покупала до тех пор, пока та не подешевела до разумных пределов. Моде как средству манипуляции толпой и механизму психологического давления толпы на отдельных людей надо сопротивляться или же вообще быть к ней равнодушным. А как это будет делать каждый конкретный человек — это вопрос личного предпочтения.

ВЫСМЕИВАНИЕ

Суть вопроса

Природа смеха разнообразна, но одним из наиболее распространенных факторов смешного является отклонение какого-либо явления — поведения, внешности, суждений — от общепринятого эталона. Например, все мы имеем представление о среднем для нашего общества уровне ума. И если какой-либо человек явно не дотягивает до этого стандарта, то многих его глупость смешит. Или другой человек демонстрирует недостаточную для обычного человека ловкость в движениях, спотыкаясь на ровном месте и задевая своим телом предметы, мимо которых все проходят, не замечая их. Это также обычно сопровождается смехом окружающих. Столь же смешными оказываются отклонения во внешнем виде: оттопыренные уши; большой нос; короткие штаны; необычные цвета в одежде и т. д.

Аргументы

БОЛЬШИНСТВО людей толпы, боящихся выделиться из ее рядов, оказываются чрезвычайно чувствительными к смеху окружающих. Благодаря этому толпа получает в свое распоряжение отличный механизм удержания своих членов в единых рамках: высмеивание любых отклонений человека от общепринятых эталонов.

Выводы и рекомендации

Для того чтобы не поддаваться этому виду психологического давления, надо снизить свою чувствительность к смеху окружающих людей. Достигается это двумя способами. Во-первых, необходимо разобраться со своей референтной группой, т. е. людьми, чье мнение для вас значимо, на кого вы ориентируетесь в своей жизни. Глупо иметь референтную группу, включающую в себя всю окружающую вас толпу, так как всем не угодишь и всегда найдется кто-то, кому захочется посмеяться над чем-нибудь в вас. Из своей референтной группы необходимо вычеркнуть всех посторонних людей, далеких от вас по сфере интересов, психологическому складу, интеллектуальному и культурному развитию, стилю и образу жизни, мировоззрению. Круг значимых для вас людей должен быть узок, при этом их мнение о вас надо воспринимать избирательно. Например, к другу Пете надо прислушиваться в вопросах смысла жизни, а подругу Таню держать за эксперта в области эстетики.

Представьте себе зелую даму с высоким уровнем культурного и интеллектуального развития, оказавшуюся по воле случая в трущобах. Мимо проходящие девчонки подросткового возраста стали громко смеяться по поводу ее внешнего вида. Стоит ли ей принимать во внимание реакцию особ, у которых в речи на одно литературное слово

приходится по нескольку слов низкопробного мата, выглядящих как скоморохи на ярмарке? Очевидно, нет. Подобное игнорирование смеха окружающих людей, которые не входят в состав вашей референтной группы, должно стать для вас устойчивой привычкой.

Вторым способом восприятия чужого смеха над вами является умелое отделение юмора (если он есть в наличии) от вашей личности. Если кто-то смеется над вами, попробуйте отделить смешное в ситуацию, которая не связана непосредственно с вами. Представьте этот смешной случай как анекдот, в котором героям является абстрактный персонаж. Расскажите его мысленно своим друзьям, не упоминая о своей роли в реальной действительности. Если это получится, то смех можно смело отделять от своей личности: смеялись не над вами, а над комичной ситуацией, в которой по воле случая вы оказались. Но так как это может произойти с каждым, то и переживать вам по этому поводу особо не стоит. Редко так бывает, что смешное связано именно с личностью. Но все это верно только тогда, когда действительно есть что-то смешное. Если же смех вызван не смешным, а желанием оскорбить вас, задеть за живое, то и реагировать на это надо соответствующим образом.

ОФИЦИАЛЬНАЯ РЕЛИГИЯ

Суть вопроса

Любая религия при своем зарождении маргинальна, но если, например, коньяк с возрастом становится лучше, то религии от возраста только теряют свое качество. Происходит это по той причине, что практически любую религию можно использовать как инструмент для массовых

манипуляций. Поэтому вокруг религиозных идей, показавших в первые десятилетия существования свою эффективность, быстро появляются всевозможные дельцы. Да и внутри самой религии формируется церковная бюрократия, которая начинает паразитировать на вере. Это потребительское отношение к религии неизбежно разрушает ее.

Но самая серьезная потеря качества религии происходит, когда ее на вооружение берет власть. С этого времени настоящая духовность обычно если и остается в религии, то только вокруг незаурядных энтузиастов. Подобные группы довольно быстро оформляются в различные секты, дистанцируясь от процессов разложения и извращения исходных идей, протекающих в официальной религии. А та, будучи в услужении у власти и магнатов, начинает исполнять функции пропаганды нужных идей в массы, смирения недовольных, ритуализации жизни толпы, зарабатывания денег на вере и прочем, от чего обычно предостерегают создатели религии своих последователей.

Духовенство было бы весьма недовольно, если бы его духовный труд оплачивался духовно.

(Гольбах)

Я ненавижу тех, кто ненавидит Бога, но мне кажется, что Бог недостаточно ненавидит тех, кто ненавидит меня.

(Сэмюэл Батлер)

Если бы Иисус Христос явился сегодня, никто бы не стал его распинать. Его бы пригласили к обеду, выслушали и от души посмеялись. (Это пост-прашнее распятия. — С. Г.)

(Томас Карлейль)

Каждая церковь — камень на могиле Богочеловека: ей не хочется, чтобы Он вновь воскрес.

(Чицше)

Если бы Иисус явился сегодня снова, его бы опять убили. Но на этот раз его бы, скорее всего, казнили на электрическом стуле. С этого момента люди стали бы носить на шее маленькие электрические стульчики на цепочке.

(Филип Уайли.)

Есть люди, — их кошмарно много, — чьи жизни отданы тому, чтобы осрамить идею Бога своим служением Ему.

(Игорь Губерман)

Аргументы

История показывает, что подавляющее большинство религий имело высокое качество в плане чистоты помыслов и веры их поклонников лишь в период своего зарождения, когда они предлагали альтернативу устоявшейся идеологии толпы, и потому являлись маргинальными по своей сути. Когда же идеи религии распространяются на толпу, с нею (религией) происходит метаморфоза. Во-первых, примитивные умы толпы обычно сильно извращают идеи религии. Во-вторых, сильные мира сего хорошо знают, каким эффективным инструментом манипулирования толпой является религия, и поэтому они быстро прибирают ее к своим рукам. Религия объявляется официальной. В ней, как раковая опухоль, разрастается церковная бюрократия, которая начинает использовать религию для решения задач власти, частью которой она (церковная бюрократия) становится. И чем крупнее религия (в плане распространенности), тем сильнее смещается ее интерес от души конкретного человека к глобальным проблемам человечества (характерный пример — Римский Папа Иоанн Павел 2-й, давно превратившийся из жреца в политического деятеля). Таким образом, религия склонна при распространении становиться бесчеловечной.

Поэтому можно утверждать, что старые официальные религии, распространенные в наше время по миру, ничего хорошего маргиналу дать не могут. Они являются лишь механизмом ритуализации жизни человека, заставляющим его через совместное с толпой исполнение различных обрядов чувствовать свою общность с ними. А содержание

Мало кто способен признать, что существует раса, более одаренная, чем человечество. Жрецы учат: «Таким был Христос», — однако он мертв. Такие люди могут простить только мертвому. Но в его время самого Христа ненавидели и осудили на самое позорное наказание. Люди поклоняются богам, однако, когда боги появляются, люди боятся и ненавидят их.

(Андре Фортон)

религии давно уже для большинства людей, считающих себя верующими, потеряло всякий смысл.

Так, например, ожидание мессии в христианстве — безнадежная мечта. Если он все-таки появится, то по своей сути будет маргиналом, а значит, толпа за ним не пойдет. Скорее, наоборот, он будет подвергнут осмеянию и гадливому презрению. А когда маргинальные идеи мессии в извращенном виде превратятся в идеологию толпы, прах мессии уже сгниет. Так было с Иисусом и другими создателями мировых религий, которые были типичными маргиналами, а их последователи через пару сотен лет превратились в обычную толпу.

Вэс Нискер в своей книге «Безумная мудрость» выразил эту мысль следующим образом: «Если бы Будда был сегодня жив и продолжал учить, нет сомнений, что многие родители потребовали бы, чтобы их детей, окажись они в общине Будды, вернули домой и чтобы им после этого хорошошенько промыли мозги. Иисуса в дни его земной жизни принимали за помешанного. Он стал среди бедных людей героем потому, что всячески им помогал, осмелившись бросить вызов церковной и государственной власти. Почтенные же люди, скорее всего, смотрели на него как на распущенного уличного бродягу».

Наибольшее давление на людей оказывают тоталитарные религии (иудаизм, ислам, индуизм), построенные на чрезмерной ритуализации повседневной жизни. Чего только стоит любимая фраза мусульман: «У человечества нет прав, есть только обязанности!» Чтобы уйти от такого влияния, но остаться в рядах верующих, лучше всего выйти на достаточно высокий уровень понимания своего бога и своей веры в него. Ритуалы в религии предназначены для наиболее прimitивных членов общества, кото-

— Тот, кто подчиняет всю свою жизнь строжайшему и буквальному исполнению заповедей, — дурак.

(Рабби Иехуда Бен-Иехезкель)

рые только через действие и могут приобщиться к богу. Люди же, развитые и духовно, и интеллектуально, оказываются способны к непосредственному взаимодействию с богом в своей душе без всякой ритуализации повседневной жизни.

Особое место в отношениях человека с религиями занимает поиск подходящего для его души бога. Многие люди, нуждающиеся в вере, оказываются либо в плена традиционной для своего общества религии, в атмосфере которой они выросли и питали ее как естественную составляющую культурной жизни своего окружения, либо в условиях ограниченного выбора между двумя-тремя различными религиями (сектами), чьи проповедники смогли добраться до дверей его дома. В такой ситуации суженного выбора очень высок риск оказаться под влиянием тоталитарной секты, стремящейся к порабощению как души верующего, так и его тела вместе с его имуществом.

Выводы и рекомендации

Официальной религии желательно сторониться, а религиозную информацию, распространяемую через СМИ, необходимо воспринимать очень критично. Настоящего бога, веру в него, если вы нуждаетесь в ней, ищите в себе самом. Если же испытываете в этом какие-то затруднения, то ищите человека, которому готовы были бы довериться, но не церковь, как уже оформившуюся организацию. Конкретный человек сможет ответить на ваши вопросы, а церковь будет стремиться организовывать вашу жизнь, но второе идет только вслед за первым. Вначале нужно понять, куда идти, и только потом переставлять ноги. Обычно же устоявшиеся религии предлагают выверенный образ жизни, а душой человека занимаются скорее по привычке. Особенно в этом плане опасны тоталитарные религии и секты, которые стремятся к тому, чтобы начать определять каждый ваш шаг в жизни вплоть до мельчайших деталей. Это путь к психологическому рабству.

Часть 2

ТРИ ФРОНТА БОРЬБЫ МАРГИНАЛА С ТОЛПОЙ

Глава 5. БОРЬБА С БЛИЖАЙШИМ ОКРУЖЕНИЕМ

ВОСПИТАНИЕ РАБА

Суть вопроса

Почему общество давит на свободолюбивого человека? Потому что его большинство составляют несвободные люди. Почему они в большинстве? Потому что в семье несвободных людей обычно больше детей, чем в семье свободных. Происходит это из-за повышенной (по сравнению с толпой) ответственности свободных людей в вопросе продолжения рода: они считают себя обязанными не только произвести ребенка на свет и выкормить его, но и воспитать в нем независимую и высокоразвитую личность. Такой подход требует огромных ресурсов (материальных и человеческих), поэтому

возможности культурных и свободных семей в воспроизведстве себе подобных сильно ограничены. Толпа же склонна безответственно плодиться как примитивная биомасса.

Вообще, воспитание свободной личности требует большого труда и благоприятного сочетания целого ряда факторов. Это как культивируемое растение, которое без должной заботы всегда проиграет борьбу за место под солнцем всевозможным сорнякам. В воспроизведстве свободного человека «сорняк» получается сам собой, если где-то в чем-то процесс воспитания оказался с изъяном. Получается, что основу современного общества составляет брак воспитательного процесса: родители-сорняки автоматически воспроизводят сорняки в большом количестве, а культурные родители при всем своем старании имеют значительный брак процесса воспитания, не говоря уже об их пониженной плодовитости. То есть свободные люди мало того, что меньше рожают, но далеко не всех рожденных оказываются в состоянии воспитать свободными, невольно поставляя в общество дополнительные сорняки.

Итак, человек толпы, обладающий несвободной личностью по определению, склонен воспроизводить эту

Если бы повысилось искусство вести беседу, понизилась бы рожаемость.

(Станислав Ежи Лец)

Кто не может выполнить обязанности отца, тот не имеет права быть им. Ни бедность, ни работа, ни уважение людей не избавляют его от обязанности кормить своих детей и воспитывать их самому.

(Жан Жак Руссо)

Теперь дети не играют, а учатся. Они все учатся, учатся и никогда не начнут жить. (В сюжетно-ролевых играх дети учатся жить. Поэтому глупо увеличивать крен в пользу одного вида учебы за счет учебы искусству жить. — С. Г.)

(Александр Грин)

(Современное) общество производит множество бесполезных вещей и в равной степени — многих бесполезных людей.

(Эрих Фромм)

Яйца от курицы недалеко падают.

(Андрей Кнышев)

Все, что сработали рабы, всегда работает на рабство.

(Игорь Губерман)

психологическую характеристику в своих детях. Хотя, спроси его о воспитании, он будет доказывать свою преданность самым высоким целям формирования у своего ребенка гармонично развитой и независимой личности. Но так ли это? Способен ли добровольный раб общества вырастить человека с душой независимого героя? Я глубоко убежден, что толпа может активно воспроизвести только толпу. Независимая и самодостаточная личность в толпе может вырасти только в том случае, если ее родители самоустранились от воспитания. Только у предоставленного самому себе ребенка в толпе есть шанс вырваться из этого душного культурно-психологического болота.

Аргументы

Если попытаться проанализировать пороки воспитания толпой своих детей, то наберется материала еще на одну книгу, поэтому в данном разделе я ограничусь несколькими иллюстрациями по материалам книг Эриха Фромма и Эрика Берна.

1. Люди толпы изначально закладывают в своих детей основы конформизма через понятие «хороший человек». Качество «хороший» всегда должно иметь референтный индекс, определяемый вопросом: «Хороший человек для кого?» Возможны два альтернативных варианта: для самого себя; для окружающих людей, начиная с родителей и заканчивая обществом вообще. Осознание того, что можно быть хорошим для себя, ребенку толпы в принципе никто в ней из взрослых не сможет сформировать, так как оно не ведомо им самим. Поэтому

Есть дети с острым умом и любознательные, но дикие и упрямые. Таких обычно ненавидят в школах и почти всегда считают безнадежными; между тем из них обыкновенно выходят великие люди, если только воспитать их належащим образом.

(Ян Коменский)

му толпа учит ребенка единственно для них возможному варианту — быть «хорошим» для окружающих людей. Вот что об этом говорит Фромм в книге «Человек для себя»: «Весь называется хорошей, если она хороша для человека, ею пользующегося. Подобный критерий ценности может быть применен и к человеку. Наниматель считает работника хорошим, если тот ему полезен. Учитель может назвать ученика хорошим, если ученик послушен, не причиняет хлопот и является гордостью учителя. Так и ребенка могут назвать хорошим, если он понятлив и послушен. «Хороший» ребенок может быть запуганным, неуверенным, желающим лишь угодить своим родителям, покоряясь их воле, в то время как «плохой» ребенок может обладать собственной волей и иметь достойные интересы, но неугодные, однако, его родителям».

2. Человек толпы имеет непреодолимую потребность опутывать себя по своей собственной инициативе большим количеством социальных связей ради ощущения своей причастности к обществу. И его дети не являются в этом плане исключением, скорее наоборот, он стремится связать себя с ними еще сильнее, чем с кем бы то ни было. Для того чтобы родитель смог вырастить ребенка свободным от такой потребности в паутине общественных отношений, он должен его с раннего детства постепенно приучать жить самостоятельно и самодостаточно, сознательно помещая его в ситуацию временной и частичной изоляции от окружающих людей, в том числе и от себя. Но подобное поведение в корне противоречит его собственным потребностям, причем этот конфликт происходит на подсознательном уровне. И решить его в пользу ребенка оказываются способными очень немногие родители толпы.

Фромм Э. «Здоровое общество»: «В материнской любви отношения между матерью и ребенком носят характер неравенства: ребенок беспомощен и зависим от матери. Чтобы развиваться, он должен становиться все более независимым,

пока, наконец, совсем не перестанет нуждаться в матери. Поэтому отношения матери и ребенка парадоксальны и, в определенном смысле, трагичны. Они требуют от матери самой сильной любви, но именно эта любовь должна помочь ребенку вырасти и отделиться от матери, стать полностью независимым. Любой матери легко любить ребенка, пока не начался этот процесс отделения, но любить ребенка, и при этом позволить ему уйти, и ХОТЕТЬ отпустить его — с этой задачей большинство не в силах справиться».

3. Родительская ревность своего ребенка к его друзьям. Фромм Э. «Здоровое общество»: «Лишь в возрасте 8-9 лет ребенок начинает воспринимать другого человека так, что может полюбить, т. е. почувствовать, что потребности другого человека так же важны, как его собственные. Обычно ребенок испытывает такую любовь сначала к своим сверстникам, а не к родителям. Приятную мысль о том, что дети «любят» своих родителей прежде, чем они полюбят кого-нибудь еще, следует расценивать как одну из многочисленных иллюзий, порождаемых принятием желаемого за действительное. Для ребенка в этом возрасте отец и мать являются объектами скорее зависимости и страха, чем любви, которая по самой своей природе основана на равенстве и независимости. Любовь к родителям (если мы разграничиваем любовь, с одной стороны, и сильную, но пассивную привязанность, благовоспитанную или почтительную покорность — с другой) развивается — если это вообще происходит — скорее не в детстве, а позднее, хотя при благоприятных условиях ее первые ростки могут обнаружиться и в более раннем возрасте. Однако многие родители не хотят мириться с этим обстоятельством; первые подлинно любовные привязанности ребенка вызывают у них обиду, проявляющуюся либо открыто, либо — что еще более действенно — в виде насмешек. Их осознанная или неосознанная ревность создает одно из самых мощных препятствий на пути развития у ребенка способности любить».

4. Реализация родителями своих целей посредством своих детей.

Фромм Э. «Кризис психоанализа»: «В зависимости от экономических условий, сын либо является наследником владений своего отца, либо будущим кормильцем своего отца, когда тот состарится и ослабеет. Он представляет собой нечто вроде помещения капитала. С экономической точки зрения суммы, вложенные в образование и профессиональное обучение сына, сродни расходам на страхование от несчастных случаев и платежи в пенсионный фонд. Далее сын играет важную роль в поддержании социального престижа своего отца. Его вклад в дела общества и сопутствующее общественное признание может повысить престиж отца; его неудачи в обществе могут уменьшить или даже разрушить престиж отца. (Экономически или социально удачный брак сына играет аналогичную роль.)

Из-за такой социально-экономической функции сына целью его образования, как правило, является не его личное счастье, т. е. максимальное развитие его собственной личности, а, скорее, принесение им максимальной пользы для удовлетворения экономических или социальных потребностей отца. Поэтому зачастую мы обнаруживаем объективный конфликт между счастьем сына и приносимой им пользой; этот конфликт, как правило, не воспринимается сознанием отца, поскольку с точки зрения господствующей в обществе идеологии эти цели идентичны. Еще более осложняет ситуацию то, что отец зачастую отождествляет себя с сыном: он желает, чтобы сын не только был полезным членом общества, но и исполнял его собственные нереализованные мечты и фантазии.

Эти социальные функции отца играют решающую роль в формировании характера отцовской любви: он любит сына при том условии, что сын выполнит возлагаемые на него ожидания. Если это не так, отцовская любовь может угаснуть или даже превратиться в презрение или ненависть».

Фромм Э. «Человек для себя»: «Широко распространено представление, что дети являются на свет для того, чтобы доставлять удовольствие родителям и компенсировать им разочарование в собственной жизни. ...Даже в нашей неавторитарной культуре случается, что родители хотят, чтобы дети были «послушными», чтобы возместить родителям то, что они упустили в жизни. Если родители не преуспевают, ребенок должен добиться успеха, чтобы доставить им замещающее удовлетворение. Если они нелюбимы (в частности, когда родители не любят друг друга), детям предстоит возместить эту нехватку любви; если они оказались бессильны в своей социальной жизни, они хотят обрести удовлетворение, контролируя своих детей и властвуя над ними. Даже если дети удовлетворяют этим ожиданиям, они все же чувствуют вину, что не делают все возможное и, значит, разочаровывают своих родителей».

5. Люди толпы воспитывают своих детей преимущественно методами психологического программирования. Такая жизненная программа, вложенная в ребенка, сильно сковывает саморазвитие его личности впоследствии.

Берн Э. «Люди, которые играют в игры»: «...программирование [детей родителями] в основном происходит в негативной форме. Родители забивают головы детей ограничениями. ...Запреты затрудняют приспособление к обстоятельствам (они неадекватны), тогда как разрешения предоставляют свободу выбора. Разрешения не приводят ребенка к беде, если не сопровождаются принуждением.... Быть красивой — это вопрос не анатомии, а родительского разрешения. Анатомия, конечно, влияет на миловидность лица, однако, лишь в ответ на улыбку отца или матери может расцвести настоящей красотой лицо дочери».

Там же: «Говорят, что в следующем столетии будут выращивать детей в пробирках, вырабатывая в них качества, нужные государству и родителям, которые будто бы будут закладываться путем сценарного программирования. Сце-

нарное программирование легче изменить, чем генетическое, однако мало кто пользуется этой возможностью. Тот, кто ею воспользовался, заслужил более впечатляющее надгробье. Почти все благочестивые эпитафии переводятся одинаково: «Взращен в пробирке, там же и жил». Так они и стоят, ряды за рядами памятников, крестов и прочих символов, все с одним и тем же девизом. Лишь иногда мелькнет иная надпись, которую можно было бы расшифровать: «Взращен в пробирке — но сумел из нее выскочить». Большинству это так и не удается, хотя «пробка у пробирки» почти всегда отсутствует».

6. Воспитание посредством формирования у ребенка чувства вины.

Фромм Э. «Человек для себя»: «Самый эффективный способ ослабить волю ребенка — это вызвать в нем чувство вины. ...Если ребенок не умеет справить нужду так, как от него требуют, если он ест не так, как положено, — он плохой. В возрасте пяти или шести лет ребенок обретает всепроникающее чувство вины, поскольку конфликт между его естественными влечениями и их моральной оценкой со стороны родителей превращается в постоянно действующий источник вины. Либеральные и «прогрессивные» системы воспитания не сумели изменить эту ситуацию в такой мере, как принято думать. Явный авторитет был заменен анонимным, явное приказание — «научно» обоснованными формулами; вместо «не делай этого» теперь говорят «тебе не понравится делать это». Фактически, анонимный авторитет во многих отношениях может быть даже более подавляющим, чем авторитет явный. Ребенок больше не осознает, что им распоряжаются (а родители не осознают, что они отдают приказания), ребенок не может сопротивляться и тем самым развивать в себе чувство независимости. Его уговаривают и убеждают от

Родители меньше всего прощают своим детям те пороки, которые они сами им привили.

(Миллер)

имени науки, здравого смысла и сотрудничества — а кто же может выступить против таких объективных принципов?»

7. Формирование у ребенка конформизма, подавление критического мышления.

Фромм Э. «Бегство от свободы»: «Пятилетняя девочка может заметить неискренность матери: та всегда говорит о любви, а на самом деле холодна и эгоистична; или — более резкий случай — постоянно подчеркивает свои высокие моральные устои, но связана с посторонним мужчиной. Девочка ощущает этот разрыв, оскорбляющий ее чувство правды и справедливости, но она зависит от матери, которая не допустит никакой критики, и, предположим, не может опереться на слабохарактерного отца, и поэтому ей приходится подавить свою критическую проницательность. Очень скоро она перестанет замечать неискренность или неверность матери: она утратит способность мыслить критически, поскольку выяснилось, что это и безнадежно, и опасно. Вместе с тем девочка усвоит шаблон мышления, позволяющий ей поверить, что ее мать искренний и достойный человек, что брак ее родителей — счастливый брак; она примет эту мысль как свою собственную».

Это лишь несколько мыслей и наблюдений двух талантливых психологов, но складывающаяся картина уже удручет. От себя добавлю в данный список еще один механизм воспроизведения толпы, посягнув на «священную корову» современной педагогики и возрастной психологии — сюжетно-ролевую игру.

С критикой этого механизма психического развития ребенка приходится быть очень осторожным, так как он является естественным развитием игр детенышей практически всех млекопитающих. Естественность сюжетно-ролевой игры проявляется в том, что она у детей часто возникает спонтанно, без подсказки взрослых. И сюжетно-ролевые игры дошкольников, и игры детенышей высших животных есть усложнение имитационного поведения — главного ме-

ханизма усвоения детьми видового и культурного поведения. Именно сюжетно-ролевая игра является главным адаптационным механизмом психического развития детей среднего и старшего дошкольного возраста. С ее помощью ребенок учится адекватному поведению в обществе, осваивает науку жизни взрослого человека среди себе подобных. Но сюжетно-ролевая игра несет в себе для психического развития ребенка и негативные аспекты в виде накладывания на его поведение ролевых ограничений.

Например, девочка, играя в «дочки-матери», будет в своем поведении воспроизводить свое представление роли матери на основе своих житейских наблюдений собственной мамы. Она будет старательно копировать ее жесты, мимику, стиль и интонацию речи. При этом, возможно, ее действия будут корректировать окружающие люди, наблюдающие со стороны эту игру или непосредственно в ней участвующие. В результате такого воспитания девочка, став взрослой женщиной и мамой, удивительным образом в своем реальном поведении будет напоминать свою собственную мать, подсознательно воспроизведя не только весь ее ценный опыт, но и устаревшие стереотипы, ошибки, недостатки и пороки. При спонтанной попытке выйти за рамки усвоенной в детстве роли она будет испытывать психологический дискомфорт, неуверенность, сомнения в правильности своих действий. Вместо самостоятельного поиска наиболее адекватного настоящей ситуации варианта решения стоящей перед ней задачи она будет искать в прошлом опыте хотя бы отдаленный аналог и пытаться его «притянуть за уши» для своей потребности.

Поэтому можно утверждать, что воспитание ребенка с помощью сюжетно-ролевой игры опасно не столько использованием этого механизма, сколько тем, что психическое развитие человека им и ограничивается. Наложив на ребенка ролевые ограничения, воспитатель, как правило, на этом и останавливается, забыв научить подопечного освобождаться

от плена ролевых стереотипов. Но ситуация оказывается еще более тяжелой, когда реального воспитателя у ребенка в толпе просто не оказывается. Представленные в своем психическом развитии сами себе, дети толпы спонтанно играют в сюжетно-ролевую игру без какой-либо коррекции со стороны взрослых и, пройдя этот этап в своем взрослении, на нем, как правило, и останавливаются со всеми вытекающими из этого негативными последствиями.

Теперь попробуем разобраться с тем, как следует относиться маргиналу в воспитании своего ребенка к такому механизму психического развития, как сюжетно-ролевая игра. Острота этого вопроса может быть далеко не надуманной и обусловленной элементарной невозможностью провести ребенка через некоторые распространенные сюжетно-ролевые игры. Например, семья маргиналов ведет бродячий образ жизни, не задерживаясь нигде подолгу. При таком образе жизни у ребенка далеко не всегда будут подходящие для игр партнеры, а папа с мамой не будут в состоянии их заменить.

В принципе, напрашиваются два подхода. Первый понятен уже на основании вышеизложенного. Суть его заключается в том, что от сюжетно-ролевой игры отказываться не надо, чтобы не нарушить процесс социально-психологической адаптации ребенка, но воспитателю обязательно необходимо отработать два аспекта. Во-первых, воспитатель-маргинал должен контролировать процесс имитации ребенком поведения взрослых. Учитывая, что ребенок, имея перед глазами ограниченный набор образцов поведения в виде окружающих его людей, может унаследовать обедненный набор усвоенных ролей, воспитатель должен постараться искусственно расширить ролевой багаж ребенка. Для этого он должен быть в состоянии одну и ту же роль продемонстрировать в различных вариантах исполнения, а также познакомить ребенка с теми ролями, прообразы которых ему не суждено увидеть в

детские годы. Например, при игре в «казаки-разбойники» роль «разбойника» ребенку можно продемонстрировать в вариантах доброго Робин-Гуда, злого Бармалея, разбойника-казака (здесь ребенок знакомится с парадоксальностью противопоставления ролей разбойника и казака, так как последний исторически вырос из первого), а также этнического разбоя, когда грабеж является обычным видом деятельности целого народа, его естественным образом жизни (здесь можно приводить различные примеры из истории народов). Точно так же можно разнообразить роли «матери»: добрая мать; злая мачеха (и наоборот, злая мать и добрая мачеха); мудрая, но отстраненная; простая, но заботливая; равнодушная пьяничка и др.

Второй аспект состоит в том, что воспитатель обязательно должен на выходе из соответствующего этапа психического развития ребенка (обычно это происходит в 6–7-летнем возрасте) сформировать у него потребность в свободе от ролевых ограничений и научить механизмам их преодоления. Частично это уже должно реализовываться в предыдущем аспекте, когда ребенок знакомится с различными вариантами одной и той же роли. Но это необходимо обязательно дополнять ознакомлением ребенка на мета-уровне, когда ему объясняется само понятие роли, ее достоинства и недостатки. Плюс к этому ребенка необходимо научить более совершенному поведению по сравнению с ролевым — спонтанно-ответственному. Здесь необходимы дополнительные пояснения.

Ролевое поведение является шагом вперед в психическом развитии по сравнению со спонтанным поведением, характерным для ребенка-олигофрена, не прошедшего социально-психологической адаптации из-за органических дефектов или по причине педагогической запущенности. Спонтанно-ответственное же поведение человека является своеобразным возвратом к спонтанности, но уже на более высоком уровне психического развития (развитие по

спирали?). Спонтанность олигофрена безответственна, так как он не способен учитывать в своем поведении последствий своих поступков. Спонтанно-ответственный человек, освобождаясь от ролевых ограничений, возвращается к спонтанности, но одновременно с этим формирует у себя способность моделировать развитие своей ситуации и учитывать в своем поведении последствия своих поступков. Это называется социально-психологическим интеллектом. Таким образом, воспитатель-маргинал, проведя ребенка через этап сюжетно-ролевых игр, должен вернуть воспитаннику спонтанность поведения, освободив его от ролевых ограничений, и сформировать у него социально-психологический интеллект.

Вторым подходом в воспитании детей-маргиналов может быть педагогическая система, полностью исключающая использование сюжетно-ролевой игры. Такой посыл понятен, если задаться вопросом: а зачем учить ребенка ролевому поведению, если потом еще приходится тратить силы и время на отучивание от него же? Здесь воспитателю при реализации такого подхода важно не «наломать дров», «выплеснув с водой и ребенка». Прежде чем отказываться от сюжетно-ролевой игры, необходимо понять, чем в психическом развитии ребенка она полезна. Только после этого следует попытаться найти ей альтернативу, выполняющую те же воспитательские функции, но свободную от недостатков игры. Такая альтернативная форма воспитания будет способна «снять» сюжетно-ролевую игру. Но здесь я считаю себя обязанным предостеречь читателей от необдуманных экспериментов над своими детьми, так как цена педагогических ошибок часто оказывается чрезвычайно высокой. Помните, что воспитательский брак маргиналов увеличивает ряды толпы. Придумывание новых систем воспитания является слишком сложным и ответственным процессом, чтобы им могли заниматься все, кому не лень.

Выводы и рекомендации

Итак, большинство детей с самого раннего детства изо всех сил борются со взрослыми, пытаясь отстоять естественный ход своего саморазвития, когда личность стремится стать независимой и самодостаточной. Мало кому удается выиграть это сражение — слишком неравные силы. Многие выходят из детства с покалеченной психикой, уже сформировавшимися невротиками. Кто-то после всего этого еще пытается выпрямить свою душу, но большинство так или иначе пополняет плотные ряды толпы. Насколько прочным оказывается этот воспитательный вред, наносимый людьми толпы своему подрастающему поколению? Если человек вырос и вышел в самостоятельную жизнь, как быстро ему удается освободиться от последствий такого воспитания? При условии, конечно, что это возможно в принципе и у молодого человека есть к этому желание, что наблюдается далеко не всегда.

Следует признать, что эта непростая задача обычно требует многих лет упорной работы над собой самостоятельно. Помощь профессионального целителя душ человеческих может, конечно, значительно ускорить этот процесс, но никак не на порядки — от силы в разы. Трудность эта объясняется тем, что жизненный сценарий, если пользоваться термином Эрика Берна, закладывается глубоко в подсознание ребенка. Но главной проблемой такого стремящегося к свободе человека является трудность стартового посыла,

Наш век легко плодит субъекта с холодной злой в очах порочных, с мешком гавна и интеллекта на двух конечностях непрочных.

(Игорь Губерман)

Моя была бы воля, я бы только детей и признавал за людей. Как человек перешагнул за детский возраст, так ему камень на шею да в воду. Поэтому [как] взрослый человек почти сплошь — мерзавец.

(Аркадий Аверченко)

Ребенка можно считать взрослым, если у него уже есть причины покончить с собой.

(Андрей Кнышев)

заключающаяся в том, что человек, желающий «выдавить из себя раба по капле», должен начать этот процесс сразу с геройического поступка: психологически порвать с толпой и встать на тропу маргинализации. Но если это ему все-таки удалось, то перед ним открываются широчайшие просторы, так как в ходе своего развития человек толпы слепо усваивает лишь культуру своего микросоциума, а маргинал, выйдя за пределы ближайшего окружения, в состоянии усваивать культуру всего человечества, выбирая из нее лучшие ее компоненты.

Что касается искусства воспитания детей свободными и гармонично развитыми, то овладение им хоть в какой-то степени облегчается тем, что можно действовать от противного. Имея перед глазами богатую педагогическую практику толпы, мы получаем образец того, как не надо воспитывать детей. И выбор альтернативных методов воспитания не так уж и беден, ибо история педагогики знает немало маргиналов-сподвижников в этой области человеческой деятельности. Главное в этом поиске — сохранение высокого уровня критичности при рассмотрении любого подхода в воспитании детей. Проверять при этом каждый метод или прием необходимо сразу по двум главным критериям: свобода от типичных для толпы недостатков воспитания; отсутствие серьезных рисков навредить развитию ребенка.

ЖИЗНЕННЫЕ ВЫБОРЫ

Суть вопроса

Острота борьбы маргинала с ближайшим окружением обладает некоторой этапностью, определяющейся основными жизненными выборами человека. Дело в том, что

жизнь обычного человека делится на длинные периоды событий, между которыми помещаются короткие, но бурные отрезки времени, когда как раз и определяется то, какой будет жизнь в ближайшие годы. В эти определяющие моменты человек принимает значимые для себя и своего ближайшего окружения решения: выбирает профессию; выбирает супруга(у), выбирает время создания семьи, выбирает время рождения детей; решает, разводиться ему или сохранять прежнюю семью; решает, создавать ли ему новую семью, и, если да, то когда. Так как жизнь ближайшего окружения человека тоже в какой-то степени зависит от результата этих решений, то они проявляют заинтересованность в их результатах, оказывая нередко изрядное психологическое давление на решателя. А он в свою очередь, если является свободолюбивым маргиналом, пытается отстоять свое право делать это самостоятельно.

Аргументы

Первым серьезным распутьем в жизни обычно является профориентация. В толпе считается хорошим, когда человек определяется с выбором профессии за пару лет, окружающих момент окончания им школы (последний год обучения в школе плюс первый год после ее окончания). Для юношей допускается оттяжка момента истины до демобилизации из армии. Если в этот период молодежь поступает в учебное заведение, то обратной дороги для нее уже, как правило, нет. Недоучившийся студент, осознавший свою ошибку профориентации и бросивший из-за этого вуз, рассматривается как неудачник. Я это знаю по себе — мне пришлось последовательно уходить из лучших вузов СССР: МВТУ и МФТИ. И как для моего окружения мое — мальчишки из глухой провинции — поступление в эти вузы оказалось триумфом (прежде всего триумфом этого самого окружения, так как

оно склонно было мои успехи считать и своими), так и известие о том, что я бросил учебу, вызывало у них такие же по накалу, но противоположные по знаку эмоции. Подобное отношение окружающих вынуждает многих студентов, разочаровавшихся в осваиваемой профессии, продолжать учебу и становиться специалистами против своего желания.

Вторым этапом общественного принуждения является создание семьи.

Третьим — рождение детей. На этих двух этапах окружение толкает человека к скорейшему их прохождению. Любая задержка рассматривается толпой как основание для присвоения статуса «неудачник». И, если парень или девушка не проявляет активности в скорейшем поиске своей пары, то окружение начинает напрягаться, нервничать и, теряя терпение, проявлять в этом вопросе посредническую инициативу: «У нас в бригаде парень хороший работает. Хочешь, давай познакомлю?» И сватовство это оказывается иногда настолько назойливым, что начинает молодым людям просто портить жизнь. Когда такой несчастный двадцатилетний «бобыль» (или «старая дева») пытается объяснить своим близким, что он не чувствует себя готовым к столь важному шагу в своей жизни, то сталкивается с откровенным непониманием: «Ты это о чем? На солнце перегрелся? Ты ерундой не занимайся. Смотри, вон, все твои одноклассники уже переженились, а кто-то уже и детей нянчит, а ты нас перед людьми позоришь. Соседи уже замучили вопросами: «А ваш что, больной, что ли? У него что, «женилка» еще не выросла или, может, не работает совсем, а?» Так что ты давай, не засиживайся в женихах, а то мы тебе из деревни какую-нибудь корявую дурочку привезем и женим насилино, чтобы ты знал, как наше терпение испытывать, понял, да?»

С детьми у молодоженов та же история: после свадьбы представители ближайшего окружения все как один отсчитывают девять месяцев и с пересохшим от предвкушения

праздничной чарки горлом... замирают в недоумении: «Где?! Как же так? Такой кайф обломали! Колян, ты что? Тебе, может, помочь нужна? Не знаешь, как это делается — так мы покажем... С этим у нас не заржавеет. Все сделаем в лучшем виде, будь спокоен». Смущенное бормотание провинившихся молодых, что, мол, они решили с этим делом не торопиться и все такое прочее, прерывает хор возмущенных голосов: «Да вы что, издеваетесь?! Если у вас денег нет, так мы одолжим вам так называемые «беременно-подъемные»... Да мы вашего мальца вообще можем сыном полка, то бишь цеха, оформить. Мы все сделаем, ты нам только повод дай обмывочную купель сорокоградусной наполнить!»

Четвертым этапом обострения борьбы оказывается возможная попытка разрушения неудавшейся семьи. Решиться на такой шаг очень трудно даже для человека, не находящегося под давлением толпы, так как после третьего этапа — появления детей в семье — подавляющее большинство людей зачастую незаметно для себя уже оказываются в общественном рабстве. Человек осознает после появления потомства, что в сложившейся жизненной ситуации у него практически отсутствует возможность пенять свою жизнь сообразно приходящему с возрастом пониманию ее смысла. Он буквально опутан общественными связями и социальными ожиданиями, а резервов — моральных и материальных, как правило, оказывается очень мало для кардинальной перестройки своей жизни. Такой бедолага оказывается настолько затянутым в карусель добывания

Тюремщик дальний
и толковый,
жизнь запирает нас надолго,
смыкая мягкие оковы
любви, привычности и долга.
(Игорь Губерман)

Мое счастливое лицо
не разболтает ничего;
на пальце я ношу кольцо,
а шеей — чувствую его.
(Игорь Губерман)

Семья — театр, где не случайно
у всех народов и времен
вход облегченный чрезвычайно,
а выход сильно затруднен.
(Игорь Губерман)

средств к существованию семьи и решения постоянно возникающих новых житейских проблем, что обычно теряет способность управлять ситуацией. Поэтому понимание, что в жизни что-то не так и она нуждается в переменах, приходит далеко не ко всем. Еще реже это случается так, чтобы обе половины супружеской пары потянуло на перестройку. Ну а уж так, чтобы в одно и то же время,— это из разряда бесконечно малых чисел. Но даже если чисто теоретически представить, что оба супруга вдруг ни с того ни с сего одновременно возжелали кардинально перестроить свою жизнь, то где гарантия, что вектора направлений желаемых изменений у них совпадут? К примеру, одному захочется перебраться из провинциального городка в деревню, а другого, наоборот, потянет в столицу. Вот и получается, что неудовлетворенный своей жизнью человек оказывается перед необходимостью начинать поиск смысла жизни с разрушения семьи. И здесь против него единым фронтом выступает все окружение, для которого всегда желательна неизменность сложившейся системы связей.

Мужчина при этом сталкивается с пониманием неизбежности при разводе очень больших потерь: разрыв с детьми, смена места жительства, непонимание даже родственников со своей стороны. У женщины ситуация еще тяжелее, так как она за своей инициативой к разрыву видит тяжелейшие последствия в виде связанности взращиваниям и воспитанием детей в одиночку. Понятно, что у одинокой женщины, воспитывающей детей, минимум возможностей для поиска именно той жизни, к которой расположена ее душа.

Но труднее всего человеку дается бунт против своего окружения на последнем этапе выбора в своей жизни, когда в преклонном возрасте он из-за смерти своего(й) супруга(и) остается один и хочет создать на старости лет новую семью. Давление родственников (в основном его детей) принимает просто чудовищные формы вплоть до ограничения физической свободы. Мотивы такого давления могут

быть как материальные (опасение потерять наследство), так и моральные («предает память нашего отца/матери»). В толпе нашего общества четко устоялось мнение, что старики должны доживать свой век молча и безропотно, будучи довольными той жизнью, которую им определят их любящие детки: «Кровать есть? Кусок хлеба с тарелкой супа ежедневно получаешь? Вот сиди и не рытайся! А то, знаешь, есть ведь и дома для престарелых...»

Ну, а в промежутках между этими ключевыми узлами жизни у «нормальных» людей все должно быть спокойно, прилично, культурно. Как сострил Андрей Кнышев в своих «Уколах пера»: «Родственники — это группа ничем не связанных между собою лиц, собирающихся время от времени вместе для того, чтобы вкусно покушать по поводу изменения их количества». Все должно быть при этом предсказуемо, никаких неожиданностей: если запои, то регулярные; если супружеские изменения, то не выходящие за рамки приличия; если скандалы, то не разрушающие семью, и т. д. Вообще в толпе существует стереотип о том, что человек в своем поведении должен быть последовательным. То есть поведение человека в схожих ситуациях должно быть однотипным. Например, если застал жену с любовником в первый раз и поколотил их обоих, то уже нельзя при рецидиве супружеской измены великодушно прощать жену и винить себя в том, что, мол, мало я ее люблю. Как поет Розенбаум: «Любить — так любить. А бить — так уж бить!» — или что-то в этом роде, точно не помню. Но если отбросить ёрничество, то следование этому стереотипу социальных ожиданий — быть последовательным в своем поведении — невольно заводит в плен своих прошлых поступков, возможно, ошибочных. В итоге человек теряет спонтанность своего поведения, лишается личностной свободы делать то, что в данный момент захотела душа.

Выводы и рекомендации

В описанных ситуациях следует четко различать два понятия: самостоятельность в принятии решения и ответственность перед людьми, чью жизнь это решение ощутимо затрагивает. Обычно окружение пытается на нас повлиять в процессе нашего самоопределения именно из-за этой зависимости. На самом же деле вопрос учета интересов других людей при самоопределении является нашим моральным правом, а не обязанностью. Если, к примеру, мужчина чувствует ответственность перед детьми при решении о разводе, то для него будет естественным учесть последствия своего решения в отношении них. Но это чувство ответственности должно исходить исключительно из его собственной души, а не быть внушенным моральным кодексом общества. Потому как если в душе на самом деле нет чувства ответственности, но оно навязано моралью окружающих, то может быть принято решение, от которого счастье не придет ни к субъекту решения, ни, скажем, к тем детям, ради которых он сохранил семью. Поэтому как раз отсутствие истинной ответственности в отношении своих детей свидетельствует о том, что хорошим отцом по отношению к ним он уже никогда не будет.

Поэтому в подобных ситуациях надо прислушиваться к мнению заинтересованных лиц, но относиться к нему очень критично, проверяя себя, свое отношение к услышанному обращением к своей собственной душе. И после всего этого логика поведения должна выражаться словами: «Я внимательно выслушал всех, подумал над этим и решил следующее...» И после этого надо закрываться наглухо перед гомоном возмущенных или обиженных голосов, слез, стенаний, мольбы и прочего, а лишь непреклонно реализовывать свое решение.

ЧЕЛОВЕК КАК ДВИЖИМАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Суть вопроса

Выше мы уже несколько раз затрагивали такую особенность людей толпы, как потребительские отношения друг к другу, когда человек рассматривается как источник ресурсов. В наиболее ярко выраженном виде это проявляется, когда подобный «рог изобилия» пытаются приватизировать, т. е. присвоить себе надолго, если не навсегда. И делать это не обязательно с помощью каких-то юридических технологий, оформляя свое право рабовладения. Намного более простыми и эффективными в умелых руках оказываются различные психологические приемы.

Право собственности на своего соплеменника придумано не человеком — такое сплошь и рядом можно наблюдать и среди животных. Не так давно в одной телепередаче о дикой природе показывали океанских дельфинов, у которых распространен обычай приватизации группой самцов на период размножения самок. Причем речь идет не о половом насилии — самка вполне охотно спаривалась со своими захватчиками, но они не допускали ее половых контактов с самцами не из их группы. То есть здесь налицо не принуждение к половому контакту, а ограничение свободы выбора.

Поэтому неудивительно, что у человечества на ранних стадиях развития общественных отношений открытое

Человек — это величайшая скотина в мире.

(*Василий Ключевский*)

Оправдание людоедов: «человек — это скотина».

(*Станислав Ежи Лец*)

При существовании по принципу обладания мое отношение к миру выражается в стремлении сделать его объектом владения и обладания, в стремлении превратить все и всех, в том числе и самого себя, в свою собственность.

(*Эрих Фромм*)

рабовладение встречается на каждом шагу. Потом постепенно такие отношения собственности переходят в менее выраженные по форме виды, но по сути взаимодействия меняются мало. И когда в современном западном обществе вроде бы уже и говорить о каком-либо варианте собственности на другого человека некорректно, в психологии взаимоотношений это встречается в завуалированной форме повсеместно. При этом всевозможные способы, которыми можно приватизировать и эксплуатировать другого человека длительное время, столь разнообразны, что я смог привести ниже лишь некоторые из них. В принципе, только об этом можно при желании написать отдельную книгу. Здесь же перед нами стоит задача показать сам тип психологического ограничения свободы человека, чтобы каждый приблизительно знал, против чего ему в своей жизни следует бороться, если обнаружит у себя потребность в личной свободе.

Аргументы

БОЛЬШИНСТВО людей оказываются неспособными на самое простое на первый взгляд и, одновременно, самое естественное — относиться друг к другу как к людям. Для них более привлекательной является позиция, позволяющая относиться к окружающим как к домашним животным или вещам, являющимся их собственностью. Отношения людей друг к другу как реальной или потенциальной собственности столь же стары, как и само человеческое общество. Причем не следует это понимать только как юридически закрепленное рабовладение — отношения собственности между людьми существуют во всех странах западной цивилизации в самых разнообразных формах и по сей день. И это, несмотря на то, что представители этих наций любят называть себя самыми свободолюбивыми и демократичными людьми на

свете. Что уж говорить о России, где люди от рабских отношений только-только начинают освобождаться.

Отношения собственности между людьми, как правило, реализуются в непосредственном взаимодействии только двух человек, один из которых выступает в роли собственника, а другой — собственности. Естественно, что первый каким-либо образом использует второго в своих интересах. Но этого еще недостаточно, чтобы возникли полноценные отношения собственности, так как, к примеру, в базарном мошенничестве также можно случайного прохожего использовать в своих целях, но ничьей собственностью он при этом не будет являться. Определяющим признаком собственничества в описываемых отношениях является субъективная убежденность «хозяина» в своем долговременном и исключительном праве на использование своего раба». Это значит, что: а) «хозяину», после того как он попользовался своим «рабом», в следующий раз не надо будет прикладывать какие-либо усилия для продолжения этих отношений. То есть «раб» психологически смирился с тем, что у него есть «хозяин» на ближайшее будущее; б) «хозяин» склонен защищать свою собственность от других желающих ею попользоваться; в) в таких отношениях присутствуют элементы купли-продажи, когда «хозяин» может отдать своего «раба» на время в пользование другому человеку взамен на какую-либо компенсацию от «арендатора».

Меня всегда шокировали сообщения в западной литературе о том, как один местный доктор, переезжая в другой регион, продает свою клиентуру другому частному врачу. Понятно, что здесь имеется в виду не отношения рабовладения, а лишь привычка пациентов и хорошая расположность к своему семейному доктору, но как можно продавать хорошее расположение к себе?! Люди же не бараны, привыкшие к бурке своего пастуха, которую можно передать другому человеку!

Понятно, что подобные отношения между двумя людьми могут сложиться только в том случае, если один из них стремится к порабощению другого, а тот в свою очередь психологически готов стать чьей-то собственностью при определенных условиях. И если первый докажет второму свое право собственника силой, хитростью или как-нибудь еще, то тот смиренно становится его «рабом». Само собой разумеется, что в современном обществе большинство «хозяев» и «рабов» не осознают этого своего психологического статуса друг по отношению к другу.

Отношения собственности не являются групповым процессом, поэтому их нельзя считать социально-психологической характеристикой толпы, но подавляющее большинство ее членов склонны к подобному взаимодействию друг с другом. Поэтому в толпе всегда оказывается довольно много ее членов, которые все время нацелены на порабощение других людей. А раз так, то маргиналу, не желающему оказаться чьим-то «рабом», приходится постоянно отбиваться от потенциальных «хозяев», защищая свою свободу.

В своем рассмотрении мы пропустим как неактуальную для настоящего времени такую форму организации общества, в которой права рабовладения закреплены юридически. Тогда следующим по степени выраженности отношений собственности между людьми является авторитарное общество, в котором эти связи образуют четко иерархизированную многоуровневую систему. Россия от подобной формы организации общества только начала освобождаться. Начнем с анализа нашего недавнего прошлого. Каждый член такого общества в середине системы — «хозяин» — являлся чьей-то собственностью, но, одновременно с этим, и властвовал над кем-то в более низком уровне системы. Такой человек с готовностью отдавался под хозяина, если тот доказал ему свою власть, но тут же искал тех, на

«Что за люди! Злые, как собаки! И хозяина нет...»

(Андрей Кнышев)

кого он мог распространить свою власть, ибо в толпе человек без «рабов» рассматривался как последнее звено системы, что было равносильно тому, что он «раб» любого «хозяина». Поэтому толпа делилась на «хозяев» и «рабов». «Хозяин» — человек толпы, имеющий хотя бы одного «раба». «Раб» — тот, кто не имеет ни одного своего «раба». Таких в толпе всегда презирали, так как недостаток силы («А как еще объяснить отсутствие у человека «рабов»?») служит для авторитарного человека безошибочным признаком вины и неполноценности. Причиной ненависти и презрения, испытываемых авторитарным человеком, может быть его разочарование в человеке на фоне острой невыносимой потребности в могучем «хозяине», к чьей изрядной силе он мог бы присоединиться: «Я все никак не могу найти себе настоящего «хозяина», а тут еще ты путаешься под ногами, отвлекая на себя мое внимание, вводя меня в заблуждение. Как я, дурак, еще только мог предположить в такой размазне крутого мужика! Никогда не прощу тебе своей ошибки в тебе же!»

Во главе толпы стоял «Хозяин» с большой буквы — тот, кто не являлся ничьим персональным «рабом» в этой толпе, но все члены толпы являлись его «рабами». Однако «Хозяин» был не более свободен от толпы, чем любой другой ее член. «Хозяин» толпы одновременно являлся «рабом» ее как совокупной целостности, ибо, если он переставал ее удовлетворять, она его не просто свергала с пьедестала «Хозяина» — он терял даже статус простого «хозяина», становясь самым презренным «рабом». И это был не самый плохой вариант его участия, так как в ярости разочарованная толпа могла его и растерзать.

Что происходит теперь, после крушения социалистического тоталитаризма? Авторитарная система рассыпалась, но отношение людей толпы друг к другу изменилось мало — они по-прежнему смотрят на свое окружение как на потенциальную собственность, на которую можно попытаться

распространить свою власть. В психоанализе такие отношения называют садизмом. Вот как их описал Фромм: «Можно назвать три типа садистских тенденций, более или менее связанных друг с другом. Первый тип — это стремление поставить других людей в зависимость от себя и приобрести полную и неограниченную власть над ними, превратить их в свои орудия, «лепить, как глину». Второй тип — стремление не только иметь абсолютную власть над другими, но и эксплуатировать их, использовать и обкрадывать, так сказать, заглатывать все, что есть в них съедобного. Эта жажда может относиться не только к материальному достоянию, но и к моральным или интеллектуальным качествам, которыми обладает другой человек. Третий тип садистских тенденций состоит в стремлении причинять другим людям страдания или видеть, как они страдают. Страдание может быть и физическим, но чаще это душевное страдание. Целью такого стремления может быть как активное причинение страдания — унизить, запугать другого, — так и пассивное созерцание чьей-то униженности и запуганности.

По очевидным причинам садистские наклонности обычно меньше осознаются и больше рационализируются, нежели мазохистские (мазохизм — оборотная сторона садизма). Садизм и мазохизм обычно дополняют друг друга в отношениях, но один и тот же человек в одних связях может проявлять себя как садист, а в других как мазохист. Поэтому обычно говорят о садомазохистском характере. Именно так проявляют себя описанные выше «хозяева». — С. Г.), более безобидные в социальном плане. Часто они скрыты наслоениями сверхдоброты и сверхзаботы о других (невероятно талантливо подобный вариант социального садизма показан в фильме «Покровские ворота» в отношениях между Хоботовыми — С. Г.). Вот несколько наиболее частых рационализаций: «Я управляю вами потому, что я лучше вас знаю, что для вас лучше; в ваших собственных интересах повиноваться мне беспрекословно» или «Я столь

необыкновенная и уникальная личность, что вправе рассчитывать на подчинение других» и т. п. Другая рационализация, часто прикрывающая тенденцию к эксплуатации, звучит примерно так: «Я сделал для вас так много, что теперь вправе брать от вас все, что хочу». Наиболее агрессивные садистские импульсы чаще всего рационализируются в двух формах: «Другие меня обидели, так что мое желание обидеть других — это всего лишь законное стремление отомстить» или «Нанося удар первым, я защищаю от удара себя и своих друзей».

В отношении садиста к объекту его садизма есть один фактор, который часто упускается из виду и поэтому заслуживает особого внимания; этот фактор — его зависимость от объекта (поэтому мадам Хоботова не отпускала своего бывшего супруга на свободу! — С. Г.). ...Садисту нужен принадлежащий ему человек, ибо его собственное ощущение силы основано только на том, что он является чьим-то «владыкой» («Бегство от свободы»).

Как люди распространяют свою власть на окружающих? Наиболее показательно это делают родители по отношению к своим детям, набрасывая на них «ярмо» еще в «недозревшем» возрасте. Рассмотрим на примерах: «Когда ты был маленьkim, мы для тебя делали то-то и то-то. Теперь, когда ты вырос, а мы постарели, ты должен в ответ на нашу давнюю заботу (или в компенсацию за наши лишения/жертвы) сделать то-то и то-то». Во-первых, получается, что дитя в своих отношениях с родителями не может руководствоваться своими собственными желаниями. В детстве, потому что они взрослыми игнорируются из-за его недееспособности: «Я лучше знаю, что тебе надо (что ты

Не те, кого не замечаем,
а те, с кем соли съели пуд
и в ком давно души не чаем,
нас неожиданно... бут.

(Игорь Губерман)

Приняв услугу,
расстаешься с вольностью.

(Публиций Сир)

должен хотеть!»). А во взрослой жизни, потому что пришла пора отдавать долги (которые не делал!). Вообще проекция на человека своего представления о том, что он должен хотеть, что ему нужнее, является универсальным приемом: «Я по своему разумению и по своей инициативе делаю для тебя благо, за что ты потом должен будешь в ответ выполнить мои требования/просьбы». При этом подразумевающаяся благость для объекта инициативной услуги на самом деле редко таковой является, но практически всегда выгодна/полезна субъекту. То есть человек — объект манипуляции — ставится перед фактом: «Я тебе сделал хорошо (что объект может и оспорить, но практически никогда не делает, чтобы не выглядеть неблагодарным), а теперь ты делай мне хорошо!» Естественно, что содержание обеих услуг определяет субъект манипуляции. Как в анекдоте (см. ниже), когда жена в подарок мужу покупает себе манто: «Тебе же приятно, когда я радуюсь обновке! Вот эта радость и будет тем благом, которое ты получаешь на свой день рождения. А теперь давай поговорим о том, какую шубку ты мне купишь на мой день рождения, чтобы уже мне доставить радость!» В данном приеме субъекту обязательно надо переходить к обсуждению содержания ответной услуги, чтобы у объекта манипуляции не было возможности ответить субъекту той же монетой — купить в подарок жене, скажем, резиновую лодку для рыбалки.

Анекдот:

«Муж пришел домой и возится в прихожей. Жена из комнаты:

- Дорогой, я купила тебе на день рождения подарок!
- Ну, покажи...
- Сейчас, я его только надену...»

Вообще, мастером таких манипуляций показал себя еще Карлсон, который получал шоколадку всегда, независимо от того, проигрывал он Малышу спор или выигрывал у него.

Другой пример: «Когда я была тобой беременна, я потеряла свое здоровье. Так что, теперь в искупление своей вины делай то-то и то-то».

Еще пример: «Ты должна проводить вечера в семье, рядом с отцом, а не на ваших подростковых тусовках. Когда ты была маленькой, отец работал как папа Карло на Севере и не видел тебя столько лет! Нечестно и сейчас его лишать своего общества».

Могу предложить следующие варианты защиты от таких манипуляций: «То есть я виновата своим рождением в том, что ты лишилась здоровья? Но, пардон, а ты рожала меня для меня, что ли?! Я тебя об этом просила? Давай будем честными друг перед другом: ты решила родить меня для СЕБЯ, потому что ТЫ в этом нуждалась. И пожертвованное при этом здоровье является ТВОЕЙ платой за ТВОЕ решение получить удовольствие от своего материнства. Я тебе за это ничем не обязана!»

«А я что, просила отца о том; чтобы он годами торчал в своей тундре? Это было его решение, в принятии которого он не поинтересовался моим мнением, поэтому и нести ответственность за связанные с этим негативы я не обязана. Что? Ты говоришь, что трехлетние девочки в решении таких вопросов ничего разумного сказать не могут?! Это ваша иллюзия. Я уже тогда готова была отказаться от всех этих дорогих игрушек, которыми отец заваливал меня, — лишь бы он был рядом со мной. Мне он был тогда дороже, чем все эти куклы да плюшевые мишки, а теперь мне со сверстниками намного интереснее, чем с каким-то незнакомым дядькой. Все, поезд уехал. Я не собираюсь платить по долгам, которых не делала».

Со стороны родителей глупо обвинять детей в неблагодарности; не следует забывать: все, что они делали для детей, приносило удовольствие им самим.

(Сомерсет Моэзи)

Еще один хорошо известный пример собственнического отношения к человеку есть в песне Андрея Макаревича «Он

был старше ее», в которой описана пара человека толпы и маргиналки. Для тех, кто ее никогда не слышал (или не слушал), приведу сокращенный вариант текста песни:

Он был старше ее, она была хороша,
 В ее маленьком теле гостила душа.
 Они ходили вдвоем, они нессорились по мелочам,
 И все вокруг говорили: чем не муж и жена?
 И лишь одна ерунда его сводила с ума:
 Он любил ее, она любила летать по ночам.

Он страдал, если за окном темно,
 Он рыдал, на ночь запирал окно,
 Он не спал, пил на кухне горький чай
 В час, когда она летала по ночам.
 А потом, поутру, она клялась,
 Что вчера это был последний раз,
 Он прощал, но ночью за окном темно,
 И она улетала все равно.

А он дарил ей розы, покупал ей духи,
 Посвящал ей песни, читал ей стихи,
 Он хватался за нитку, как последний дурак,
 Он боялся, что когда-нибудь под полной луной
 Она забудет дорогу домой.
 И однажды ночью вышло именно так.
(дальне незначимо для рассматриваемой темы)

А теперь разберем песню «по косточкам». Получается, что для человека толпы сказочный дар полета у подруги является ерундой: так, маленькое отклонение от нормы. Или, может быть, потому что он (этот дар) мешал ему жить так, как он этого хотел. И тем не менее он страдал. Почему? Во-первых, потому что на какое-то время его собственность выходила из-под его контроля. Во-вторых, потому что по-

ни мал, что истинное ощущение счастья его подруга испытывает не с ним, а там, в ночном небе. И когда-нибудь может так случиться, что она не захочет к нему возвращаться, а это уже полная потеря своей собственности. С точки зрения психолога-маргинала его поведение представляется аномальным: переживать ведь надо только тогда, когда уже свершилось непоправимое. К возможности же ее невозврата надо относиться с пониманием, «се ля ви», и радоваться каждому ее очередному прилету, как вновь пришедшему счастью. И тосковать лишь оттого, что ему не было дано полететь вместе с ней. А девушка в этой песне была какой-то незрелой маргиналкой — клялась отказаться от своего неповторимого (для других) счастья ради жизни в серой толпе. Во-первых, это предательство самой себя, во-вторых, нереально исполнить клятву, и, в-третьих, в этом слышится переживаемое ею чувство вины за свое несоответствие стандартам толпы. То есть она получалась маргиналкой по своим природным данным, но не по убеждению своей души. А жаль!

Чтобы у читателя не сложилось одностороннее впечатление о том, что власть над окружающими людьми можно установить только из позиции «собаки сверху» (Берн, кстати, утверждает, что в житейских играх всегда выигрывает «собака снизу!»), приведу для альтернативы большую цитату Фромма из «Бегства от свободы»: «Менее выраженная форма зависимости распространена в нашем обществе настолько широко, что ее полное отсутствие составляет, по-видимому, лишь редкое исключение. Эта зависимость не имеет опасных черт необузданного садомазохизма, но настолько важна, что ее нельзя обойти молчанием.

Я имею в виду людей, вся жизнь которых трудноуловимым способом связана с некоторой внешней силой. Все, что они делают, чувствуют или думают, имеет какое-то отношение к этой силе. Люди ожидают, что некто их защитит, что «он» позаботится о них, и возлагают на «него» ответственность за результаты своих собственных поступков. Часто

человек не осознает, что такая зависимость существует. Даже если есть смутное сознание самой зависимости, внешняя сила, от которой человек зависит, остается неясной: нет определенного образа, который был бы связан с этой силой. Главное ее качество определяется функцией: она должна защищать индивида, помогать ему, развивать его и всегда быть рядом. Некий «Икс», обладающий этими свойствами, может быть назван **ВОЛШЕБНЫМ ПОМОЩНИКОМ**. Разумеется, «волшебный помощник» часто персонифицирован: это может быть Бог, или некий принцип, или реальный человек, например, кто-то из родителей, муж, жена или начальник. Важно иметь в виду, что когда реальные люди наделяются ролью «волшебного помощника», то им приписываются волшебные качества; значение, которое приобретают эти люди, является следствием их роли. Процесс персонификации «волшебного помощника» часто можно наблюдать в том, что называется «любовью с первого взгляда». Человек, которому нужен «волшебный помощник», стремится найти его живое воплощение. По тем или иным причинам некий другой человек приобретает для него волшебные качества, и он превращает этого человека в существо, с которым отныне связана и от которого зависит вся его жизнь. ...Причины, по которым человек бывает привязан к «волшебному помощнику» — неспособность выдержать одиночество и полностью реализовать свои индивидуальные возможности. Степень зависимости от «волшебного помощника» обратно пропорциональна способности к спонтанному проявлению своих интеллектуальных, эмоциональных и чувственных возможностей. Иными словами, человек надеется получить все, чего он хочет от жизни, из рук «волшебного помощника», а не своими собственными усилиями. Чем сильнее проявляется эта тенденция, тем больший центр тяжести его жизни смещается с его собственной личности в сторону «волшебно-

го помощника» и его персонификаций. И вопрос состоит уже не в том, как жить самому, а в том, как манипулировать «им», чтобы его не потерять, как побудить его делать то, что вам нужно, и даже как переложить на него ответственность за ваши поступки. В крайних случаях почти вся жизнь человека сводится к попыткам манипулирования «им». Средства для этого могут быть различны: одни используют покорность, другие — «великодушие», третья — свои страдания и т. д. При этом каждое чувство, каждая мысль как-то связаны с потребностью манипулировать «им», так что ни одно проявление психики уже не может быть спонтанным, свободным. ...Если «волшебный помощник» персонифицирован в живом человеке, то рано или поздно наступает разочарование в нем, поскольку этот человек не оправдал возлагавшихся на него надежд. Надежды были иллюзорны с самого начала, потому разочарование неизбежно: ни один реальный человек не может оправдать сказочных ожиданий. Иногда оно прекращается лишь с разрывом; затем обычно следует выбор другого объекта, от которого вновь ожидается исполнение всех надежд, связанных с «волшебным помощником».

Разве слышит ухо, видит глаз
этих переломов след и хруст?
Любящие нас ломают нас
 круче и умелей, чем
 Прокруст.
(Игорь Губерман)

Все описанное выше в этом разделе главы можно было бы обобщить понятием, суть которого сводится к тому, что какой-то человек «вяжется» некоторой зависимостью. Характер этой зависимости может быть как «сверху», так и «снизу», но от этого не зависит вопрос, кто кого использует. Использует другого в этой связи всегда тот, кто является инициатором этой зависимости, кто ее устанавливает. Показательна в этом плане речь баронессы Мюнхгаузен в суде на бракоразводном процессе. Женщина, которая сама ушла от мужа, изо всех сил противится разводу, прикрывая истинные свои мотивы благородными соображениями:

«— Трудно говорить, когда на тебя смотрят столько сочувствующих глаз. ...Не жалейте меня, господа! Подумайте о себе! Много лет я держала этого человека в семейных узах и тем самым спасала от него общество. Теперь вы сами рубите это сдерживающее средство. Что ж... — Она усмехнулась и закончила с пафосом: — Мне жалко вас! Не страшно, что я брошена, страшно, что он СВОБОДЕН!» (Горин Г. «Тот самый Мюнхгаузен»)

Ничто так не тяготит, как преданность.

(Агата Кристи)

Настоящий враг никогда тебя не покинет.

(Станислав Ежи Лец)

Многие люди никак не против того, чтобы их опутывали сетями таких зависимостей окружающие. Они даже выигрывают в чем-то, удовлетворяя свои определенные невротические потребности. Свободолюбивый же человек всегда от таких пут страдает, даже если он в них оказывается «собакой сверху», так как они всегда лишают его главной ценности в жизни — свободы. Представьте, что к вашей ноге привязана на бечевке пустая консервная банка. Таскать ее за собой, конечно, не тяжело, но невольно начинаешь себя ограничивать в движениях, чтобы лишний раз ваш «спутник» не подал своего «голоса». Так и посторонние связи и зависимости иной раз раздражают. Вот для примера такая ситуация: вы с приятелем путешествуете по реке на плоту. Каждый сидит на своей стороне и гребет одним веслом. У вас гребок помощнее, и для того чтобы плот шел ровно, вам иногда надо делать паузы в своей гребле, дожидаясь, когда ваш партнер выровняет своим веслом курс плавсредства. Но у приятеля есть некоторые психологические особенности, которые побуждают его грести только тогда, когда гребете вы. Допустим, грести вместе с вами его заставляет обостренное чувство долга, а прекращает работать веслом вместе с вами он из-за сильного нежелания работать тогда, когда другие отдыхают. В итоге вы оказываетесь в положении, когда от ваших желаний зависит поведение человека, и это

сильно мешает, так как вы не можете грести так, как вам этого хочется (плот все время разворачивает в сторону напарника), а грести вполсилы, уравнивая мощность гребка с приятелем, вам не нравится, так как обидно впустую махать веслом. Довольно быстро путешествие превращается не столько в борьбу с водой, сколько с вашим спутником и со своим раздражением из-за его зависимости от вас. Представьте себе, что через год вы опять оказываетесь с этим же человеком в одной лодке, но только на этот раз в байдарке и на обычной воскресной прогулке. Здесь уже проблема выравнивания лодки не стоит, так как у каждого гребля симметрична относительно оси лодки. Да и торопиться никуда не надо — каждый гребет в свое удовольствие. Но приятель ваш не изменяет своим привычкам: он по-прежнему гребет только вместе с вами. Через час вы понимаете, что прелесть воскресного отдыха улетучилась, а ей на смену пришло раздражение от такой «консервной банки», которая не дает вам быть самому по себе. А теперь представьте себе, что в роли «консервной банки» оказывается ваш(а) супруг(а), который шагу не может сделать без того, чтобы не сверить свое намерение с вашим мнением? Такая семейная жизнь для маргинала быстро превратится в ад.

Выводы и рекомендации

Трудно бороться с врагом, имеющим большое разнообразие в своем обличье, причем со всем набором его проявлений возможности ознакомиться не будет никогда, так как изобретательность человеческая не знает пределов. Здесь можно следовать двумя дорогами (и даже по двум сразу). Первая из них заключается в развитии своего психологического интеллекта в этом разрезе. То есть читать соответствующие книги о приемах манипуляции, психологической борьбы, влияния на людей и т. п. На основе полученных

знаний искать примеры их проявления в литературе, кино, реальной жизни. И, научившись обнаруживать, пытаться найти адекватный способ сопротивления.

Второй путь заключается в формировании у себя безусловного рефлекса, срабатывающего на любое ущемление вашей личной свободы. Правильнее будет сказать, что его надо будет не столько формировать, сколько оживлять, развивать из зачаточного состояния, ибо он есть у каждого, но действует в полную силу лишь у единиц (обычно это хорошо проявляется как раз у истинных маргиналов, благодаря чему им и удается реализовать свою личностную свободу). Этот рефлекс всегда подает свои сигналы об ущемлении вашей свободы, но многие его не слышат. Не слышат как по причине того, что он слаб, так и из-за своего неведения о его существовании. Попытайтесь внимательно прислушаться своим внутренним ухом ко всему происходящему в вашей душе. Поверьте, обнаружите много интересного, в том числе и голос стражи вашей личной свободы в ключевые для вас моменты. А научитесь слушать его, он будет становиться день ото дня сильнее и сильнее, пока не станет заглушать лепет ваших сомнений.

ВСЯ ЖИЗНЬ - ИГРА

Суть вопроса

Взаимодействие людей в толпе, как мы уже обсуждали выше, характеризуется неискренностью и лицемерием. В современном обществе нормой является говорить одно, думать другое, а делать третье. Человек, придерживающийся в своих отношениях с другими людьми честной и открытой позиции, выпадает из социальных процессов взаимодействия. В итоге маргинала не устраивает подход людей тол-

пы, и наоборот. Толпа начинает давить на маргинала, заставляя его «быть воспитанным», но такая воспитанность, оборачивающаяся лицемерием и фальшью, неприемлема для искреннего человека.

Аргументы

Маргинал и человек толпы строят свои отношения совершенно по-разному. Понятно, что в обществе доминируют отношения, характерные для толпы, но они из-за своей неестественности не могут удовлетворить маргинала. Он стремится совсем к иному взаимодействию с людьми, на которое большинство из них просто не способно, и поэтому они встречают маргинала с недоумением и раздражением, после которых у толпы появляется желание научить его «вести себя среди людей». С этого и начинается борьба, особенности которой мы будем рассматривать в данном разделе этой главы.

Итак, отношения между людьми в толпе характеризуются очень высокой степенью неестественности. Для этого существует множество понятий: лицемерие, неискренность, наигранность, двуличие, «быть себе на уме», «держать камень за пазухой» и др. Чтобы не запутаться в анализе, я предлагаю придерживаться следующей классификации социальных взаимодействий:

1. Естественное взаимодействие (честное, открытое). К нему я отношу: любовь; дружбу; открытую борьбу; сотрудничество, общение, дающее партнерам обоюдное непосредственное удовлетворение от процесса и друг от друга. Последний вид взаимодействия — общение — следует отличать от аналогичного в толпе. Для лицемера в общении будет важно и то, что он делает социально одобряемое дело — общается, и то, что делает это в социально одобряемой форме, т. е. «правильно» общается. То есть он общается не

столько для себя, сколько для общества, выполняя свою социальную функцию добропорядочного человека. Я же здесь подразумеваю такое общение, которое свободно от каких-либо подобных посторонних аспектов, и его участники преследуют одну-единственную цель — получить друг от друга удовольствие. Для человека, способного к естественному взаимодействию, равноценной заменой такого процесса будет общение с самим собой.

Глубокие естественные взаимоотношения отличаются интимной доверительностью. Они дают нам возможность узнать, каковы мы на самом деле, и почувствовать, что нас принимают именно такими. Человек толпы

не может стремиться к такому самораскрытию, ибо тогда откроется либо несоответствие его истинной личности его же реальному поведению среди людей, либо бедность его личности. Ни того, ни другого он желать не может. Поэтому человеку толпы свойственна склонность иметь большое количество друзей, с которыми поддерживаются поверхностные отношения. Я убежден, что описанное только что взаимодействие доступно лишь маргиналам, а люди толпы предпочитают следующие два вида.

2. Ритуальное взаимодействие (ритуалы и времяпрепровождение, по Берну): искусственное структурирование времени. Большинство людей совершенно не умеют придумывать (маргиналу и придумывать-то для этого ничего не надо — он просто следует навстречу желаниям своей души) себе интересные и приятные занятия, когда есть свободное от работы и бытовых забот время. Для таких представителей толпы особую ценность приобретают различные традиционные мероприятия, облекаемые в форму праздников. Иногда складывается впечатление, что без различных праздников люди толпы просто не смогли бы жить. И насколь-

Друг всем — ничей друг.

(Аристотель)

Кто всякому друг, того я другом своим не считаю.

(Мольер)

ко ненормальным такому обществу кажется изредка встречающееся негативное отношение маргиналов к «красным» дням. Так в одном из номеров журнала «Эксперт» мне попалась интересная фраза: «Одна моя знакомая никогда не празднует Новый год, считая, что веселиться по поводу хронологии так же глупо, как радоваться превращению ста сантиметров в метр». Лично мне импонирует такая позиция (не говоря уже о том, что я вообще не люблю праздники), в то же время я прекрасно понимаю, насколько шокирует это окружающих людей.

Равноценной альтернативой ритуального взаимодействия для его субъектов является тоскливо одиночество, когда общение с самим собой невыносимо либо из-за неумения это делать, либо из-за внутренних конфликтов личности. Данным видом взаимодействия обычно занимаются роботоподобные люди (даже им это под силу!), а также те, кто избегает более содержательных отношений. Вот как такие отношения описывает Фромм в книге «Ради любви к жизни»: «Многие люди просто боятся остаться наедине друг с другом... Они пугаются и теряются. Они не имеют ни малейшего представления о том, что сказать друг другу. ...В Америке не принято приглашать в гости какого-то одного человека или даже одну супружескую пару. Гостей должно быть значительно больше, потому что если вас всего трое или четверо, вам грозят неловкие минуты молчания. ...Если вас шестеро, то реального разговора, скорее всего, не возникнет, но, по крайней мере, вы сможете избежать болезненных пауз. Кто-нибудь всегда что-то да и скажет». А ведь кто-то из мудрецов сказал, что умному молчание не в тягость!

Я устал встречать знакомых
И гадать, кто друг,
Вынимать улыбку снова
Из кармана брюк.
Я устал искать тепло
В глазах, где нет тепла,
И играть в пустые слова.

(Фрагмент песни
Андрея Макаревича
«Я устал»)

Первые два вида взаимодействия — в отличие от следующего — чистосердечны (они не содержат «задней мысли»).

3. «Мышиная возня». Здесь я могу назвать четыре понятия, которые со взаимными пересечениями «накрывают» данный вид отношений: манипуляция, скрытая борьба, интриги, игры (по Берну).

Манипуляция — односторонняя скрытая борьба против человека, являющегося объектом манипуляции и даже не догадывающегося об этом.

Скрытая борьба — обоюдное (если противников двое) противодействие со скрытыми ходами, когда участники борьбы не заблуждаются в отношении характера этих отношений.

Интрига — происки, скрытые действия, обычно неблаговидные (из-за этого, зачастую, и скрытые), для достижения чего-либо. Целью интриги может быть как деловой результат (и тогда интрига является борьбой), так и эмоциональное удовольствие, например, розыгрыш (в этом случае интрига является развлечением, структурирующим время). Кроме этого, интриги могут содержать и элементы скрытой борьбы, и игры (по Берну).

А теперь приведу цитату Берна, в которой он дает определение понятия игры: «Игра — это комплекс скрытых ходов, повторяющихся и характеризующихся четко определенным психологическим выражением. Во время скрытого хода участник чаще всего притворяется, так как создает ви-

Довольно тускло мы живем, коль ищем радости в метании от одиночества вавоем до одиночества в компании.

(Игорь Туберман)

Повседневная жизнь (в толпе. — С. Г.) предоставляет очень мало возможностей для человеческой близости. Кроме того, многие формы близости (особенно интенсивной) для большинства людей психологически неприемлемы. Поэтому в социальной жизни весьма значительную часть составляют игры. Времяпрепровождение и игры — это только суррогат истинной близости.

(Эрик Бёрн)

Наши наблюдения свидетельствуют о том, что интенсивнее всего играют люди, утратившие душевное равновесие.

(Эрик Бёрн)

димость, что делает что-то одно, а в действительности делает совсем другое. Все игры предполагают «приманку». Однако «приманка» срабатывает лишь тогда, когда есть слабость, на которую она рассчитана, или имеется какой-то «рычаг», ухватившись за который можно вызвать отклик другого игрока. Это может быть зависть, жадность, сентиментальность, вспыльчивость и т. п. Как только «приманка» схвачена, игрок начинает тянуть за «рычаг», чтобы получить свой выигрыш. Партнер смущен или недоумевает, пытаясь осознать, что же такое с ним произошло. Когда игра заканчивается, каждый получает свой «выигрыш», или «вознаграждение», который обычно бывает взаимным и заключается в чувствах, переживаниях (не всегда одинаковых), но возбуждаемых игрой как в активном игроке, так и в его партнере».

Игра отличается от интриги тем, что в первой имеется четко определенный и предсказуемый исход, в то время как во второй исход трудно спрогнозировать, да и сценарий по ходу развития ситуации часто может измениться. Игры, по Берну, — бессознательные, и играют в них неискушенные люди.

По сравнению с ритуальными взаимодействиями субъекты «мышиной жизни» уже проявляют определенную живость ума, изобретательность и эмоциональную вовлеченность в процесс.

Как обычно протекает взаимодействие маргинала с толпой на этом поле? Все начинается с того, что маргинал сталкивается со скучкой (для себя) в обычной компании, и тогда он начинает пытаться установить более близкий и естественный контакт с кем-нибудь из присутствующих. Если в этой группе люди придерживаются ритуальных взаимодействий, которые

Погрязши в тупых
ежедневных делах
и в них находя развлеченье,
заблудшие души в блудливых
телах
теряют свое назначение.
(Игорь Губерман)

Кто томим духовной жаждой,
тот не жди любви сограждан.
(Игорь Губерман)

являются всего лишь способом «убить» время, заполнив его ничего не значащей словесной «жвачкой», то инициатива маргинала будет встречена реакцией типа: «Не лезь в душу! Разве ты не видишь, что здесь собрались культурные и воспитанные люди?» Если маргинал окажется недостаточно мудрым в житейском плане, то он сути этого отпора может и не понять: «А для чего ж тогда мы все здесь собирались, как не поговорить по душам?» — продолжив свои попытки установить тесный контакт с другими людьми компании. Когда раздражение от активности нашего героя станет коллективным, то он может получить «осуждение общественности» с высокомерными поучениями о том, как следует вести себя в благовоспитанном обществе.

Совсем иначе все происходит в компании людей, предлагающих третий тип взаимодействия. Если маргинал опять-таки окажется довольно наивным человеком, то он быстро станет жертвой козней окружающих людей. Здесь различны варианты в зависимости от того, с кем ему придется столкнуться. Интриганы попытаются сделать его посмешищем. Среди любителей житейских игр маргинал, оказавшись неумелым игроком, вызовет отторжение окружающих. Если же на его пути окажется манипулятор, то маргинал может быстро оказаться «взнузданным» умелой рукой для решения задач, о которых может и не догадываться.

Маргинал, обладающий житейской мудростью, обычно в подобные компании не попадает, но если все-таки это случится, то лучшим вариантом поведения для него будет отражение всех попыток окружающих втянуть его в какое-нибудь действие. Когда же его, наконец, окружающие оставят в покое, то ему следует осмотреться. Если им будет

Клевета наносит удары обычновенно достойным людям, так черви предпочтительно набрасываются на лучшие фрукты.

(Джонатан Свифт)

Хорошо натренированные могут одновременно бросаться на шею и наносить удары в спину.

(Ганс-Дитер Шютт)

обнаружен в компании еще кто-то, выпавший из групповых процессов, то можно будет, не теряя осторожности (есть и такие «игроки-мухоловки», в сценарий которых может входить временная демонстративная отстраненность), попробовать наладить с ним контакт.

Выводы и рекомендации

Искреннему человеку не стоит пытаться переделать толпу под себя — это нереально и чревато серьезными конфликтами. Лучше всего действовать выборочно: искать в толпе других неадекватных для нее чудаков и взаимодействовать с ними так, как для вашей души естественно. А в толпе надо стараться избегать тех мест, видов деятельности и групп людей, в которых лицемерие, фальшь, интриги являются в отношениях определяющими. В современном обществе можно найти места, где чудаки чувствуют себя относительно комфортно, поэтому концентрация их там выше, чем в среднем по обществу. Ищите такие места и отдыхайте в них душой, общаясь с себе подобными.

ГЛАВНОЕ - ЧТОБЫ ПИДЖАЧОК СИДЕЛ!

Суть вопроса

В данной главе собраны различные проявления нашей жизни, которые объединяет столкновения маргинала с толпой на почве несоблюдения им того, что в обществе принято называть «приличиями». Вроде бы можно говорить о социальной роли «приличного человека», но это понятие оказывается столь емким и разнообразным в различных

слоях общества, что о сбалансированном образе все-таки речь вести трудно. Например, в рабоче-крестьянской среде приличный человек должен водку потреблять литрами ежедневно и при первом же вызове бузотера обязан кулаками отстаивать «честь мундира» (или, если быть точнее, ватника). Совсем иные представления о приличии человека в элитарных слоях общества. Но во всех случаях действует одно правило — «смотри и слушай, что делают и говорят другие приличные люди, и поступай так же». Любая попытка проявить свою позицию, отличную от эталона «приличия», вызывает у окружающих полный спектр негативных эмоций. После этого обычно начинают воспитывать — словом, кулаками или еще чем-нибудь более существенным, например административными наказаниями. А кто не поддается такому воспитанию, того в конечном итоге просто изгоняют из «приличного» общества.

Аргументы

Лет двадцать назад мне довелось читать книгу Владимира Цветова «Пятнадцатый камень сада Реандзи», в которой мне запомнилась одна ситуация. Изложу ее суть по памяти. В Японии трудоголизм является нормой жизни практически для всех. При этом работают в основном мужчины, женщины же являются преимущественно домохозяйками. Один молодой человек у себя в компании проявил трудовой геройзм, проработав сколько-то недель вообще без выходных. За это руководство предоставило ему внеочередной, как у нас называется, «отгул» посреди рабочей недели. Поэтому, когда начался очередной трудовой день, он остался дома, в то время как все мужское население его жилого квартала «вымерло» к положенному часу. А, следует заметить, днем «спальные районы» японского города — это исключительно царство женщин. Мало того, в японских одноэтажных доми-

ках днем принято раздвигать наружные стены, в результате чего все жилища обычно просматриваются насекомые. Поэтому наличие мужчины днем в доме ни для кого из соседок не осталось незамеченным, а японские домохозяйки любят сплетничать не меньше наших — в общем, довольно быстро это событие — невыход соседа на работу — стало активно обсуждаться всем районом. У матери парня на этой почве случился жуткий стресс, и она устроила своему сыну форменный террор, лейтмотивом которого служила фраза: «Нормальные мужчины в будний день должны находиться на работе!» Парень, не выдержав давления, через пару часов такого «отдыха» обреченно поплелся на работу. Прочитав подобное, я тогда подивился этому, дескать, какие странные люди, эти японцы. Кто бы мог подумать, что через какое-то время мне приведется самому столкнуться с подобным уже в российской действительности. Человек, лежащий на диване с книжкой в руках или что-то там пописывающий дома в рабочий день, оказывается таким раздражителем для окружающих, что вокруг него постепенно создается гнетущая атмосфера, явно не способствующая творческому процессу. Потом я встретил у Михаила Жванецкого нечто подобное. Дословно не помню, но что-то вроде: «ты сидишь час-другой, уставившись в потолок, складывая мысленно слова во фразы, пока не слышишь от жены: «Ну, чего ты сидишь?! Постирали бы чего-нибудь... Напишешь ты что-нибудь или нет — неизвестно, а так, все польза какая-то».

Но ладно, если ты писатель или представитель какой-нибудь другой творческой профессии, тут еще «отмазка» всегда наготове: «Я, мол, работаю дома!» А если человек вообще не работает за ненадобностью, так как жить ему хоть по минимуму, но есть на что, а работать только потому, что все так делают, он не желает? Как это может воспринять, например, его мать, «горбатившая» спину на стройке всю свою жизнь и иного себе не представляющая? Попытка сына объяснить ей, что жить можно по-разному, необязательно

так, как она прожила свою жизнь, заранее обречена на провал. Причем, что больше всего удивляет, так это исключительная формальность высказываемых претензий: ты можешь весь день пропадать где угодно и заниматься всякой ерундой, лишь бы не «мозолил» глаза окружающим. Если ты не стоишь весь день за токарным станком, но отсутствуешь дома, то окружающие сами за тебя придумают варианты твоей мнимой трудовой занятости.

Подобные стычки у маргиналов из-за их необычного образа жизни случаются достаточно часто. Вот некоторые общеизвестные истины, которые маргиналам приходится нарушать: «человек должен иметь дачу»; «на даче человек должен засадить всю землю полезными (плоды которых годятся в пищу) растениями и все время ковыряться в земле»; «человек должен пить — не пьют только больные и подлецы»; «вегетарианство — это проявление шизофрении» и др.

Когда за праздничным столом люди узнают, что ты вообще никогда и ни при каких обстоятельствах не берешь в рот спиртного в любом виде, толпа обычно резко возбуждается и начинает на тебя давить, как будто твое трезвенничество ставит под угрозу их коллективное благополучие и счастье. Каждый при этом ведет себя так, словно для него это вопрос жизни или смерти — сможет или нет он влить в тебя хотя бы символическую стопку. И освободиться от такого давления не помогают даже рациональные объяснения такой своей позиции по отношению к выпивке. На словах с тобой согласятся, признав правоту твоих аргументов, но через пять минут после такого разговора все возвращается на круги своя: «А может, все-таки налить? Чисто символически? Для единения, а?»

Философы превосходят остальных людей тем, что, если все законы уничтожатся, философы одни будут жить по-прежнему.

(Аристипп Киренейский)

Только слабовольные с готовностью усваивают общие нравственные нормы; люди волевые вырабатывают свои собственные принципы.

(Сомерсет Моэли)

С мировоззрением проблем у маргинала обычно бывает меньше, если его отличия от общепринятого не бросаются окружающим в глаза, а он сам по своей инициативе не рассказывает о нем кому попало. Но иногда случаются ситуации, в которых приходится либо прикрываться маской человека толпы, скрывая свое нутро маргинала, либо идти на очевидный идеологический конфликт. Например, как быть старшекласснику-маргинну, когда задана тема для школьного сочинения: «А ты мог бы поступиться принципами?» Он ведь прекрасно знает, какой ответ на этот вопрос считается в толпе «правильным», но с ним категорически не согласен. Дискутировать с упретой учительницей? — Только себе проблемы наживать. Она убеждена в том, что у человека обязательно должны быть принципы — установки, диктующие своему хозяину определенные стереотипы поведения в ключевых ситуациях. А столь ли уж они обязательны, эти принципы? Для примитивного человека они могут быть и полезны, если его разум и чувства не настолько совершенны, чтобы он был способен сделать правильный выбор своего поведения исключительно на анализе конкретной ситуации. Такого человека надо программировать — но это уже элемент ограничения личностной свободы. Вообще же человек должен быть достаточно умен

Многочисленность фактов и сочинений растет так быстро, что в недалеком будущем придется сводить все к извлечениям и словарям.

(Вольтер)

Чем больше в книге воды, тем она глубже.

(Андрей Кнышев)

Следует читать много, но не многое.

(Плиний Младший)

Отличие нравственных истин от научных в том, что в мире нравственных истин «изобретение велосипеда» не только не смешно, но даже важно: человек открывает то, что было высказано мудрецами две или три тысячи лет назад. Но он не повторяет, а именно открывает это сам...

(Евгений Богат)

Я не хочу, говорю это раз и навсегда, знать слишком много. Уметь ограничивать познание — это тоже мудрость.

(Фиццие)

(головой или сердцем) для того, чтобы обходиться без каких-либо принципов-догм. Тогда ему и мучиться с соблазном их нарушения не придется. Но, допустим, человек все-таки имеет принципы, которые либо ему кто-то внушил, либо он сам их вывел по своему разумению. Как тогда ему отвечать на заданный учителем вопрос? А никак, потому что он некорректен! Представляете себе лицо учителя, которому это заявляет ученик? Мол, вы оказались недостаточно умны для того, чтобы сформулировать корректный вопрос! Как такому учителю объяснить, что нельзя абстрактно моделировать свою верность каким-то установкам в полном отрыве от реальной действительности?! Поймет ли он, что принципы — это временные установки, имеющие очень ограниченное действие, предназначение которых заключается в помощи при принятии решения в условиях нехватки времени на анализ ситуации? Например, я считаю, что если увижу маленького ребенка на шоссе перед мчащейся машиной, то должен ради его спасения рискнуть своим здоровьем и жизнью. Но когда ситуация далеко не однозначная для следования каким-либо принципам, а времени на ее анализ достаточно, то почему бы и не отступить от них, если они признаны неадекватными?! Ведь, по сути, принципы создаются людьми, и именно первые существуют для вторых, а не наоборот. Представляете такую дискуссию между «твердолбым» учителем и учеником-маргином перед лицом ничего не понимающего класса, с удовольствием ожидающего поражения как одного, так и другого (так как обоих одинаково не любят)?!

Кто-то может сказать, что такие конфликты характерны только для юных максималистов, а взрослые люди такой ерундой себе голову не забивают. Тогда подсуну вам свою собственную мировоззренческую проблему. Взявшись писать книги, мне пришлось решать вопрос о том, стараться ли мне хоть в какой-либо степени следовать стандартам написания научного труда. Например, когда

пишется научная книга, автор обязан «прощерстить» по выбранной теме всю литературу, которая была написана человечеством до него. Делается это по двум причинам: боязнь быть обвиненным в присвоении чужих идей; обязанность предоставить читателю всеобъемлющий обзор уже созданного в мире. Но в настоящее время размеры библиотечного фонда человечества разрослись так, что написание своей книги в части литературного обзора темы превращается либо в халтуру, либо в пересказ того, что и так уже известно. На то, чтобы высказать в книге свои идеи, обычно уже ни места, ни сил, ни ясности мысли не хватает — голова и книга превращаются в свалку чужих цитат, практически не представляющих ни для кого интереса.

А тут моя проблема усугубилась еще и следующим: не так давно поймал себя на мысли, что у меня нет никакого желания насиовать себя чтением пусть и умных книг, но написанных плохо. Как тут быть? С одной стороны, у этого автора может быть что-то очень для меня полезное, а с другой — хочется получать от процесса чтения удовольствие... Если отдать предпочтение второму, то окружение и читатели могут сказать, что у меня поверхностный интеллект, фрагментарные знания, что я многих классиков не знаю, что пытаюсь изобрести велосипед и т. д. Получается, что если

Тот, кто красиво говорит и обладает привлекательной наружностью, редко бывает истинно человечен.

(Древний Китай)

Чересчур блестящий слог делает незаметными как характеристики, так и мысли.

(Аристотель)

Речь — убранство души: если она старательно подстрижена, и подкрашена, и отделана, то ясно, что в душе нет ничего подлинного, а есть некое притворство.

(Сенека)

Красивые птицы поют хуже других. То же относится к людям. В вычурном стиле не стоит искать глубокую мысль.

(Лихтенберг)

Даже вежливость бывает оскорбительна, когда подчеркивается.

(Бальтасар Грасиан)

Люди невероятно изобретательны в способах расходовать свою краткую жизнь на докучливые церемонии.

(Сомерсет Моэзи)

хочешь добиться признания у научной интеллигенции, читай то, что НАДО, а если хочешь просто получать удовольствие от процесса чтения и писательства, то готовься заранее к негативной реакции на продукт своего ума людей, считающих себя образованными по общепринятым стандартам. Как мне после этого становится понятен чукча из советского анекдота!

«Написал чукча пару рассказов о жизни оленеводов, и его послали поступать в Литературный институт. На экзамене его спрашивают, что он читал из классиков. А он недовольно отвечает: «Нет, начальник, ты не понял... Чукча не читатель — чукча писатель!»

Или другой пример маргинальности в профессиональном мировоззрении. В мире искусства иногда встречается позиция самодостаточности творцов, выражаящаяся в том, что они совершенно не интересуются произведениями коллег по цеху. Вот, например, что заявил французский хореограф Роман Пети в своем интервью журналу «Эксперт» на вопрос о том, что он думает о последних работах других известных хореографов: «Что касается моей манеры работы — я работаю над своими балетами, и меня давно уже не волнует то, что делают другие. Я интересовался бы чужими балетами, если бы хотел чему-то научиться, открыть что-то новое. Но, прожив долгую жизнь, я считаю возможным и полезным работать над собственными балетами. Я хотел бы уточнить: я не зритель, а хореограф» (№ 8, 26 февраля 2001 г., статья «Балетный козырь Большого театра»).

Примером стычки маргинала с окружением на почве необычности интересов и увлечений первого может послужить ситуация с комнатными растениями, описанная мною

«Это был просто добродушный, скучный, честный, заурядный малый. Некоторые его качества, может быть, и заслуживали похвалы, но стремиться к общению с ним было невозможно. Он был равен нулю. Пусть он добропорядочный член общества, хороший муж и отец, честный маклер, но tearing на него время, право же, не стоило!»

(Сомерсет Мози)

во введении данной книги. Ну а битвы из-за своего внешнего вида любой маргинал может и сам вспомнить из собственной жизни. Помню свое состояние оторопи, когда я, будучи студентом-психологом, приехал на каникулы в свой родной провинциальный рабочий поселок из Москвы, впервые отпустив бороду, что по тем временам в наших местах было очень необычным, а мать мне тогда прямо заявила: «Сбрей эту гадость — не позорь меня перед людьми». Или был и такой случай в моей жизни, когда в откровенном разговоре с дамой, занимавшей видное положение в коммерческой организации, в которой мы трудились, она мне высказала лестную оценку по поводу стиля одеваться и держать себя одного нашего коллеги. И тут же, сравнивая меня с ним, заявила по простоте душевной: «Ты же у нас босяк!» Особой неожиданностью для меня такое заявление не стало, так как я уже привык к неадекватному восприятию меня окружающими людьми. Столько раз мне приходилось сталкиваться с удивлением людей, которые, при продолжении нашего знакомства, неожиданно для себя обнаруживали у меня то, чего никак не предполагали по первому впечатлению. Как-то мне однокурсница рассказала об одной занимательной истории, связанной со мной. Накануне экзаменационной сессии в университете студентам раздали их зачетные книжки. Так как меня, как обычно, не было на занятиях, то моя зачетка довольно долго валялась бесхозной на столе в аудитории. Одна из студенток, до этого недавно перешедшая в нашу группу с вечернего отделения, взяла ее полистать. И надо было видеть (со слов однокурсницы), как по мере перелистывания страниц моей зачетки у этой студентки вытягивалось лицо! Она никак не ожидала, что у такого грубого, неотесанного «деревенщины» с лицом, не обезображенным интеллектом, в зачетке окажутся одни «пятерки»...

С внешним видом у представителей толпы (преимущественно женщин) часто возникает довольно характерная

проблема. Суть ее заключается в том, что люди не носят свои лучшие наряды. Почти все женщины мечтают быть «королевами», но очень мало кто психологически способен играть эту роль в действительности. Выделиться из толпы (а именно это делает королева) способны лишь маргиналки, но им место королевы не нужно (и даже неприятно, ибо королева — часть толпы, дополняющая собою свою свиту и подданных). Женщины толпы хотят одеваться по-королевски, но не готовы в этом наряде выйти в люди (поэтому лучшие их наряды, как правило, висят тоскливо в шкафу, надеваемые хозяйкой лишь для любования собой перед зеркалом). Маргинал способен выделиться внешне из толпы, но это не является его целью — обычно это происходит само собой и как следствие равнодушия маргинала к своей внешности (для него важнее внутреннее содержание). Поэтому маргинал обычно выпадает внешне из толпы не царским нарядом, а в обратном направлении, выглядя скорее бродягой или клоуном.

Очень много проблем у маргинала с окружением обычно вызывает его нежелание следовать в своем поведении общепринятым манерам. Ведь даже понятие «воспитанный человек», обозначающее прежде всего его умение следовать общепринятым манерам поведения и речи, говорит о многом. То есть в обществе подготовка человека к жизни сводится только к обучению его «приличному» поведению среди людей. Такие аспекты развития личности, как формирование честности, откровенности, искренности, способности к свободной эмоциональной экспрессии, общепринятым воспитанием либо игнорируются, либо признаются нежелательными и

Так привык на виду быть везде,
за престиж постоянно в ответе,
что, закрывшись по малой
нужде,
держит хер, как бокал
на банкете.

(Игорь Губерман)

Я часто многих зло вокруг,
живя меж них не в общем
стиле;
наверно, мне публичный пук
намного легче бы простили.

(Игорь Губерман)

всячески искореняются, замещаясь умением играть роль «воспитанного человека». Когда-то давно, еще в советские времена, мне довелось пару раз посмотреть фильм «Скандалное происшествие в Брикмиле», ныне незаслуженно подзабытый нашими телеканалами, в котором талантливо показан бунт «проснувшегося» чиновника против всей этой фальши современного общества и попытки его окружения любыми способами, вплоть до насилия, вернуть его в «нормальное» состояние.

Я, например, привык к тому, что в толпе по жизни обычно квалифицируюсь как «слон в посудной лавке». И психотерапевтом работать не смог, так как склонен быть скорее «психохирургом». Большинство ведь клиентов на прием приходят не столько работать над собой, сколько «сопли жевать». Они готовы со своими деньгами расставаться только лишь ради того, чтобы получить «свободные уши», в которые можно было бы безболезненно высказаться, выплакаться в «жилетку» психологу да высморкаться в его профессиональный «носовой платок». А когда этот психолог вдруг заявляет с прямотой хирурга, что пора переходить к делу, т. е. реальной работе над собой, это приводит клиента в ужас, так как он к этому оказывается не готов. На вопрос, а зачем же он тогда сюда пришел, как не решать свои личные проблемы, такой «страдалец» начинает мялить что-то о том, что ему, мол, надо на это настроиться и все такое прочее... Больше такие клиенты на прием к «психохирургу» обычно не приходят. Но психотерапевтов традиционного плана они посещают с большим удовольствием годами, оставаясь при этом со всеми своими неизменными страданиями, но оставляя им немалые деньги за пустопорожние разговоры.

Выводы и рекомендации

Есть у меня такое подозрение, что описанные выше «приличные» люди Данную книгу читать не будут. Поэтому

можно предположить, что раз вы читаете эти строчки, то у вас что-то не получается в попытках быть «приличным» человеком, если, конечно, вы вообще пытаетесь. А раз так, то и оставьте эти бесплодные усилия, так как вам лавры лучшего в этом состязании все равно не получить. Лучше жить так, как велит ваша душа. Поверьте, удовольствия от этого получите неизмеримо больше, чем человек толпы от звания приличного человека. А издержки, связанные с проявлением вами своеобразия, можно минимизировать различными способами, о которых речь более подробно пойдет в следующей части данной книги.

Глава 6. БОРЬБА С РЫНКОМ

Логика этой и следующей глав несколько отличается от предыдущей. Если выше мы рассматривали борьбу маргинала непосредственно с толпой в лице ближайшего окружения, то здесь уже природа столкновений несколько иная. Рынок и государство как обобщенные понятия нельзя отождествить с толпой. Рынок — это одна из форм существования толпы, ее среда. И на этом рынке действующими лицами являются уже не уличные торговцы, а транснациональные корпорации и местные олигархи, представляющие так называемый крупный капитал. Если «толкучка» (или «барахолка») является той же уличной толпой, только занятой товарообменом, то огромные корпорации трудно уже назвать элементом толпы. Они есть порождения рыночной среды толпы, но все-таки не часть толпы. И деятельность таких корпораций построена на том, чтобы воздействовать на толпу в своих экономических интересах. Человек толпы такое воздействие воспринимает совершенно естественно, поэтому у него и проблем никаких в связи с этим не возникает. Но маргинал здесь снова ведет себя не так, как все «нор-

маленькие» люди, — он начинает сопротивляться этому воздействию, требуя к себе иного отношения, к которому оказываются не готовы основные участники рынка. Вот в этом и заключается борьба маргинала с рынком. Образно ее можно представить себе как прогулку человека по улицам города, желающего просто отдохнуть на свежем воздухе в тишине и покое, но обнаружившего, что весь город превратился в одну большую «барахолку», от которой нет спасения нигде. И мало того, что ему приходится пробираться сквозь толчью, так еще и на каждом шагу хватают за рукав назойливые продавцы и пытаются всучить ему всякую дрянь. Муки, связанные с затруднениями в ходьбе, невозможность отдохнуть в такой обстановке и необходимость постоянно отбиваться от коробейников и есть аналог рассматриваемой ниже борьбы.

РЕЛИГИЯ ПРИБЫЛИ

Суть вопроса

По разным причинам, которые подробно рассматриваются ниже, в современном обществе между людьми стали доминировать рыночные отношения. Но эти отношения нельзя назвать естественным взаимодействием людей, желающих, как можно было бы предположить, получать удовольствие от своего бытия и общения друг с другом. По логике вещей, человек ходит на рынок лишь время от времени и по мере необходимости. У некоторых людей, правда, есть странности, выражющиеся в том, что они в выходные дни идут на рынок и часами там гуляют, толкаются, торгаются, получая удовольствие от процесса. Ничего предосудительного в этом нет, так как к подобному поведению можно относиться как к одному из видов маргинальности. Но

представьте себе общество, в котором все люди живут на базаре все время, от подъема и до отхода ко сну. Каждое действие их подчиняется правилам поведения на базаре. Картины я нарисовал, конечно, утрированную, но она хорошо отображает жизнь нашего современного общества. Рыночные отношения проникли уже во все стороны нашего существования. Разве это можно назвать естественным? Тот, кто считает такое положение в обществе ненормальным, оказывается маргиналом среди толпы, которая придерживается иного мнения.

Аргументы

В странах западной цивилизации люди стали жить антиэкологично (т. е. неправильно, если понимать слово «экология» в самом широком смысле) после того, как в умах утвердились прибыль как одна из высших ценностей. Как должно быть в норме? У человека должен быть капитал (знания, рабочие руки, деньги, земля, скот, недвижимость, оборудование, транспорт и др.), эксплуатация которого дает ему достаточный для достойного проживания доход. При этом доход должен полностью (за исключением отчислений на воспроизводство капитала) весь потребляться. Если из-за изменения конъюнктуры доход вдруг превысит фонд потребления, то для приведения системы существования в равно-

С тех пор как люди научились варить пищу, они едят вдвое больше, чем требует природа.

(Бенджамин Франклайн)

«И иногда поздними вечерами, из жалости к вещам, он выходил на улицу и выгуливал свою старую одежду...»

(Андрей Кнышев)

Мое — единица измерения чужого.

(Андрей Кнышев)

Те, кто считает, что «иметь» является самой естественной категорией человеческого существования, будут, возможно, удивлены, узнав, что во многих языках слово «иметь» вообще отсутствует.

(Эрих Фромм)

весие либо часть капитала выводится из оборота, либо он эксплуатируется в меньшем объеме с целью снижения дохода до достаточного уровня.

В реальности же большинство людей в обществе поступает против этой логики: если появляется незапланированная прибыль, то она тут же тратится либо на увеличение и так избыточного капитала, либо направляется на сверхпотребление, т. е. на закупку того, без чего можно было бы и обойтись. В итоге начинается самоусиливающееся производство, когда создается продукта больше, чем обществу требуется для нормального потребления. Что делать с излишками товара: уничтожить, продать или забросить в дальний угол склада? Производитель обычно выбирает сбыт, ведущий к перепотреблению. Чтобы побудить общество к перепотреблению, предприниматель использует рекламу, убеждающую покупателя в том, что ему необходимо повысить свои материальные запросы от жизни. Так закладывается потребительская гонка. Все это приводит к чрезмерному расходованию природных ресурсов. Планета начинает ускоренно проедаться.

Наиболее удачливые коммерсанты, сосредоточив в своих руках огромные капиталы, начинают через покупку информационных каналов определять атмосферу в обществе. Демократическое общество свободы для каждого человека

Если бы современному человеку хватило смелости изложить свое представление о Царстве Небесном, то описанная им картина походила бы на самый большой универмаг в мире... и тут же он сам с «мешком» денег, на которые он мог бы все это купить... да, пожалуй, чтобы его ближние находились в чуть-чуть менее выгодном положении, чем он сам.

(Эрих Фромм)

Скупцы так много заботятся о богатстве, словно оно их собственное, но так мало им пользуются, словно оно чужое.

(Бион Борисфенин)

Богатство не уменьшает жадности.

(Самюэль)

Они нуждаются, обладая богатством, а это самый тяжкий вид нищеты.

(Сенека)

постепенно вырождается в олигархическое общество свободы для крупного капитала.

В современной экономике доминирующим аспектом стал маркетинг — искусство «впаривания» потребителю ненужного ему товара. При этом, естественно, маркетинг, в развитие которого вкладывается огромный капитал, начинает значительно опережать по своему уровню манипулирования потребителем спонтанно формирующуюся способность последнего защищаться от этого давления.

Какие характеристики в плане потребительской психологии доминируют у современного человека толпы? Жадность и тщеславие. Вот что пишет о жадности Фромм в «Анатомии человеческой деструктивности»: «Жадность — самая сильная из всех неинстинктивных человеческих страстей. В этом случае явно идет речь о симптоме психической патологии, о дисфункции, связанной с постоянным ощущением пустоты и отсутствием внутреннего стержня в структуре личности. Жадность — это патологическое проявление неудачного развития личности и одновременно один из главных

Все наши сетования по поводу того, чего мы лишены, происходят от недостатка благодарности за то, что мы имеем.

(Даниель Дефо)

Дайте человеку все, чего он желает, и в ту же минуту он почтывает, что это все не есть все.

(Кант)

Грабь, хватай, копи, владей — все придется оставить.

(Марциал)

Бедность заключается не в меньшем имуществе, а в большей алчности.

(Платон)

С деньгами не шутят. Без них — тем более.

(Андрей Кнышев)

«Жених ты хоть куда. Единственный твой недостаток: все время какой-то мрачный вид. — Это не мой недостаток. Это недостаток денег».

(Андрей Кнышев)

Я знаю себе цену. Но она мне не по карману.

(Андрей Кнышев)

Вот заработаю когда-нибудь много денег — и человечество станет лучше.

(Андрей Кнышев)

Красиво жить — по-волчьи выть.

(Андрей Кнышев.)

грехов как с точки зрения буддизма, так и с позиций иудейской и христианской этики». Коммерсанты заинтересованы в развитии жадности населения и применяют для этого всевозможные приемы маркетинга и рекламы. То есть потребительское западное общество всячески культивирует жадность своего населения вместо того, чтобы лечить его от этого невроза. Кроме того, потребительская гонка приводит к тому, что жадность начинает порождать новую жадность, т. е. получается замкнутый круг. Механизм этого круга заключается в следующем: алчность порождает погоню за высоким доходом, что в свою очередь усиливает невротичность «гонщиков», лежащую в основе алчности.

Жадность современного человека толпы приводит его к тому, что он покупает все новые и новые товары, не имея ни возможности, ни сил воспользоваться ими хотя бы частично. Мало того, промышленность больше не ориентируется на спонтанное, т. е. стихийное желание потребителя покупать. Теперь она заставляет его покупать новые товары взамен старых, даже несмотря на то, что прежние еще могли бы послужить достаточно долго.

Тщеславие оказывается хорошим (с точки зрения коммерсантов) дополнением к жадности современного человека. Человек толпы всячески стремится к повышению своего социального статуса, чтобы казаться как можно больше, чем он есть на самом деле. Но так как главным мерилом в современном обществе является размер социального капитала, состоящего из богатства, власти и славы, то мечта прославиться (о власти речь пойдет в следующей главе) является второй навязчивой идеей. Представитель западной цивилизации с таким маниакальным желанием стремится попасть в любую «картинку» (теле-, кино- или фото-), что многие маркетологи начали на этом строить свои разнообразные приемы, заключающиеся во всевозможных розыгрышах и лотереях, главной «заманухой» в которых служит возможность хотя бы на секунды оказаться в центре внимания большой аудитории. А

если нет такой возможности у человека, то он сам организовывает процесс создания и тиражирования многочисленных «картинок» с собою в центре. На этом пышным цветом расцвела индустрия туризма и фотопринадлежностей, сводящаяся к тому, что люди разъезжают по свету и фотографируются на фоне знаменитых достопримечательностей. Делается это для получения вещественного доказательства того, что они здесь были. Впоследствии они могут показывать эти фотокарточки окружающим людям как подтверждение того, что смогли заплатить за турпоездку в эти места. И у кого больше таких фотокарточек, тот имеет большую «собственность» в виде посещенных знаковых мест, что свидетельствует о его богатстве, о его способностях нести такие расходы.

Или возьмем, к примеру, такое явление, как присуждение и вручение различных официальных премий и наград, а также различные коммерческие лотереи и конкурсы. Это мероприятие в современном обществе превратилось в самое настоящее шоу, вокруг которого кормится большое количество людей. Это спектакли, на показе которых многие люди делают большой политический или публичный капитал. И сценарии проведения подобных спектаклей предполагают, что люди, выбранные лауреатами, должны вести себя строго определенным образом, подыгрывая организаторам. Логика таких взаимоотношений проста: «Мы тебе — премию, а ты поможешь нам организовать из этого события шоу, из которого мы извлечем доходы, значительно превышающие размеры этой премии». И это при том, что в общественном сознании всячески поддерживаются мифы о том, что награды и премии присуждаются самым заслуженным, а призы даются победителю, определенному в честном соперничестве без всякой предвзятости судей и организаторов. Так ли это? В спорте специалистам давно известно, что арбитры часто подсуживают американцам только потому, что если те не пройдут в следующий тур соревнования, то от рекламной

телеаудитории «отвалится» самый богатый рынок — США, потому что американцы не любят смотреть соревнования, в которых нет их представителей. А падения рекламного рейтинга соревнования ни за что на свете не допустят его организаторы. Вот и побеждают американцы везде, где только можно. Или представьте себе, что кандидатом на главную роль счастливчика — лауреата какой-нибудь литературной премии — оказывается маргинат, не желающий выполнять предписывающийся церемониал. Допустим, этот человек не хочет вообще участвовать в публичном мероприятии. Мотивы этого могут быть различными: соображения безопасности после получения крупного денежного приза; нелюбовь человека к публичной известности; просто неприятие любого официоза. Или же такой маргинат готов участвовать в публичном мероприятии, но хочет вести себя при этом не так, как предписано протоколом, а импровизировать от себя, как его душа захочет непосредственно в ситуации. Допустят ли организаторы мероприятия, чтобы именно такой неудобный герой стал избранником, способным разрушить все шоу? Его отсеют на самых ранних этапах подготовки события. Лучшим примером может послужить организация присуждения и вручения Нобелевских премий, ритуал проведения которых может повергнуть в ужас любого маргинала от одной мысли, что он может оказаться участником этого чрезвычайно чопорного и зарегулированного мероприятия. Одна одежда участников этого действия чего стоит! А поведение?! Каждое движение, каждый шаг репетируются заблаговременно. Лекции лауреатами пишутся и сдаются в оргкомитет заблаговременно, лишь бы избранник не ляпнул чего-нибудь такого некорректного или просто неудобного, неожиданного, способного нарушить привычный ход церемонии.

Вот и получается, что действительно достойные наград и премий люди никогда их не получат, если они являются маргиналами по своему поведению. И никогда человек не

получит приза в каком-нибудь коммерческом конкурсе или игре и даже не будет допущен к проведению мероприятия его организаторами, если он им не внушит уверенности в том, что готов старательно исполнить предписанную ему роль в этом шоу. При этом все разговоры организаторов этих игр и конкурсов о том, что абсолютно любой человек может участвовать и победить в этих розыгрышах, являются простой «заманухой» и ложью. В обществе существует закон: хочешь получить обещанное благо — «спляши», т. е. выполни предписанную роль клоуна-шоумена, а разговоры о том, что каждый человек это благо может получить без всяких условий, предназначены для простаков, составляющих публику этого спектакля.

Рынок портит отношения между людьми. В толпе главный критерий не что ты за человек, а сколько ты стоишь. Отношения сводятся к принципу «ты — мне, я — тебе»; появляется такой элемент рынка, как брачный контракт; родственные связи заменяются деловыми отношениями; доброжелательность заменяется перманентной готовностью «присосаться» к простаку; рыночный человек часто старается обмануть своего контрагента, заманить в ловушку. В такой среде маргиналу приходится очень трудно, так как он часто обладает непосредственной душой ребенка. Представьте себе человека, бережно относящегося к окружающим людям и не понимающего такого понятия, как «силовой прием», вышедшего в обычной своей одежде поиграть в

■ Рынок — это место, нарочно назначенное, чтобы обманывать и обкрадывать друг друга.

(Анахарсис Скифский)

■ Не ищите подлецов. Подлости совершают хорошие люди.

(Александр Вампилов)

■ Я не замечал, чтобы честность людей возрастала с их богатством.

(Томас Джефферсон)

■ Когда исходят лишь из выгоды, то множат злобу.

(Конфуций)

■ Апостолы смотрели на Иуду с гневом и презрением.

— Если вы такие умные, то чего же вы такие бедные? — спросил их Иуда, пряча за пазуху 30 сребреников».

(Андрей Кнышев)

хоккей с шайбой против профессиональной команды. Через пару минут он будет инвалидом...

Именно поэтому маргиналы так стараются избегать любых контактов с рыночной средой. Для них это чуждый мир, построенный не по людским законам, а, скорее, по волчьим. Хотя, впрочем, за что их так обижать, зверей-то — они намного благороднее. Волк даже в драке не станет продолжать бить собрата, если тот демонстративно отвернет свою голову, представляя шею и символизируя тем самым, что он сдается.

Кто-то может возразить, что и бизнесмены бывают хорошими людьми. Но даже в среде самых благородных и порядочных коммерсантов, старающихся вести себя по-людски в своем бизнесе, есть негативы для маргинала. Рынок нуждается в стабильности, и поэтому деловая практика настроена на высокую степень устойчивости отношений сотрудничества. Ради этого субъекты рынка склонны взять друг друга жесткими всеобъемлющими обязательствами, прописанными в многостраничных договорах, ограничивающих свободу. Маргиннуле это не подходит. Мне искренне жаль знаменитых музыкантов, попавших в рабство рынка, когда у них оказывается расписанным каждый день на несколько лет вперед. Знать, что через три года 13 июня у тебя концерт в Милане, — это ужас! А если не будет настроения? Если в этот период душа потянет заниматься чем-то другим? Как можно жить такой жизнью?! Это не для маргинала...

Выводы и рекомендации

Люди толпы, как правило, неспособны вычленить в своих отношениях друг с другом рыночную составляющую. Ведь человек не замечает воздух, которым дышит, пока не почувствует его недостаток. Точно так же заядлые курильщики не замечают задымленность помещения, в котором

они находятся. Но этот дым хорошо чувствуется тем человеком, который сам не курит и входит в это помещение с чистого воздуха. Поэтому человеку, страдающему от рыночных отношений в обществе, как некурящему, мучающемуся от тотальной курилки, необходимо следующее. Во-первых, искать места, относительно не «задымленные» рынком, где можно чувствовать себя более-менее комфортно. Во-вторых, быть способным воспринимать рыночные проявления в отношениях между людьми в мельчайших дозах. Это требуется для того, чтобы успеть вовремя убраться оттуда, где поначалу все вроде бы было нормально, но незаметно кто-то один «задымил» рынком, потом другой, и постепенно атмосфера стала все более портиться, пока не курящему эту гадость не становится плохо оттого, что он уже надышался по самое некуда. Поэтому рыночной жизнью общества полезно хоть немного интересоваться, но со стороны и только для того, чтобы знать своего врага в лицо.

ОБЩЕСТВО ПОЖИРАТЕЛЕЙ РЕКЛАМЫ

Суть вопроса

Отношение к рекламе неискущенного человека может быть спокойным, так как он полагает, что достаточно не смотреть на нее и тем самым устраниТЬ ее из своей жизни. Все, однако, не так просто. Даже если ты не смотриШЬ на рекламу, тебе приходится оплачивать ее производство и размещение, так как производитель и торговец закладывают эти расходы в цену товара. Родственным рекламе элементом рыночной среды является красивая упаковка, так как она преследует те же цели — побудить человека купить товар. И стоимость упаковки также включается в сто-

имость товара. Доходит до того, что в цене многих покупаемых нами товаров стоимость потребляемого продукта составляет ничтожную долю. Фактически мы отдаём деньги в большей степени за ненужную нам упаковку и право просмотра рекламы. Все ли согласны с такими реалиями современной жизни?

Аргументы

В чем заключается суть американской экономики (как лучшего образца всей западной экономики)? Завезти в Азию сырья условно на \$ 100, вывезти продукции на \$200, привезти ее к себе и продать за \$2000. Отчего такая торговая надбавка? Во-первых, дешевизна сырья. Во-вторых, дешевизна труда. В-третьих, богатство покупателя. В-четвертых, тупость этого же покупателя, покупающего не столько товар, сколько красивую упаковку (стоимость производства которой иногда в несколько раз превышает стоимость содержащегося в ней потребляемого товара) и раскрученный брэнд. Создается впечатление, что половина американской экономики производит красивую упаковку, а другая половина — рекламу, для того чтобы продать эту упаковку. В итоге в конечной цене товара доля непосредственно продукта составляет проценты, остальное — плата за просмотр всевозможной рекламы и за сервис, чтобы «все было по-богатому». Причем, если станешь возмущаться, что ты не смотрел рекламу, поэтому не хочешь за нее платить, тебе возразят: «Но мы же не мешали тебе ее смотреть!..» А если не захочешь платить за фирменный флакон французских духов, который на порядок стоит дороже своего содержимого, то тебя спросят недоуменно: «Что же мы вам «Кристиан Диор» в розлив будем отпускать в вашу тару?!»

Но подобные ситуации могут родиться только в воспаленном мозгу маргинала, и современная торговля с ними вряд ли

часто сталкивается. Значительно чаще им приходится иметь дело с потребителем, который с удовольствием отдает свои немалые деньги не столько за товар, сколько за известный брэнд. В итоге современный бизнес все больше начинает напоминать театр абсурда. Например, в журнале «Эксперт» №10 от 12 марта 2001 г. приводятся такие данные о доле брэнда в рыночной стоимости компаний: «Например, в Англии сейчас только 30% рыночной стоимости компании отражается в балансе, все остальное приходится на нематериальные активы: ноу-хай, патенты, деловую репутацию, авторские права и, естественно, важнейший нематериальный актив — брэнд. Так, в British Petroleum соотношение материальных и нематериальных активов оценивается как 29:71, в Coca-Cola — 4:96!» Это же сумасшествие какое-то, платить за бутылку коричневого пойла с отвратительным вкусом большие деньги только потому, что компания Coca-Cola на его рекламу за историю своего существования потратила десятки, если не сотни миллиардов долларов!

Ну ладно, если бы только с нас сдирали три шкуры за откровенную рекламу. Ее можно не смотреть и стараться покупать нерекламируемые товары. А как быть с завуалированной рекламой, какой, например, является вся кинопродукция Голливуда? Мало того, что все американские фильмы изо всех сил рекламируют американский образ жизни, так ведь в них присутствует и реклама конкретных товаров! И за просмотр этой скрытой рекламы с нас еще и деньги требуют. Вот что по этому поводу писали в «Известиях» от 10 января 2001 г., статья «Дым на экране»: «Несмотря на то, что официально при съемках кино было запрещено использовать рекламу сигарет определенной марки еще в 1989 г., герои популярных

Люди глупо доверчивы... Вся реклама мира основана на трех принципах: «Хорошо, много и даром». Поэтому можно давать скверно, мало и дорого.

(Александр Грин)

Рекламные ролики — мир людей, планирующих жить вечно.

(Андрей Кнышев)

лент курили все последующее десятилетие, и, похоже, не перестанут делать это и в новом веке. Так, группа ученых из Нью-Гемпшира просмотрела более 250 кинолент, возглавлявших мировые рейтинги с 1988 по 1997 г. Такие временные рамки обусловлены тем, что в 1997 г. в США был издан закон, запрещающий какую бы то ни было рекламу курения или табачных изделий. Выяснилось, что в более чем 85% картин так или иначе фигурировал вопрос курения, а в 28% картин на экране было видно, какую именно марку сигарет курит тот или иной персонаж. ...При этом в фильмах, разрешенных для показа детям, актеры курили в 40% случаев. ...Забавен тот факт, что до запрещающего закона 1989 г. лишь 1% кинофильмов использовал рекламу сигарет определенных марок, в то время как после запрета эта цифра возросла до 11%. Пожалуй, изменилось только поведение табачных компаний, предпочитающих оплачивать такого рода рекламу не напрямую, а посредством материального участия в процессе съемок фильма».

А теперь вопрос «на засыпку» для маргинала: что делать, если ты не хочешь играть в эти игры с покупкой брэнда и оплатой тотального вала дорогостоящей рекламы? Где найти не уступающий по качеству товар, чтобы в его цене была только плата за сам товар? Информационная система рынка не настроена на маргинала. Ему трудно найти на рынке товар или услугу для себя. Более того, культурная и информационная среда настолько загажена откровенной и скрытой рекламой, что остро встает вопрос защиты уже детей маргинала от этой грязи вплоть до удаления из дома теле- и радиоприемников, а также компьютеров, подключенных к Сети.

Выводы и рекомендации

Пассивное неприятие рекламы и ей подобного не даст никакого эффекта. Необходимо своим активным поиском и

выбором поддерживать тех производителей и продавцов, которые в своем бизнесе не прибегают к помощи дорогостоящей рекламы и упаковки. За счет этого им удается на продаваемый товар устанавливать низкие цены. Но в этом случае их нужно искать самим. И чем больше будет рациональных потребителей, готовых платить только за потребляемый продукт, тем больше будет соответствующего предложения и тем легче его будет найти. А толпа пусть выбрасывает свои деньги на ветер.

НАЗОЙЛИВЫЕ ПРОДАВЦЫ И НАВЯЗЧИВЫЙ СЕРВИС

Суть вопроса

Так уж получается, что простой человек как потребитель всегда остается в рыночной среде «чайником». А противостоят ему настоящие профессионалы торговли и сервиса, которые к тому же очень активны. И если у потребителя-чайника потребность в контактах с этими хищниками рынка возникает лишь время от времени, а в основном он к ним равнодушен, то они ведут свою яростную охоту за ним и его деньгами непрерывно.

Аргументы

Современному человеку следует без всяких иллюзий принять как данность следующий факт: на рыночном фронте он один противостоит целой армии профессионалов-грабителей, только и мечтающих о том, чтобы вытянуть из него побольше денег, всучив вместо них какое-нибудь барахло,

а то и вообще оставить «с носом». Что в арсенале этих «дженетльменов удачи» с большой дороги (в смысле «большого офиса») является наиболее значимым? Во-первых, наши цивилизованные разбойники, то бишь продавцы товаров и услуг, так же как и профессиональные воры и бандиты, очень ценят подробную информацию о своей предполагаемой жертве. Для ее сбора они не гнушаются самыми грязными методами, например такими, как старый добрый шпионаж, хотя, так же как и профессиональные шпионы, они не брезгуют и легальными приемами, такими как анализ официальной данных. Так, например, в последнее время с развитием Интернета стали использоваться различные программы слежения за перемещениями пользовательских компьютеров по Сети. На компьютер недотепы, решившего погулять по Интернету, при его первом посещении сайта компании, желающей побольше узнать о том, чем он «дышил» в виртуальном мире, записывается специальная персональная метка. И после этого, где бы он ни гулял по Сети, информация о маршруте его перемещений по всем сайтам поступает к электронным «шпирам», пометившим его. Проанализировав данные о нем за какой-то период времени, можно составлять его портрет интересов и разрабатывать индивидуальный подход к его деньгам.

Во-вторых, флибустьер новейшего времени должен быть напористым. Но при этом неходить на гангстера. Поэтому он специально на соответствующих тренингах оттачивает мастерство исполнения роли волка в овечьей шкуре. Американцы — большие любители изобретать подобные технологии законного отъема денег у простаков — даже придумали оксиоморон для названия такой тактики — «агрессивная вежливость». Вот как это описывают в газете «Ведомости» от 4 сентября 2000 г., статья «Агрессивная вежливость»: «Вспомним «свидетелей Иеговы» или назойливых, но вежливых торговых агентов. Даже чувствуя давление подобных личностей, человек не знает, как возразить,

потому что «агент» доброжелательно улыбается. Легче всего склонить собеседника к необходимому вам решению или поведению при помощи доброжелательности. Не случайно самые опасные переговорщики — люди волевые и доброжелательные одновременно. Даже если человек и попытается как-то возразить, воспротивиться, он будет выглядеть неоправданно агрессивным, слабым. Невежай, который почему-то набрасывается на мягкого и доброжелательного собеседника».

В-третьих, налетчики современного рынка должны строго придерживаться принципа «Наглость — второе счастье». Лучшим примером в этом плане является выбивание чаевых различным обслуживающим персоналом в гостиницах и ресторанах. Наглость в их исполнении обычно граничит с откровенным шантажом, когда человек всем своим видом дает понять: «Если не «отслюнявишь» мне чаевых так, чтобы я остался доволен — плюну в твой кофе, когда ты этого видеть не будешь!»

И, наконец, настоящему коммерсанту должно быть присуще самое настоящее коварство, когда он обязан уметь подсунуть «лоху» какую-нибудь приманку, лишь бы только заманить его в ловушку. Причем необязательно речь идет об откровенном мошенничестве, подпадающем под действие Уголовного кодекса. Хорошо известны такие вполне «цивилизованные» приемы торговли, когда по телефону покупателю сообщают одну — заниженную — цену товара, а когда он приезжает на место с деньгами для осуществления покупки, оказывается, что реальная цена не такая уж и низкая. Покупателю обычно трудно в такой ситуации пере-programмировать свои действия без «потери лица», а именно так многие воспринимают возможный вариант отказа от покупки с продолжением поиска: «Еще подумают, что я бедный или жмот!», — и он расстается с деньгами в большем количестве, чем планировал изначально.

Эти описания уловок и нравов современной рыночной среды являются лишь небольшой выборкой фрагмен-

тов из обширнейшей литературы, посвященной этой стороне нашей жизни. Для человека толпы подобные отношения между людьми являются привычной нормой, и он не склонен драматизировать ситуацию. Но для маргинала подобное поведение людей является дикостью, отравляющей ему наслаждение жизнью. Любой контакт маргинала с рыночной средой порождает у него жуткий стресс, от которого тому приходится приводить себя в нормальное состояние по нескольку дней. Все равно, как вылазка диверсанта в тыл врага, когда оказываешься один в экстремальной ситуации, содержащей в себе угрозу твоему здоровью и жизни.

Выводы и рекомендации

Чтобы не оказываться раз за разом жертвой чужих рыночных происков, надо овладеть хотя бы элементарным набором защитных средств. Одним и, пожалуй, наиболее эффективным приемом избавления от рыночных хищников для маргинала будет демонстрация пустых карманов. Маргинат ведь свободен от желания похвастаться перед толпой своим богатством, считая, что бедность не порок. При этом средства у него на самом деле и могут быть, но выпячивать сей факт не надо стремиться! Играя роль бедного, с которого нечего взять, вы будете способствовать тому, что охотники моментально потеряют к вам интерес. Это заяц обречен всю жизнь пребывать в страхе, так как предмет интереса хищников — его мясо — всегда при нем. А вы можете демонстративно выворачивать карманы и оказываться в спокойной атмосфере равнодушия.

Глава 7. БОРЬБА С ГОСУДАРСТВОМ

Если образом содержания предыдущей главы была «бахромка» на улицах города, то для данной главы больше подошли бы марширующие во всю ширину улицы плотным строем и в ногу бесконечные колонны организованных рабочих и крестьян, студентов и юных ленинцев. Вроде бы с прогуливающимся маргиналом и бороться никто не собирается, но он же мешает движению!!! Поэтому его все толкают, на него орут, а он пытается отстоять свое право на прогулку именно в этом месте и в это время.

ГОСУДАРСТВО И ТОЛПА: ИМИТАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА

Суть вопроса

«Государь — слуга народа» — так любят говорить правители, рассчитывая, что их услышит толпа. На самом же деле в обществе практически никто не сомневается в иной сущности отношений государства и людей. Любой чиновник чувствует себя хозяином жизни, а простой люд — просителем его милости, за которую ему надо платить, платить, платить... А все потому, что толпа разучилась самостоятельно организо-

Существует только одна гигантская машина, управляемая пигмеями, и это бюрократия.

(Оноре де Бальзак)

Давно замечено, что достойными и призванными править государством считают себя раньше всего люди посредственного ума и нищие духом. С изумительной энергией и упорством они рвутся вперед, и наиусерднейшим из них удается достичь цели.

(Мабуа Амирэджиби)

вывать свою собственную жизнь. Ведь теоретически чиновника можно прогнать, отказавшись от его некачественных и дорогостоящих услуг, но в этом случае придется самому решать многочисленные вопросы современной жизни. От одной этой мысли представители толпы испытывают ужас и приходят к выводу, что лучше все-таки терпеть хамство чиновника и давать ему на лапу.

Всякий народ имеет то правительство, которое его имеет.

(Андрей Кнышев)

Родителей и президентов не выбирают.

(Андрей Кнышев)

Повсюду, где царствуют деньги, те деньги, которые народ отдает, чтобы поддерживать свою свободу, всегда служат только орудием его же порабощения; и то, что платит он сегодня по доброй воле, используется для того, чтобы заставить его платить завтра по принуждению.

(Жан Жак Руссо)

Аргументы

В политологии и социологии есть такое понятие: общественный договор с государством. Суть его сводится к тому, что общество нанимает человека или группу лиц как администратора для исполнения им некоторых функций, связанных с организацией жизнедеятельности общества. Для этого общество берет на себя обязательство платить администратору налоги, но предупреждает того о том, что за исполнение им своей работы строго будет спрашивать. В исторически обозримой перспективе что-то подобное происходило в одном из самых молодых государства западной цивилизации — США, когда отдельные города в забытых богом краях и поэтому фактически самостоятельные от какой бы то ни было власти нанимали себе шерифа и судью. В России также исторически зафиксирован подобный договор, когда общество призвало на княжение (понятие «князь» в те времена как раз и означало главного администратора и ничего более) варягов во главе с Рюриком. В других странах подобное происходило еще раньше, в результате чего за долгие века из отношений общества и государства (а государство и есть та самая упомянутая

группа наемных лиц) давно выветрился дух равноправного партнерства, и государственный чиновник совсем уже не осознает себя как наемный работник у общества, а мнит себя чуть ли не рабовладельцем. Оно и неудивительно, так как почти все страны прошли через период, когда государство, чрезмерно усилившись, буквально порабощало своего нанимателя — общество. Именно поэтому чиновники так любят отождествлять государство со всем обществом, подменяя такое понятие, как «член общества» более удобным для себя — «гражданин государства».

Российский народ от подобного неравноправия в отношениях с государством начинает только-только отходить, восстанавливая в себе менталитет нанимателя. Фактические же в настоящий момент отношения между толпой (именно толпой, так как в общественном договоре всегда от имени общества выступает толпа, отождествляющая себя со всем обществом и игнорирующая маргиналов, которые в государственном чиновнике никогда не нуждались, так как привыкли всегда жить своим умом) и государством являются имитацией подобного общественного договора: «Я, государство, буду делать вид, что выполняю возложенные на меня функции, а ты, общество, будешь делать вид, что находишь мою мнимую работу удовлетворительной». Ну а если какой-то маргинал или человек толпы, у которого с испугу в голове что-то «переклинило», вдруг начинает разговаривать с чиновником на языке официального общественного договора, т. е. наравне с государством с позиции нанимателя, то оно его «мочит прямо в сортире», чтобы не забывал «кто на самом деле в доме хозяин». Все это мне чем-то напоминает описанный мною в книге «Борьба бульдогов под ковром» прием «Как ощипать воробью грозного орла без наркоза». Государство — поначалу знающий свое реальное место в обществе чиновник — постепенно, по чуть-чуть, «тихим сапом» набрало такую силу, что общество само не заметило, как оказалось на положении раба у своего «батрака».

Почему так произошло? В основном из-за низкой способности толпы самостоятельно организовывать свою совместную жизнь. Большинство людей склонно отдавать чиновникам как можно большее число функций общественной организации, самоустранившись тем самым от ответственности за свою судьбу. (Фромм посвятил рассмотрению этого явления одну из своих лучших книг — «Бегство от свободы».) Такая тенденция неизбежно приводит к формированию тоталитарного государства, когда армия чиновников начинает определять абсолютно все стороны жизни общества. Маргиналы в такой ситуации формирования и усиления государства всегда оказываются в положении, когда можно сказать «без меня меня женили».

Маргиналы в услугах государственного чиновника, как правило, не нуждаются и сопротивляются изо всех сил государственному обществу, так как толпа, нанимая чиновника, делает это в том числе и для маргинала против его воли. То есть толпа, отождествляя себя со всем обществом, создает государство и для сопротивляющегося этому меньшинства. В итоге общество становится сверхорганизованным, создавая невыносимую для маргинала среду обитания. На мой взгляд, будет уместным здесь привести слова Альберта Швейцера по этому поводу (цитирую по Фромму, «Здоровое общество»): «Прошлое, без сомнения, видело борьбу

Когда государству что-то от нас нужно, оно любит называть себя Родиной.

(Автор неизвестен)

Отношения между человеком и обществом (читай «государством». — С. Г.) напоминают рулетку. Общество — банкомат. Игроки то выигрывают, то проигрывают; но банкомат в выигрыше всегда.

(Сомерсет Моэзи)

...в рай нельзя тащить за яйца.

(Игорь Губерман)

Где сразу пекутся о целом народе, там каждый отдельно — в кромешном гавне.

(Игорь Губерман)

История полна
коварством,
но так я и не понял, отчего
разбой, когда творится
государством,
название меняется его.

(Игорь Губерман)

духа свободно мыслящих индивидов против окованного узами духа общества, однако эта борьба никогда не приобретала таких масштабов, как сегодня, ибо скованность общественного духа общественными организациями, современным безумием и современными общественными страстями есть беспрецедентный в истории феномен. Хватит ли у современного человека сил выполнить то, чего требует от него дух и что человек хотел бы сделать для него возможным? В сверхорганизованном обществе, которое сотней различных способов держит человека в своей власти, он должен каким-то образом снова стать независимой личностью и оказать обратное влияние на общество. Общество будет стремиться любыми средствами оставить человека в обезличенном состоянии. Общество боится личности, поскольку она является средством выражения духа и истины, которым оно хотело бы заткнуть рот. И, к сожалению, власть общества так же велика, как этот страх. Налицо трагический альянс между обществом в целом и его экономическим состоянием. С беспощадной неумолимостью эти условия стараются воспитать современного человека так, чтобы он превратился в существо, лишенное свободы, самообладания, независимости, одним словом, существо неполноценное, лишенное истинно человеческих качеств».

Маргинал в современном обществе оказывается в абсурдном положении: вроде бы государство для него, так же как и для всех остальных, делает так много, а воспользоваться этим у него нет никакого желания. Происходит это потому, что старания государства стереотипизированы из-за ориентации на людей толпы и существования оригинальных запросов маргинала не предполагают. Попытка маргинала удовлетворить свои нестандартные потребности в государстве наталкивается на раздражение чиновников, в результате чего тому

Навеки в душе моей пятна
остались как страха посев,
боюсь я всего, что бесплатно
и благостно равно для всех.

(Игорь Губерман)

приходится уходить восвояси. Вот и получается, что маргинвал не склонен пользоваться услугами государства, но вынужден за них платить налоги.

Выводы и рекомендации

Не нравится вам ваше государство? (Упаси Бог вас подумать, что государство — это страна в определенных границах с живущим в ней населением. Государство — это банда чиновников, занимающихся узаконенным рэкетом по отношению к порабощенной толпе, хотя они и предпочитают себя преподносить народу несколько иначе.) Учитесь жить вне его. То есть живите там, где и жили раньше, если нет желания перебраться в другое место, скажем, в брошенную деревню, но старайтесь при этом так организовать свою жизнь, чтобы можно было видеться с чиновниками как можно реже.. И не вздумайте тешить себя надеждами на всякие революции или реформы. Горбатого могила исправит! Прогоните одного чиновника — на его место придет другой. И практика показывает, что он будет работать еще хуже, а воровать еще больше, потому как он пока еще более голодный, чем прикормившийся прежний, а дело свое знает поначалу плохо. В нашей жизни есть такие места, которые лучше не ворошить, чтобы не портить атмосферу. Бюрократия — одно из них.

**БЕЗ БУМАЖКИ ТЫ БУКАШКА,
А С БУМАЖКОЙ - ЧЕЛОВЕК**

Суть вопроса

Мало того, что государство не может дать маргиналу то, что ему нужно, забрав у него для этого деньги, оно еще

и заставляет его жить не так, как тому хочется. В сверхорганизованном обществе более-менее комфортно чувствовать себя может только «овошь», который живет всю свою жизнь (если ее можно так назвать) на одной и той же «грядке» и делает одно и то же дело — «растет и плодоносит» (в смысле работает в одной и той же организации). Никакие желания к каким-либо изменениям у такого человека обычно не возникают — сплошная стабильность и предсказуемость для государственного чиновника. Все аспекты жизни такого «овоща» отражены на «табличке возле грядки» (в смысле в различных документах, регламентирующих жизнь этого человека). И если в государственном «огороде» заводится какой-то с точки зрения толпы «сорняк» в виде перекати-поля, которому не сидится на одном месте и которого тянет на всякие перемены в жизни, то у чиновника начинаются проблемы: «Это что ж, мне теперь надо бегать за этим «сорняком» с его «табличкой» по всему полю? Нет уж, дудки! Ну-ка, сторож, зафиксируй его там, у забора покрепче, чтоб не мотался туда-сюда». В итоге маргиналу государство всем своим отношением к нему дает понять, что «существовать без постоянного места жительства и работы нельзя», что он должен быть зарегистрирован и поставлен на учет в самых разнообразных организациях, обеспечивающих его благополучное бытие. Если же он не будет соблюдать этот режим организованности, то будет квалифицирован обществом как его отброс со всеми вытекающими из этого последствиями. И рождается на этой «почве» у маргинала с государством взаимная ненависть, которую очень ярко и образно описал Сергей Мостовщиков в своей статье «Рассуждение о красоте и умственной отсталости» в журнале «Эксперт», № 10 от 12.03.01: «...хочется, чтоб люди, наделенные полномочиями, были хотя бы красивы и умны. То есть, чтоб, глядя на них и слушая их речи, смертному можно было бы получать хоть немного удовольствия и испытывать должное уважение. ...Я попытался представить, где

именно можно было бы поскорее встретить этих красивых и умных людей. Мысленно я сразу отправился в ЖЭК, побродить по коридорам с какой-нибудь пустячной бытовой неряхой. В обитых холодным железом дверях были проделаны окошки на манер тюремной кормушки. За каждым окошком пряталась злая, побитая жизнью умственно отсталая женщина. Казалось, если подойти к окошку поближе, женщина укусит меня за руку и станет истошно кричать. В моей мысленной руке появился мысленный топор, чтобы воткнуть его немыслимой женщине в голову.

Аргументы

«Возможно, исключительно прекрасны и умны в России другие представители власти», — стал рассуждать я тогда. Следователи по особо важным делам, налоговые полицейские, бойцы ОМОНа, работники КГБ? Они сейчас — костьяк демократии. В них кроется наша сила и уважение к конституционным порядкам. Их честные и разумные лица хотел бы я увидеть тогда. Но как же это сделать, если красота прикрыта масками, а речь прерывиста и неказиста, в том смысле, что «я сказал, сука, руки на стол, а то щас башку те снесу, пидор недоношенный».

Выводы и рекомендации

От всех государственных бумажек, конечно, не откажешься без риска подставиться под такое количество проблем, что жизнь превратится в кошмар, но количество их можно свести к минимуму. Да и варианты оформления всегда можно найти такие, что ограничений свободы будет минимум. Если же все-таки контактов с проверяющими избежать не удается (ну, не повезло вам родиться брюнетом!),

то помните, что страдают в основном не те, кто попадается, а те, кто, попавшись, не имеет хороших легенд для отмазки.

ЗОНА СМЕРТИ

Суть вопроса

Но все описанные выше стычки маргинала с государством еще только цветочки. Худо-бедно, но большую часть времени маргиналу удается держаться от государственных чиновников на более-менееличном расстоянии. Однако существуют такие моменты жизни, когда маргиналу не удается уйти от плотного контакта с государственной машиной, в результате чего первый может оказаться покалеченным или мертвым. Наиболее страшными для маргинала такими местами государственного пространства оказываются армия и тюрьма, от которых в России не застрахован никто (не считая, конечно, однополости призыва в армию), а маргиналу туда попасть легче простого (вспомните о восприятии правосудием маргинальности как отягчающем обстоятельстве).

Чувствуя нутром, не глядя
в лица,
пряча отношение свое,
власть боится тех, кто не
боится,
и не любит любящих ее.

(Игорь Губерман)

Аргументы

В чем заключается суть психологической подготовки солдата? Прежде всего в стереотипной роботизации, так как в бою офицеру некогда искать индивидуальный подход к каждому бойцу. Это достаточно логично с точки зрения специалиста по управлению воинскими подразделениями, но каково при этом

приходится маргиналу? Мне по этому поводу вспоминается анекдот, когда один человек изобрел автомат для бритья и участвовал с ним на выставке. Посетитель выставки, увидев ящик с отверстием для головы и кнопкой включения рядом с ним, обращается к инженеру недоуменно: «Но ведь головы у людей такие разные!» Изобретатель его успокаивает: «Это только до первого бритья...» Вот и в армии первые месяцы службы молодых солдат психологически «бреют» подобным же образом. А чтобы всякие там оригиналы побыстрее приходили в соответствие общепринятому в воинской части стандарту, офицеры сознательно отдают их на «воспитание» толпе, природа которой в армии приобретает особо уродливые формы. И это при том, что офицеры как представители государства номинально несут полную ответственность (оборачивающуюся в реальной жизни полнейшей безответственностью) за жизнь и здоровье этих молодых парней. Отсутствие такой защиты маргинала от толпы со стороны госслужащих, отвечающих за режим в армии и тюрьме, приводит к тому, что попадание в них представляет для маргинала смертельную опасность (физически и/или психически). Если не убьют, так доведут до самоубийства. В крайнем случае, покалечат физически или психически. Из-за этого, например, наказание маргинала правосудием на небольшой срок лишения свободы может оказаться эквивалентным смертному приговору или страшным годам бесконечных пыток и издевательств со стороны сокамерников. В любом случае, мало кому из маргиналов удается пройти через все эти круги государственного ада без ущерба для своего здоровья.

Выводы и рекомендации

Старайтесь туда не попадать, а если все-таки не судьба вам избежать такого места, то будьте готовы психологически к этому, о чем пойдет речь в следующей части данной книги.

Часть 3

ПО ДОРОГЕ МАРГИНАЛА

Данная часть книги по своему предназначению является практической. Ранее мы рассматривали различные стороны нашей жизни с целью формирования альтернативной точки зрения на отношения между людьми в обществе. Это требовало определенного теоретизирования для обоснования тех или иных неочевидных утверждений. Теперь же, я надеюсь, читателя уже не нужно ни в чем убеждать. Вы либо согласились с задаваемой мною точкой зрения, либо укрепились в убеждении о моей неправоте. В первом случае вы, наверное, уже готовы более обстоятельно поговорить о том, как реализовать на практике рассматриваемую жизненную позицию или же взять от нее хотя бы частично те элементы, которые вы считаете для себя уместными и возможными. Во втором же случае продолжать попытки убедить читателя в своей правоте мне представляются уже излишними. Поэтому далее в тексте данной части книги будет минимум теории и максимум практики.

Глава 8. НЕЗАВИСИМОСТЬ ЛИЧНОСТИ

РЕФЛЕКСИЯ

Анализ собственного психического состояния (а именно так переводится на русский язык психологический термин «рефлексия»), или самокопание, если выражаться житейским языком, является обязательным занятием для маргинала. Ранее я уже неоднократно указывал, что маргинат от человека толпы отличается прежде всего тем, что он совершенно не боится остаться наедине с собой без какой-либо отвлекающей от рефлексии деятельности. Мало того, маргинату даже нравится копаться в своей душе, как в мешке Деда Мороза, набитом всякими интересными вещами. Без регулярного самоанализа, ревизии состояния своей души человек никогда не сможет уйти от своих различных невротических проблем, которыми его в избытке награждает жизнь в современном обществе. Нерешенность же своих невротических проблем будет сильно мешать любому человеку, желающему быть полноценным и довольным своей жизнью маргинатом.

Нигде не найти покоя тому, кто не нашел его в самом себе.

(Ларошфуко)

Уединение пробуждает любовь к людям, неназойливый интерес к ним.

(Жан Жак Руссо)

Чтобы хорошо мыслить, — надо хорошо жить (не суетиться). — С. Г.).

(Евгений Богат)

Большинство людей проживает жизнь, так и не приходя в сознание.

(Андрей Кнышев)

Многое в нашей жизни мы, к сожалению, понимаем уже задним умом. Лучше бы — верхним.

(Андрей Кнышев)

Очень давит меня иногда тяжкий груз повседневного долга, но укрыться я знаю куда и в себя ухожу ненадолго.

(Игорь Губерман)

Поэтому, если представить себе человека, которому опротивела его жизнь «нормального» человека толпы и он хочет найти себя, свою настоящую жизнь и свое место в этом мире, то начинать ему надо с месячника рефлексии. Я обычно использую для этого фразу «выпасть в осадок», когда человек полностью устраивает из своей жизни какую бы то ни было суету, пустопорожнюю болтовню с окружающими — все, что его может отвлечь от самого себя. Для этого полезно бывает удаляться в одиночество куда-нибудь подальше от цивилизации, например на рыбалку на необитаемый остров, в глухомань, чтобы пореже встречаться с другими людьми. Желательно из достижений человеческой культуры с собой не брать ничего, что не служило бы обеспечению только самых необходимых функций выживания в дикой природе. Книги, радиоприемник или какая-либо еще электронная техника, логические игры (например шахматы) или что-нибудь еще, что обычно человеком используется для того, чтобы занять свое время, — все это надо оставить дома. Единственное исключение надо сделать для толстой тетради и карандаша для фиксации своих мыслей, если к этому потянет. Деятельность в это время должна быть только такой, в которой практически не существует мышление (например глазеть на поплавок). И вот в таком «осадочном» состоянии надо пребывать до тех пор, пока не появится ощущение ясности в понимании смысла своей жизни. В крайнем случае, можно выйти из такого состояния,

Не помечая тропы,
Все глубже и глубже в горы
Буду я уходить.
Но есть ли на свете место,
Где горьких вестей не услышу?
(Сайгё)

В горную келью
Кого ты еще зовешь,
Зовущая птица,
Ведь я собирался здесь
В одиночестве жить...
(Сайгё)

В одиночестве
Как никогда оценишь
Дружбу с луной.
(Бусон)

Затаись и не дыши,
если в нервах зуд:
это мысли из души
к разуму ползут.
(Игорь Губерман)

если встали вопросы, на которые долго не удается найти ответов, и появилось в связи с этим желание проконсультироваться с психологом или кем-то еще, вызывающим доверие своей житейской мудростью. Но, получив от такого мудреца ответы на свои вопросы, надо срочно возвращаться «в осадок», так как итоговый смысл своей жизни человек может постичь только самостоятельно. Готовых ответов на самый главный вопрос ему не даст никто, кроме него самого.

НЕПОСРЕДСТВЕННОСТЬ, СПОНТАННОСТЬ И ВКЛЮЧЕННОСТЬ В НАСТОЯЩЕЕ

После того как кандидат в маргиналы разобрался с тем, что он хочет от жизни, пора переходить к достижению личностных качеств, выведенных в название данного раздела этой главы. Так как рефлексия дает нам лишь осознание своих невротических проблем, но не устраниет их, то необходимо составить и выполнить (самостоятельно или с помощью специалистов-психологов) программу их устранения как препятствий к достижению настоящей нормы психического здоровья, а не той, какая принята в толпе. Первой составляющей ядра независимой личности является включенность в настоящее, сутью которого является ориентация в этом мире, дающая человеку понимание того, что он хочет от жизни в

Кто знал?
Кто тебя таким создал?
Кто позволил быть тебе
счастливей всех?
Кто смог
На тебя надеть венок,
Самый средний в этом мире
человек?
Стар мир,
Ты его затер до дыр,
И веселых красок в мире
больше нет.
Ты сам,
Сам закрыл свои глаза
И весь мир раскрасил
в черно-белый цвет.
*(Фрагмент песни
Андрея Макаревича
«Черно-белый цвет»)*

данный момент. Причем желание это всегда сохраняет его в гармоничном единстве с окружающим его миром по принципу «здесь и теперь», не давая уйти в область призрачных ценностей и ложных страстей мира толпы, сосредоточенных чаще всего либо в искаженно понимаемом прошлом, либо в несбыточном будущем. Вот как описывает эту способность Эрик Берн в книге «Игры, в которые играют люди»: «Включенность в настоящее» означает умение видеть что-то определенное или слышать, например, как поют птицы, причем делать это так, как умеешь именно ты, а не так, как тебя учили. У нас есть все основания

полагать, что маленькие дети видят и слышат совсем не так, как взрослые, что в первые годы жизни их отношение к миру более эстетично и менее интеллектуально.

...Маленький мальчик с восторгом смотрит на птиц, слушая их пение. Вдруг приходит «хороший» отец. Он чувствует необходимость принять участие в развлечениях сына и начинает его «развивать». Отец говорит: «Это поет сойка, а сейчас чирикает воробей». Однако, как только мальчик пытается различать птиц, он перестает их видеть и слышать их пение. Теперь он должен видеть и слышать только то, чего хочет его отец. Лишь немногие люди могут сохранить свою детскую способность видеть и слышать. Наверное, поэтому большинство представителей человеческого рода навсегда утрачивают возможность стать живописцами, поэтами или музыкантами, так как они очень рано теряют способность непосредственно видеть или слышать. Это происходит из-за того, что они получают все из вторых рук.

Я молод был и верил в то,
Что будет много дней,
И верил в то, что взрослый
В сто крат умней детей.
Но час настал, я взрослым
стал,
И тут увидел я,
Как много взрослых дураков
Живет вокруг меня.

(Фрагмент песни
Андрея Макаревича
«Это было так давно...»)

«Включенность» предполагает жизнь в настоящий момент, а не где-то в прошлом или будущем. Рассмотрим в качестве иллюстрации человека за рулем машины, который спешит на работу. Этот пример позволит нам проанализировать некоторые возможности, характерные для американского образа жизни. Три следующие распространенные ситуации представляют собой ответы на главный вопрос: «Где находится сознание человека за рулем, в то время когда его тело в машине?»

1. Главная забота человека за рулем: приехать на работу вовремя. Он — дальше всех от жизни «здесь и сейчас». Пока его тело находится в машине, а сознание уже у дверей учреждения, этот человек совершенно не замечает своего непосредственного окружения, «если только оно не служит препятствием на его пути к дели. Это — «ничтожество». Главная его забота — как он будет выглядеть в глазах начальства. Если же он все-таки опаздывает, то может постараться предстать перед начальством запыхавшимся и выбившимся из сил.

2. Человек-Брюзга озабочен не столько тем, чтобы прибыть вовремя, сколько поиском уважительных причин для опоздания. Неприятные случайности: часто и не вовремя загорающийся красный свет светофора, неумелая езда или глупость окружающих прекрасно вписываются в его схему, и в глубине души он рад им. Он тоже не замечает ничего вокруг себя, за исключением того, что вписывается в его игру, так что он как бы «жив наполовину». Тело этого человека — в машине, а его сознание рыщет в поисках недостатков и несправедливости.

3. К третьей категории относятся люди, «включенные» в окружающее, которые никуда не торопятся, потому что живут в настоящем, как бы в гармонии со всем окружающим их миром: небом, деревьями и ощущением движения. Торопиться — значит пренебрегать этим миром и думать только о том, чего еще не видно за поворотом дороги, или

о самых обыкновенных препятствиях, или исключительно о себе. Как-то один китаец спешил на электричку. А сопровождающий его европеец заметил, что они могут сэкономить двадцать минут, если сядут на экспресс. Они так и сделали. Когда они сошли у Центрального парка, человек, спешивший на электричку, к большому удивлению своего друга, уселся на скамью. «Если мы сэкономили двадцать минут, — объяснил он, — то можем позволить себе посидеть эти двадцать минут здесь, наслаждаясь пейзажем». Человек, «включеный» в окружающее, знает, что он чувствует, где находится и какое сейчас время. Он знает, что после его смерти деревья будут расти, как и прежде, но он их уже не увидит, поэтому он хочет увидеть их сейчас со всей остротой, на которую способен».

Гармонично слова Берна может дополнить цитата из книги Фромма «Здоровое общество»: «При изучении особенностей мышления отчужденного человека поражает, насколько у него развился рассудок и деградировал разум. Он принимает окружающую действительность как нечто данное: он хочет поглотить ее, потребить, пощупать и манипулировать ею. У него даже не возникает вопроса о том, что стоит за этой действительностью, почему вещи таковы, как они есть, и куда они движутся.

Нам дарует радость не то, что нас окружает, а наше отношение к окружающему, и мы бываем счастливы, обладая тем, что любим, а не тем, что другие считают достойным любви.

(Ларошфуко)

Большинство людей убеждено, что если их не принуждают открыто какая-либо внешняя сила, то их решения — это их собственные желания. Такое представление о себе — одна из величайших наших иллюзий. На самом деле значительная часть наших желаний фактически навязана нам со стороны; нам удается убедить себя, что это мы приняли решение, в то время как на самом деле мы подстраиваемся под желания окружающих, горячие страхи изоляции или даже более серьезных опасностей, угрожающих нашей жизни.

(Эрих Фромм)

...Создается даже впечатление, что с 19 в. по наши дни произошло заметное нарастание глупости, если под глупостью мы подразумеваем нечто, противоположное, скорее, разуму, чем рассудку. И, невзирая на то, что все ревностно читают ежедневные газеты, имеет место непонимание смысла политического события, что, по правде говоря, пугает, поскольку наш рассудок помогает нам производить оружие, которое наш разум не в силах контролировать. В самом деле, нам известно, как и что делается, но мы не знаем, зачем и почему. У нас много людей с хорошими и высокими интеллектуальными способностями, но наши тесты на интеллект определяют способность запоминать и быстро соображать, а отнюдь не способность мыслить. Все это действительно так, несмотря на то, что среди нас есть люди выдающегося разума, чье мышление не уступает по силе и глубине тем, кого когда-либо знала история. Но мышление таких людей отличается от обычной способности рассуждать, свойственной толпе, и на них смотрят с подозрением».

Свободен тот, кто может не врать.

(Альбер Камю)

В беде, где все пошло
наスマрку,
вразлом и наперекосяк,
велик душой, кто рад подарку,
что жив, на воле и босаяк.

(Игорь Губерман)

Второй составляющей является спонтанность, заключающаяся в способности человека реализовывать свое желание тогда, когда оно актуально. Для человека толпы свойственно разнесение появления желания и его удовлетворения. То есть человек толпы обычно удовлетворяет желание, которого либо уже давно нет, либо его никогда и не было, а была лишь навязанная окружением потребность, удовлетворение которой не способно дать истинного наслаждения. Человеку должно быть более важно вести счет (если их вообще надо считать!) своим прожитым дням, которые были наполнены удовольствием и свободны от дискомфорта, чем оставшимся дням его жизни, когда он потенциально МОЖЕТ

получать удовольствия (но чего обычно не случается). У большинства людей обычно все происходит наоборот, из-за чего их жизнь проходит в бессмысленной суете. Проходящие дни они тратят на погоню за возможностью получать удовольствия, а также на зарабатывание необходимых (по их мнению) для этого ресурсов. Вожделенное время наслаждений, как правило, в жизни таких людей так и не наступает.

Третья составляющая свободной личности — непосредственность поведения — дает человеку возможность реализовывать свое желание именно в такой форме, в какой ему этого хочется, а не той, которая социально одобряема. Когда человек, вместо того чтобы сделать что-то, не задумываясь о возможной реакции, начинает режиссировать свои действия, он становится актером, желающим получить своей игрой одобрение публики. А когда играешь роль, то невольно и сам оказываешься собственным зрителем, начинающим верить своей игровой лжи. И эти ненастоящие эмоции, изображаемые перед толпой, вытесняют истинные, которые должны были возникнуть в результате удовлетворения своего желания. Исполнение роли меняет личность в сторону замещения личности ролью. Если человек конформистски ведет себя в толпе, то постепенно становится человеком толпы в большей степени, чем это было раньше. Поэтому можно утверждать, что социальные ожидания формируют личность того, кто хоть сколько-нибудь начинает на них ориентироваться.

САМОДОСТАТОЧНОСТЬ

После того как человек прошел успешно предыдущие два этапа, его личность становится настолько прелестной, что мало кому удается удержаться от того, чтобы не полю-

бить себя самым сильным образом. И это становится началом в постижении человеком искусства любви. Трудами многих корифеев мировой психологии тщательно изучено и описано такое явление, как неспособность невротической личности к полноценной любви как к себе, так и к другим. Когда у человека есть серьезные невротические проблемы, его личность просто не в состоянии выработать психоэмоциональной энергии в количестве, необходимом и достаточном для любви к кому бы то ни было. А так как наш герой оздоровил свою душу, то она оказывается в состоянии готовности к этому чувству. И естественно, что первым же объектом для него оказывается столь привлекательная личность собственного хозяина.

Давно уже известно, что когда человека хоть кто-то, пусть и один-единственный субъект, по-настоящему любит, то он может быть счастлив даже в обстановке полной враждебности своего окружения. А раз так, то любовь к себе является тем «спасательным кругом» маргинала, позволяющим ему выдерживать травлю толпы. Я вовсе не берусь утверждать, что любой человек захочет ограничиваться в своей жизни только любовью к себе, отказываясь от возможности любить окружающих. Дело в том, что в реальной жизни дилемма перед людьми стоит со всем иного рода. Человек толпы из-за душевного нездоровья себя и окружающих вообще никакой (я говорю о настоящей любви, а не о том, что обычно называют в толпе этим словом) любви не

Мне свойственно чувство небезосновательной самовлюбленности.

(Андрей Кнышев)

— Отчего вы такой умный?
— Дело в том, мой дорогой друг, что я постоянно перечищуяю себя...

(Андрей Кнышев)

В их обществе у меня развивается сильный комплекс собственной полноценности.

(Андрей Кнышев)

Немногие могут выдержать одиночество и говорить истину, не боясь лишиться связи с другими людьми. Это — истинные герои человечества. Если бы не они, мы до сих пор жили бы в пещерах.

(Эрих Фромм)

имеет, в то время как маргинал хоть сам себя-то любит. Поэтому и бесится толпа обычно при виде маргинала, называя его «психом ненормальным», так как чувствует у него более высокую степень счастливости, чем у себя. Что касается любви от окружающих, то здесь маргинал на горьком опыте понимает, что надежд у него никаких, так как они просто не способны на это чувство. Как будто он не пробовал в толпе найти любовь! Но быстро убедился, что шанс у него появится только в том случае, если он встретит в своей жизни другого подходящего маргинала, способного ответить на его чувство взаимностью. Ну а до тех пор он готов удовлетворяться и собственными психоэмоциональными ресурсами. Отсюда и проистекает самодостаточность маргинала, так как он не тешит себя иллюзиями в отношении качества тех чувств, которые может получить у человека толпы. Это делает маргинала нечувствительным к оценке его личности окружающими представителями толпы, так как свои надежды на счастье в союзе с другим человеком он связывает с Альми парусами (или каким-нибудь другим подобным символом). Очень показателен рассказ писательницы Луизы Уайз об одной ситуации, в которой ей довелось оказаться. Она «однажды вышла из кабины лифта на нижнем этаже гостиницы и была встречена морем фотовспышек — это представители прессы ожидали выхода Элизабет Тейлор. «Вот она!» — закричал один из репортеров. Луиза подняла голову, и другой сказал: «Да это просто никто». — «Ну что ж, и да, и нет, — подумала она. — Кто мы и то, что мы делаем, имеет значение только для маленькой группы людей. Но

Величайшее несчастье — нуждаться в помощи людей, достойных нашего презрения.

(Кей-Кавус)

Я вовсе не хочу знать, что говорят обо мне за моей спиной — я и без того о себе достаточно высокого мнения.

(Оскар Уайльд)

Я живу — не придумаешь лучше,
сам себя подпирая плечом,
сам себе одинокий попутчик,
сам с собой не согласный ни
в чем.

(Игорь Губерман)

для них это имеет глубокое значение». Для тех, кто нас любит, если нам повезло иметь круг таких людей, мы всегда кто-то» (цит. по: Майерс Д. Социальная психология).

Человек толпы из-за возможного отвержения окружающими испытывает социальную тревогу. Такая тревога столь распространена в современном западном обществе потому, что люди очень далеки от самодостаточности независимой личности. У человека нет страховки в виде самопризнания на случай социального отвержения. Когда личность действительно независима, она оказывается не столь ранима социальным отвержением, так как для нее на первом месте стоит самоуважение и самопризнание. А у человека толпы безвыходное положение: если он не добьется признания у толпы, значит, он НИКТО!

И я совсем один,
И мне легко,
Что сам себе я господин,
И все холсты моих
Заброшенных картин
Покрыты сетью паутин.

.....
И снова на углу
Полно прохожих,
Однаковых на рожу,
До чего же все похожи!
Каждый день одно и то же,
Ах, за что же, милый Боже,
Сделал ты меня на них

похожим?

(Фрагменты песни
Андрея Макаревича
«Это новый день»)

Вот и получается, что для полноты счастья маргиналу требуется не обожание всей толпы, а любовь и уважение только тех людей, чье мнение для него значимо. Такие люди у каждого человека составляют так называемую референтную группу. У маргиналов референтная группа если и есть, то очень маленькая, так как им трудно найти друг друга. И, чтобы беспринципно не огорчаться по пустякам, маргиналам важно не допускать попадания в их референтные группы людей толпы. Принцип «на безрыбье и рак — рыба» в этом случае применять нельзя. Очень показательно в этом плане отношение художника к своей картине в романе Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея». Он показал ее своему другу, но на его восхищенные слова о том, что это шедевр и где

ее лучше выставить, чтобы она имела максимальный успех, он ответил: «А я вообще не собираюсь выставлять этот портрет». На недоуменные вопросы друга он лишь сказал: «Я вложил в него слишком много самого себя». После настойчивых просьб друга уточнить сказанное, он объяснил: «Всякий потрет, написанный с любовью, — это, в сущности, портрет самого художника, а не того, кто ему позировал. Не его, а самого себя раскрывает на полотне художник. И я боюсь, что портрет выдаст тайну моей души. ... Я не хочу обнажать душу перед любопытными и близорукими глазами других людей. Никогда я не позволю им рассматривать мое сердце под микроскопом. В это полотно я вложил слишком много души, слишком много самого себя». Получается, что художнику достаточно самому осознавать, что он написал талантливую работу, и услышать оценку близкого друга, для того чтобы испытать полное удовлетворение своей работой. А успех у широкой публики, слава, почет — все это для него незначимо, скорее, наоборот, он будет чувствовать дискомфорт из-за причастности толпы зевак к тайнам его души. Вот это и есть самодостаточность, основанная на любви к себе и своим близким, достойным этого чувства.

Чуждый суете, вдали от шума,
сам себе непризнанный
предтеча,
счастлив я все время что-то
думать,
яростно себе противоречу.

(Игорь Губерман)

Когда мне о престижной
шепчут встрече
с лицом, известным всюду и
везде,
то я досадно занят в этот
вечер,
хотя еще не знаю, чем и где.

(Игорь Губерман)

КУЛЬТУРНАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ

Самодостаточность маргинала дает ему одно очень важное качество: отсутствие почитания авторитетов. Вообще, авторитет как социальный феномен возможен только в

группе психически незрелых субъектов, так как представляет собой некритичное восприятие мнения человека, который ранее своими действиями или словами сформировал у этих примитивов убежденность в своей компетентности. Умный же и личностно независимый человек прекрасно понимает, что даже великий мудрец иногда может ошибаться. А раз так, то любое мнение, любой мыслительный продукт, из которых состоит человеческая культура, независимо от авторства следует воспринимать критично. А это уже закладывает основу свободы маргинала от всего комплекса культурных ценностей, на котором построена вся жизнь общества. Подобная свобода вовсе не означает, что маргинал на каждом шагу попирает все святое для современного человека толпы, шокируя всех своим цинизмом. Никто из сколько-нибудь разумных людей не станет утверждать, что вся культура современного человечества абсолютно никуда не годится и ее надо выбросить, живя только своим умом. Такая свобода дает лишь способность маргиналу выявить при случае какую-либо культурную ценность толпы, с которой он не согласен, отвергнуть ее и заняться поиском ее альтернативы.

Такой отвергаемой маргиналами культурной ценностью западной цивилизации прежде всего оказывается социальный статус как высшая цель жизни людей толпы, а также то, из чего он складывается: богатство, слава, власть. Вэл Нискер в своей книге «Безумная мудрость» рассказал одну историю, приключившуюся с китайским мудрецом Чжуан-цзы: «Как-то раз, когда Чжуан-цзы ловил рыбу в реке Пу, от

Непочтительность — моя единственная священная корова.

(Пол Краснер)

Вовсе не отъяненная бестия я умом и духом, но, однако — видя столп любого благочестия — ногу задираю, как собака.

(Игорь Губерман)

По ветвям! К бананам!

Где успех!

И престиж! Еще один прыжок!
Сотни обезьян стремятся вверх,

и ужасен вид их голых жоп.

(Игорь Губерман)

принца Чу прибыли два посланца и предложили ему стать первым министром государства. Продолжая удить рыбу, Чжуан-цзы сказал, не поворачивая головы: «Я слышал, что в Чу есть священная черепаха, которая умерла три тысячи лет назад. Она завернута в покрывало и помещена в ларец, который император хранит в родовом храме. Скажите мне, что предпочла бы эта черепаха: быть мертвой и почитаемой или быть живой и шлепать своим хвостом по грязи?» — «Она предпочла бы быть живой и шлепать своим хвостом по грязи», — ответили два придворных. Тогда Чжуан-цзы сказал: «Убирайтесь! Я буду шлепать своим хвостом по грязи!» Эта притча лучше всего передает жизненную позицию маргинала к названным выше ценностям толпы.

Власть для маргинала просто губительна. Слава ничего хорошего ему не даст, но от нее можно защититься. Славу можно обернуть в деньги, а также от нее можно получить удовольствие. Но верно это только для человека толпы. Для маргинала же это неприемлемо. Защититься от славы можно избежанием публичности и псевдонимом. Что касается богатства, то если оно неожиданно (а все рассматриваемое в этом абзаце подразумевается именно как неожиданное, к чему маргинат не стремился), то негативы не такие уж и страшные, а польза очевидная. Негативом может быть сблазн изменением образа жизни и своего круга знакомых в пользу людей толпы. Когда круг общения определяется богачами с невротичной психикой, то и маргинат со временем рискует превратиться в подобного («бытие определяет сознание»). Польза же состоит в том, что неожиданное богатство может избавить маргинала от необходимости отвлекаться на зарабатывание средств на жизнь. Таким образом, данные факторы социального успеха должны присутствовать в жизни маргинала лишь постольку, поскольку это позволяет заработать на жизнь по принципу разумной достаточности. Сверх этого наличие стремления к власти, славе и богатству в мотивации маргинала свидетельствует о его

личностной несвободе. Если же это все незапланированно сваливается на голову, то от первого — власти — надо бежать, от второго защищаться, а третье принимать избирательно (пользу без негатива).

РЕЛИГИОЗНАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ

В любой религии, распространенной в обществе, всегда присутствует сразу несколько аспектов. Одним из них является ритуализация текущей жизни человека, помогающей незрелой личности структурировать свое время жизни. Другим аспектом является использование религии человеком для приобщения себя к толпе, ее исповедующей: «Хочешь стать «нашим» — крестись на икону!» Третьим аспектом может служить некоторая психотерапевтическая функция религии, помогающая человеку справиться с какими-то своими внутренними проблемами. Четвертым аспектом можно назвать систематизацию человеком своих представлений о мире и своем месте в нем. Не берусь сейчас рассуждать о пользе или вреде религии для человека как в целом, так и в частностях. Не стану ратовать и за атеизм как радикальный вариант религиозной независимости. Последнее подходит далеко не для всех, так как последние два аспекта

Бог всегда союзник правителей.

(Эрих Фромм)

Приближайтесь к Богу не обрядами и церемониями, а внутренним чувством. Небеса — это не место и не время.

(Флоренс Найтингейл)

В лице своих богов человек рисует свой собственный портрет.

(Миллер)

Мне странны все, кто Богу служит, азартно вслух талдыча гимны; мой Бог внутри, а не снаружи, и наши связи с ним intimны.

(Игорь Губерман)

Подозрительна мне атмосфера безусловного поклонения, ибо очень сомнительна вера, отвергающая сомнения.

(Игорь Губерман)

религии скорее полезны, чем вредны, а полный отказ от веры может подорвать душевное равновесие человека. Но в первых двух аспектах религия маргинату не нужна, а вред от разделяемой с толпой веры может быть огромным, так как официальная религия всегда является социально-культурным механизмом манипуляции толпой. Поэтому в данном разделе под религиозной независимостью подразумевается не свобода от Бога вообще, а неподвластность человека действию религиозных механизмов удержания его поведения в социально приемлемых рамках.

В качестве гибкого варианта религиозной независимости я предлагаю процесс персонализации религии. Суть ее заключается в том, что маргинат создает под свою неповторимую личность индивидуальную религию. В этом данный процесс сильно отличается от подхода тех людей, которые при создании религии исходят из мессианской установки, напрягая свой интеллект для всего человечества. Персонализация религии, даже когда человек в этом процессе опирается на распространенную и устоявшуюся систему верований, может обусловить защиту не только от влияния толпы, но и от устаревания и догматизации религии, так как каждый верующий будет эту религию не слепо принимать, а модифицировать под свою личность, пропуская ее через себя и делая ее **СВОЕЙ** религией. Естественно, что такая персонализация религии не должна блокировать критичность человека, когда он полностью использует и аналитическую, и синтетическую составляющую своего мышления. Мало того, использование персональной религии дает возможность модифицировать ее в течение всей своей жизни вслед за естественным развитием личности.

Вообще можно выделить условно три подхода к формированию религиозной составляющей личности:

- 1) пассивный, когда человек слепо и безвольно принимает господствующую в обществе религию;

- 2) активно-пассивный, когда человек выбирает религию из нескольких доступных;
- 3) активно-конструктивный, когда человек творит персональную религию на основе своей внутриличностной предрасположенности.

Человеку, чувствующему себя недостаточно компетентным в религиозных вопросах, можно начинать со второго варианта. И уже после того, как человек более-менее освоился в основных положениях новой религии, можно переходить к третьему варианту, критично и творчески подходя к тем или иным элементам религии, которые у неофита вызывают определенное неприятие.

Более радикальный подход предполагает конструирование религии из отдельных «кирпичиков», которые человек получает после анализа нескольких существующих религий, используемых им как исходный материал для своего «конструктора». И совсем уж революционным является конструирование своей религии на «чистом месте» без какой-либо опоры на религиозный архив человечества. Этот подход предполагает максимальную реализацию творческого потенциала маргинала. При этом совсем не надо бояться «изобрести велосипед». Главное в этом вопросе — понимание, что персональная религия есть продукт твоей психической деятельности, и не важно, что она может оказаться очень похожа на какой-нибудь там индийский культ, о котором ты даже и не слышал.

Особенно осторожным следует быть маргинату с вхождением в состав какой-нибудь секты. Многие секты — это толпы, альтернативные доминирующей в обществе толпе. Такие секты, как волки, являются «санитарами» общества. Они подбирают «слабых и больных» членов общества, т. е.

Когда я в Лету каплей кану,
и дух мой выпорхнет упрото,
мы с Богом выпьем по стакану
и, может быть, простим друг
друга.

(Игорь Губерман)

тех, кто выпал или был выброшен из доминирующей толпы, но оказался недостаточно психически силен для судьбы маргинала и готов с радостью влиться хотя бы в альтернативную толпу в виде какой-нибудь секты. И если в доминирующей в обществе толпе у изгоя была хотя бы относительная свобода в силу огромности ее размеров (в большой толпе легче «теряться» из поля ее контролирующего внимания), то многие секты быстро становятся тоталитарными по степени жесткого контроля за соблюдением их членами групповых норм и широте охвата последними всех сторон жизни. Какой-либо личной свободы в такой группе у ее членов нет в принципе.

Глава 9. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ МАРГИНАЛА

Стратегические установки — это некие поведенческие заготовки, которые маргинал должен тщательно продумать и принять для себя как руководство к действию. Польза от таких установок заключается в том, что они нередко опускаются на уровень подсознания (для этого и надо сильно напрягать свой мозг над их обдумыванием) и позволяют иногда поступать чисто рефлекторно, когда ситуация требует быстрого принятия решения. Примерами таких ситуаций могут служить важные переговоры, быстротекущие конфликты, споры и др. Как я уже указывал ранее, к подобным установкам не следует относиться как догмам, этаким «священным коровам», принятым раз и навсегда. Полезно помнить, что подобные установки человек придумывает сам для себя и должен быть свободен от их власти над собой. Контроль разума человека над своими собственными установками должен обеспечивать ему возможность иногда не следовать им либо менять на другие, если этот самый разум

или какое-нибудь испытываемое человеком чувство решит поступить вопреки этим установкам. Я предлагаю некоторый набор стратегических установок, которые читатели-маргиналы могут либо считать своими, либо на их примере выработать свои собственные. Эти установки отображают МОЕ видение мира и МОЕ отношение к нему, и при этом я не рассчитываю быть своим читателям образцом для подражания.

ПЕССИМИЗМ В ОТНОШЕНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Для типичного представителя западной цивилизации нормой является безудержный оптимизм в отношении своего собственного будущего, а также будущего человечества и планеты, на которой оно обитает. Именно этот оптимизм лежит в основе сверхсильной мотивации достижения каких-то отдаленных целей, побуждающей человека современной толпы всю свою жизнь «крутиться как белка в колесе». Есть ли для подобной жизненной позиции хоть какое-то объективное основание? Я его не вижу. Если почитать труды виднейших мыслителей европейской (а теперь североатлантической) культуры за последние несколько столетий, то большинство из них предвещало наступление эпохи мира, милосердия и

Когда усилия науки
прольют везде елей и мед,
по любопытству и со скуки
все это кто-нибудь взорвет.

(Игорь Губерман)

Обезьяна сошла с ума и стала
человеком.

(Вячеслав Иванов)

Человек был создан в последний день творения, когда Бог уже утомился.

(Марк Твен)

Желание абсолютной справедливости для всех людей — мечта очень благородная, но это только мечта. Из плохой глины доброго горшка не получится, вот так же и с человеческим обществом, — ну, могут ли такие скверные животные, как человек, создать идеальное общество?

(Ричард Олдингтон)

процветания в рамках всего человеческого сообщества. Для этого оставалось сделать всего чуть-чуть, самую малость. В разные времена эти «чуть-чуть» были разными, но, как правило, носили характер либо технологических прорывов, либо политического устройства. Проходили десятилетия, предсказатели отправлялись в мир иной, человечество совершало эти самые преобразования, за которыми ожидалось наступление рая земного, но мир по-прежнему пребывал в мерзости и дикости, а вполне цивилизованные люди продолжали совершать поступки, ужасающие своей бесчеловечностью.

Если проанализировать историю человечества на предмет прогресса человеческого общества, итог будет печален — оного обнаружить не удается. Скорее наоборот, 20 в. отметился самыми бесчеловечными кровопролитиями, случившимися не где-нибудь на задворках цивилизации, а в Европе, считающей себя образцом для подражания всему остальному человечеству. И именно деятельность западной цивилизации поставила планету на грань экологической катастрофы. Но

О величине человека на земле мы говорим, беря за точку отсчета его же низость.

(Андрей Кнышев)

Я думаю — ученые наврали, —
Прокол у них в теории,
порез:
Развитие идет не по спирали,
А вкрай и вкось, вразнос,
наперерез.

(Владимир Высоцкий)

Бог создал все за шесть дней.
В Библии говорится, что Бог посмотрел на свое творение и «увидел, что оно хорошо». Некоторые безумные мудрецы полагают, что, возможно, это — первые из зафиксированных в письменном виде слова, сказанные с иронией.

(Вэл Чискер)

Путь от амебы к человеку начался философам очевидным прогрессом — хотя неизвестно, согласилась бы с этим мнением амeba.

(Берtrand Рассел)

Что заставляет нас думать, что мир прогрессирует? Кто может сказать, что человек сейчас лучше, чем он был некогда? Если уж на то пошло, кто скажет, что нам сейчас лучше, чем до того, как нас не было вовсе?

(Вэл Чискер)

Мы извлекаем из истории лишь один урок: история нас ничему не учит.

(Джордж Бернард Шоу)

по-прежнему записные оптимисты глобального масштаба обещают человечеству скорое наступление пресловутого земного рая, обусловливая его приход реализацией некоторых достаточно конкретных политических и технологических достижений. Все это бред «сивой кобылы». Ни человечество, ни мир, в котором оно обитает, лучше не станут. В данный момент в нашем обществе не появился и не появится в ближайшее время ни один сколько-нибудь значимый фактор, которого бы не было в предыдущие века и который мог бы кардинально изменить это самое общество. Наша жизнь лучше не станет. А раз так, то надо жить сегодняшним днем, стараясь взять от него максимум наслаждения, а не гнаться за миражами на горизонте далекого будущего, убивая свою текущую жизнь.

Глядя на наши достижения, хочется воскликнуть: «Велик человеческий разум! Куриный был бы как раз...»

(Андрей Кнышев)

У меня тревога за судьбу человечества — в моем лице.

(Андрей Кнышев)

Цветут махрово и упрямо плодов прогресса семена: снобизм плебея, чванство хама, высокомерие гавна.

(Михаил Губерман)

В мире людей
Даже луна почему-то кажется
Немного хворой.

(Исаак)

НЕПЕРЕСЕКАЮЩЕЕСЯ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ С ГОСУДАРСТВОМ

Государство как социальное образование к лучшему не изменится. Для таких улучшений должны присутствовать соответствующие факторы как в толпе, порождающей государство, так и в среде государственной бюрократии. Безнадежность толпы мы только что разобрали, а чтобы убедиться в том же самом в отношении государства, достаточно

внимательно ознакомиться с книгой Сирила Норткота Паркинсона «Законы Паркинсона». Исходя из такой безнадежной ситуации во всем, связанном с государством, а также с чрезвычайно низким качеством работы государства в настоящее время, следует стараться организовывать свою жизнь так, чтобы как можно реже оказываться в сфере действия государственных институтов. При этом оговорюсь, чтобы меня читатель понял правильно: я предлагаю не жить вне государства, а лишь игнорировать оказываемые государством услуги, которые, как правило, чрезвычайно низкого качества, и по возможности избегать регулирующего воздействия различных государственных органов. Пользу от государства по большому счету может получить лишь человек толпы, а маргиналу надо только стараться минимизировать тот вред, который ему причиняет государственный чиновник. Примером такой позиции может стать игнорирование пенсионной системы или системы государственных сертификатов об образовании. На государственную пенсию надо изначально не настраиваться, выбирая себе такую профессию, которая позволила бы плодотворно трудиться до самой смерти. А с образованием еще проще. Вот, к примеру, зачем человеку нужен документ об окончании средней школы? Чтобы поступить в институт или на работу в приличное учреждение. А зачем человеку нужен диплом о высшем образовании? Чтобы опять-таки поступить на приличную работу. Я, когда учился на факультете психологии МГУ, на занятия практически никогда не ходил, предпочитая учиться по книгам. Теперь я понимаю, что мог бы обойтись и без университетского образования. Во всяком случае, мой диплом мне сейчас писать книгу никак не помогает, да и официально я нигде не работаю. Так что он мне, в общем-то, без надобности... А представьте себе юношу, которого всему научил отец-маргинал без всякой там школы. Сертификат о среднем образовании парню, естественно, никто не даст, а без него и в армию не

возьмут — у парня-то образование 0 классов! Зачем в армии такие нужны. А уж прокормить он себя и свою семью всегда сможет и без сертификатов. Вон, Джек Лондон тоже был безграмотным официально, однако это ему не помешало неплохо жить и работать. Неужели человек, увидев талантливую картину на выставке живописи, в своем желании купить ее будет интересоваться наличием у ее создателя профессионального диплома?! Бумажка нужна там, где надо подтвердить свою способность к предстоящему труду, но у человека еще нет уже созданных продуктов своего прошлого труда. Поэтому, чтобы избежать потребности в такой бумажке, надо с раннего детства озабочиться созданием продукта, лучше всяких бумажек свидетельствующего о профессиональном и творческом уровне молодого специалиста.

Что касается профессиональных знаний, то официальное образование все равно мало чего стоит, так как обычно оказывается устаревшим на 10—15 лет уже в момент получения диплома в силу отсталости учебных программ и методических пособий от реальности. В мире, в котором знания так быстро устаревают морально, главным аспектом обучения ребенка является освоение им умения учиться самостоятельно после выхода из-под опеки воспитателя. Обычная школа (в том числе и высшая) этот момент никогда не станет отрабатывать.

ОТВРАЩЕНИЕ К ПОЛИТИКЕ

Выше я предложил расстаться с надеждами (у кого они еще есть) в отношении будущего толпы и государства. А раз нет надежд, то нечего и пытаться как-то изменить толпу или государственную власть. Некоторые радикально настроенные маргиналы тешат себя иллюзиями, мечтая свергнуть государственную власть. Но есть одна очевидная вещь — государство необходимо толпе. И если ее лишить

государственной власти, она моментально вместо нее со- здаст новую, ничуть не лучше прежней — «свято место пусто не бывает». Если предположить теоретически, что вся- ким там анархистам удастся свергнуть государственную власть, то возникает вопрос: что они будут делать с тол- пой? Ее ведь не переделаешь! Скорее она этих анархистов, а заодно с ними и всех маргиналов изведет «под корень». Так что ни толпу, ни ее государственную власть лучше не трогать. Если помойку меньше ворошить — дышать будет легче. И вообще, я убежден, что в России государственную власть ослаблять смертельно опасно, так как русская толпа из-за перегруженности человеческим «мусором», легко выхо- дит из равновесия и начинается смута. Как писал Григорий Померанц: «В России власть (за исключением периодов смуты) держит в своем железном ку- лаке скрытый хаос». Маргинат, требующий себе личной свобо- ды, должен понимать, что эта же свобода для толпы страшна свои- ми последствиями.

Итак, политики маргиналу лучше, на мой взгляд, сторо- ниться, но отказываться от свое- го права волеизъявления на вся- ких там выборах и референдумах не стоит. Так как толпа и госу- дарство могут быть только пло- хими, но степень плохости может быть разная, то не надо отказываться от поддержки тех политических начинаний, которые могут облегчить жизнь маргинала (например при- нятие закона об альтернативной воинской службе). Здесь важно различать политическую активность и пассивное во- леизъявление. Первая для маргинала либо бессмысленна, либо губительна, а второе может дать хоть какую-то пользу при минимальных затратах.

■ ■ ■ ■ ■
Ни вверх не глядя, ни вперед,
сижу с друзьями-разгильдяями,
и нагибаясь, чья берет
в борьбе мерзавцев
с негодяями.
■ ■ ■ ■ ■

(Игорь Туберман)

■ ■ ■ ■ ■
В час важнейшего в жизни
открытия
мне открывалось, тордымю гоня,
что текущие в мире события
превосходно текут без меня.
■ ■ ■ ■ ■

(Игорь Туберман)

НЕДОВЕРИЕ К ВЛАСТИ

Государственную власть маргинату уважать не за что. Сотрудничать с ней бесполезно, так как историческая практика показывает, что государственный чиновник любое хорошее начинание все равно извратит до неузнаваемости, превратив его в свою противоположность по полученному в конечном итоге результату. Атаковать власть по собственной инициативе глупо, так как в этой ситуации маргинат только подставляется под репрессивный аппарат государственных органов, провоцируя их на карательные меры в отношении всех маргинатов. Бороться с властью надо только ради защиты своих законных прав, которые власть попирает. Вот здесь полезно оказывать солидарную поддержку любому маргинату, который оказался в одиночку против всей государственной машины.

ИЗОБРЕТАТЕЛЬНОЕ И АККУРАТНОЕ ИГНОРИРОВАНИЕ ЗАКОНА

В обществе есть расхожее мнение, что закон надо уважать. Для маргината это глупо. Во-первых, сутью закона являются накладываемые обществом на человека какие-либо ограничения его поведения. Разве можно уважать кандалы на своих руках! Во-вторых, закон — это прокрустово ложе, на которое маргинату лучше всего вообще не укладываться, так как он однозначно не подойдет под его стандарты, что чревато очень тяжелыми для него последствиями (вспомните, что делал Прокруст с такими оригиналами!). В-третьих, наши законы, как правило, настолько плохо написаны, что об уважении к ним просто речи никакой быть не может. Но соблюдать их надо. Следует помнить, что для судебных и правоохранительных органов государства маргинатальность является отягчающим

обстоятельством, а пребывание маргинала в «местах не столь отдаленных» чрезвычайно опасно для его жизни и здоровья. Только соблюдение маргиналом закона должно быть творческим. Изобретательному маргиналу нет надобности грубо и откровенно нарушать букву закона — его можно просто обойти, ибо он писан для толпы с примитивным разумом.

Представьте себе, что вы идете по дороге и вдруг поперек нее видите забор с объявлением о том, что дальше двигаться по каким-то причинам нельзя. Перед забором стоит в растерянности толпа путников, которые не знают что делать. Вы, недолго думая, залезаете на стоящее рядом высокое дерево и обнаруживаете, что забор-то оказывается в стороны от дороги отходит от силы метров на сто, а дальше чистое поле. Поэтому для продолжения пути перелезать через забор, нарываясь на карательные меры власти, вовсе не обязательно. Достаточно просто сделать в своем путешествии небольшой крюк. А если и поймают «церберы» дальше по дороге, то всегда можно закосить под дурака, сказав, что вы, мол, любите путешествовать не по дороге, а напрямик, по лесам и полям. Поэтому на своем пути никаких ограничителей и запретных знаков не видели. Да и вообще, за хитрыми и изобретательными маргиналами гоняться по одиночке государственным чиновникам не с руки — у них забота обо всем «стаде» сразу. Никогда законодательная неповоротливая машина не будет успевать закрывать уйму различных лазеек в законах, которые она же и порождает своей неквалифицированной работой.

Только в отношении людей со средним достатком законы действуют со всей своей силой; они в равной мере бессильны и против сокровищ богача и против нищеты бедняка; первый их обходит, второй от них ускользает; один рвет паутину, а другой сквозь нее проходит.

(Жан Жак Руссо)

Наши законы убийственно гуманны.

(Андрей Кнышев)

ПОИСК ДРУГИХ МАРГИНАЛОВ

Любому маргиналу следует понять, что он не один в этой вселенной, что среди толпы есть и другие, чем-то родственные ему люди, с которыми он может начать активное взаимодействие, делающее его жизнь приятнее. Не следует на основании своего печального опыта взаимодействия с толпой замыкаться в себе, потеряв всякую надежду на встречу с человеком, который мог бы его понять и не попытаться при этом сделать его своей собственностью. Маргиналам следует настойчиво искать друг друга, создавая ассоциативные сети распространения информации о себе в надежде на то, что среди них найдутся совместимые с ними личности для тесного взаимодействия. Например, мои читатели могут попробовать завязать такие знакомства через меня, связываясь со мной по электронной почте e-mail: gladyshev_sergei@mail.ru. Со временем такая почтовая связь может перерости в некую самоорганизующуюся информационную сеть маргиналов.

Каким бы человек ни был, он всегда кому-то нравится.

(Андрей Кнышев)

Так, одиноко,
не отыскав на земле
душу родную,
в хижине ветхой своей
буду я век коротать...

(Матибана Акэми)

СОЗДАНИЕ АССОЦИАЦИИ МАРГИНАЛОВ

Маргиналам полезно было бы создать некую общественную организацию ассоциативного типа с мягкой структурой, не препятствующей сохранению маргиналами своей индивидуальной свободы, но позволяющей оказывать друг другу помочь в экстремальных ситуациях противоборства с властью или толпой.

ЗРЕЛОСТЬ В БРАКЕ

Я считаю адекватной для маргинала следующую установку: первый брак — тренировочный. Это не значит, что молодоженам-маргинам через два-три года надо обязательно разводиться. Просто надо быть психологически готовым к тому, что высока вероятность неудачи первого брака, так как заключают его люди не только не умеющие совместно сосуществовать, но еще и отягощены ярко выраженной индивидуальностью, создающей дополнительные проблемы в «притирке» друг к другу в совместной жизни. Поэтому в первом браке в первые три года неосмотрительно заводить ребенка. Только по истечении этого срока, если супруги пришли к выводу, что им действительно удалось создать более-менее прочную пару, можно перестать относиться к своему браку как к тренировочному и переходить к расширению состава семьи.

Брак не может быть счастливым, если супруги до вступления в союз не узнали в совершенстве нравы, привычки и характеры друг друга.

(Оноре де Бальзак)

ОТВЕТСТВЕННОЕ ОТНОШЕНИЕ К ДЕТЬЯМ

Маргинал должен подходить очень ответственно как к вопросу заведения детей, так и к их воспитанию. Следует всегда помнить, что безответственное отношение к этому вопросу увеличивает состав толпы. Ребенка может позволить (морально) себе только тот маргинал, который чувствует в себе силы и способности вырастить нового маргинала с гармонично развитой психикой. Молодым людям, прежде чем заводить детей, полезно вначале проверить свои родительские и воспитательские способности на домашних

растениях и животных. Как можно решаться на рождение ребенка, если у тебя дома оказываются не в состоянии выжить самые выносливые растения, и домашняя кошка на дню по несколько раз получает жестокую трепку (или, наоборот, превращает квартиру в сумасшедший дом, попав в условия вседозволенности)?

Если ребенок уже появился, но родители обнаружили себя неспособными к егоциальному воспитанию, допустима передача ребенка на воспитание другой семье маргиналов, проявившей больше к этому талантов. Правда, здесь следует понимать одну истину: ребенок, воспитанный не вами, — не ваш ребенок! Я подразумеваю не юридическую сторону вопроса, а психологическую. Вообще, мне не нравится, что в основе наследственного права и этики лежит биологический фундамент. Получается, что для людей тело человека важнее души. Биологические родители формируют тело, а душу — воспитатель. И если воспитал ребенка не родитель, а наемный учитель, то, на мой взгляд, именно он и должен считаться его настоящим отцом, так как в человеке значение души намного превышает ценность тела. Поэтому в право и этику должен быть положен примат психологического наследования по отношению к биологическому.

ГОТОВНОСТЬ К РАЗРЫВУ С ОКРУЖЕНИЕМ

Человеку толпы свойственно считать, что тот микросоциум, в котором он существует, вечен. Например, каждый раз, создавая свою семью, люди толпы убеждены, что этот брак последний в их жизни. И такая позиция никак им не мешает жениться или выходить замуж по несколько раз каждому. Маргиналу еще труднее сходиться с людьми, поэтому ему должна быть свойственна установка, что сложившийся вокруг него на данный момент микросоциум не

вечен и высока вероятность его выхода из него по истечении какого-то времени. Здесь возможны три варианта микросоциума: родительская семья; союз с маргиналом; союз с человеком толпы. Маргинал родительскую семью всегда перерастает, так как он результат своей работы над собой суммирует с переданным ему родителями культурным материалом. К тому же у человека в его развитии слишком много вариантов направленности интересов, которые с малой вероятностью будут совпадать с интересами первичного окружения — родителей ведь по интересам не выбирают! Последний фактор действует и в варианте союза с маргиналом, когда к различию жизненных позиций может привести не только разнонаправленное развитие людей, но и различная скорость происходящих в человеке изменений. Что касается союза маргинала с человеком толпы, то свободная личность, занятая отношениями с невротиком, оказывается перед необходимостью ради реализации своих потенций заниматься психотерапией своего партнера, таща его за собой как гирю на ногах. Но насколько же это безнадежное занятие, когда «клиент» не хочет совершенствоваться, но горит желанием переделать тебя, заставив быть «таким как все». Надо уметь вовремя оборвать такие связи, осознав бесперспективность существующего союза.

«Молодой человек представляет гостям свою молодую супругу, с которой они только что провели медовый месяц:
— Познакомьтесь: это моя первая жена!»

(Андрей Кнышев)

ПОИСК СВОЕЙ ЖИЗНИ ПЕРЕБОРОМ

Мне кажется, что не следует сильно ломать голову над планированием своего отдаленного будущего. В поиске приятной жизни надо опираться на свои чувства, планирует же всегда разум. Только ощущение удовлетворения или его от-

существие может дать основание для решения сохранить жизнь такой, какая она есть, или же продолжить дальнейший поиск. Но даже приятная в данный момент жизнь не должна рассматриваться как найденное счастье раз и навсегда. Изменится человек, изменится его жизнь, и удовлетворение от прежнего образа жизни исчезнет, побудив маргинала к новым поискам.

Не рассчитывай на завтрашний день, пока он не наступил, ибо никто не знает, какие беды этот день принесет.

(Древний Египет)

НЕУЧАСТИЕ В РЕГУЛЯРНЫХ ПРОЦЕССАХ

Борьба за свободу включает и уход от включенности в регулярные процессы, когда ты вдруг можешь оказаться в ситуации обязанности сделать что-то конкретное к строго определенной date (принцип дедлайн). Пример для писателя: написание книги на определенную тему определенных размеров к точной date по заказу издательства; написание серииной книги, когда содержание ее частично задается предыдущими книгами серии; работа в периодическом издании. Подобное отношение к работе для маргинала — рабство, так как он вынужден делать то, к чему у него в данный момент может не быть расположения.

Я жизнь свою организую, как врач болезнь стерилизует, с порога на х... адресую всех, кто меня организует.

(Игорь Туберман)

Продолжая пример с писателем, скажу, что мне, например, намного милее писать эту книгу, не будучи связанным никакими обязательствами ни перед кем. Вот когда напишу, тогда и начну искать варианты ее издания, предлагая к рассмотрению уже готовый продукт. С таким подходом книга у меня получится именно такой, какую захочет моя душа в момент ее написания.

ГОТОВНОСТЬ К СОЦИАЛЬНОМУ НЕУСПЕХУ

Отказ от мотивации, построенной на ценностях толпы, приводит к тому, что маргинал сознательно отвергает соревнование с людьми толпы за достижение социального успеха. А раз так, то ему будет полезно изначально настраиваться на отсутствие в своей жизни социального успеха. Он, конечно, может и прийти неожиданно, как, например, слава талантливого художника, но тому не следует писать свои картины, рассчитывая на признание толпы. Ориентация на успех у толпы может погубить его творческий потенциал, не говоря уже о неизбежной невротизации его личности и постепенном превращении в человека толпы.

Женщины и мудрецы не должны принимать участия в суете.

(Александр Галич)

Решать я даже в детстве не мечтал задачи из житейского задачника, я книги с упоением читал, готовясь для карьеры неудачника.

(Игорь Губерман)

Не стоит и расписывать подробней, что личная упрямая тропа естественно скучней и неудобней проспекта, где колышется толпа.

(Игорь Губерман)

Я себя расходую и трачу, фарта не прося мольбой и плачем; я имею право на удачу, ибо я готов и к неудачам.

(Игорь Губерман)

Глава 10. КОНТАКТНАЯ ЗАЩИТА

Данная глава посвящена рассмотрению нескольких (но далеко не всех!) защитных механизмов, применение которых может облегчить маргиналам их противостояние толпе.

СЛУШАТЬ СЕБЯ

Применение данного механизма поможет маргиналу в ситуации, когда ему люди толпы навязывают чуждые ему потребности, образ жизни, роли, себя, взаимодействие с собой. Суть механизма проста и сводится к обращению за последним в процессе принятия решения словом к главному арбитру — своему чувству. Смысл этого вопроса, задаваемого себе, можно выразить такими словами: «А нужно ли это мне? Действительно ли я хочу то, что мне так настойчиво предлагаю?» Если чувство ответит отрицательно, значит, так тому и быть — отражайте настойчивого предлаторя решительно и бесповоротно. Додуматься до такого механизма защиты несложно — он очевиден. Проблемы у людей обычно возникают в связи с его применением: они, как правило, сталкиваются с тем, что умны «задним умом», когда понимание невыгодности, неприятности для себя принимаемого решения приходит уже после того, как оно реализовано. На это я могу лишь посоветовать обратиться к психологу-специалисту, если все рациональные рассудочные усилия

В конечном счете, удовольствие — советчик более надежный, чем правота или чувство долга.

(Сэмюэл Батлер)

Меня очень не любят эстеты, —
Мол, какой-то он стал не такой,
Мол, судьбу бунтаря и поэта
Променял на колпак поварской,
За то, что я не подвержен зажимам,
И с унисексом, увы, не дружу,
И еще не воюю с режимом,
И еще не курю анашу.
И что, согласно традиции русской,
Помереть раньше срока не смог
И все рвался с тропиночки узкой,
По которой ползет русский рок.
Отвечаю им всем при народе,
Что за долгие годы и дни
Уж если я и мечтал о свободе,
То в том числе и от их болтовни.
И всегда, если мог,
избавлялся
От того, что мешало ходьбе,
И при этом собой оставался,
И гулял только сам по себе.
И, не спросясь у эстетов совета,
Сам решал, куда плыть кораблю,
Меня очень не любят эстеты (за это),
Я их тоже не очень люблю.

(Андрей Макаревич)

не приводят к желаемым результатам в реальном поведении, и требуется более глубокое профессиональное воздействие на психику. К тому же на пути формирования умения слушать себя может оказаться какая-либо невротическая проблема, с которой без квалифицированной помощи не всегда удается справиться. «Слушать себя так трудно потому, что это искусство требует способности, редко встречающейся у современного человека: способности оставаться наедине с собой. Более того, у нас разилась боязнь одиночества; мы предпочитаем самую пустую и даже неприятную компанию, самые бессмысленные занятия пребыванию наедине с собой; похоже, мы страшимся перспективы встретиться с собой лицом к лицу. Не потому ли, что чувствуем, что наедине с собой окажемся в плохой компании?» (Эрих Фромм).

Насквозь ложное представление, будто добродетель требует жертвовать своими желаниями и уже в одной этой жертве и состоит. Поступок не может стать добродетельным потому лишь, что совершать его неприятно.

(Сомерсет Моэли)

Луна или утренний снег...
Любясь прекрасным, я жил,
как хотел.

Вот так и кончу год.

(Басё)

Чтобы избежнуть липких нитей
хлопот и тягот вероятных,
я сторонюсь любых событий,
душе и разуму невнятных.

(Игорь Губерман)

НЕЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ К ОЖИДАНИЯМ

В социальной психологии хорошо известен эффект неблагодарности. Чем больше ты делаешь людям добра (к которому можно отнести и высказывание комплиментов, на примере отношения к которым данный эффект особенно хорошо виден), тем больше они тобой недовольны. Проявляется это тогда, когда творимое тобой добро его получателем ожидается. У получателя доброты «аппетит

приходит во время еды», и он ожидает от добродетеля все большего и большего, что со временем упирается в пределы возможности или готовности делать это добро. Причем ожидаемое, как правило, не вызывает у получателя никакой благодарности по отношению к своему благодетелю, так как он в своих ожиданиях уже обвыкся с тем, что планировал получить и, в итоге, принимает его как должное. И рано или поздно, но ожидания остаются неудовлетворенными, а добродетель за все свои старания получает негативную реакцию от получателей. Ярким примером неблагодарности за совершенное может служить негативизм рыбака по отношению к Ланселоту в фильме «Убить дракона». Когда Ланселот, сидя в пещере, решил уйти прочь, рыбак отказался с ним пить. Для него было важно не то, что сделал рыцарь в недалеком прошлом, а то, что он не стал делать в настоящем вопреки ожиданиям окружающих.

Несвободный человек в этой ситуации может действовать двояко. Первый вариант простой — соответствовать ожиданиям. Второй вариант сводится к протесту: ждешь — не получишь, не ждешь — получи. Второй вариант на первый взгляд получше, но по-прежнему человек остается в зависимости от поведения получателя блага. Это дает возможность умному противнику манипулировать им. Примером может послужить манипуляция жены своим мужем, который руководствуется правилом «послушай, что предложит женщина, и сделай все наоборот». Она и предлагает противоположное тому, что ей на самом деле надо.

Мы равнодушно принимаем заслуженные комплименты и с признательностью выслушиваем те, на которые, насколько нам известно, мы не имеем права.

(Оливер Голдсмит)

Какие бы похвалы нам ни расточали, мы не находим в них ничего для себя нового (потому что все это мысленно не раз нами самими было сказано в свой адрес. — С. Г.).

(Ларошфуко)

Более правильным поведением будет спонтанное, т. е. не-предсказуемое для окружающих, не понимающих и не знающих твоей души. Спонтанный человек поступает всегда так, как велит ему его душа, совершенно нечувствительная к ожиданиям окружающих. При этом если то, что он делает, совпадает с ожиданиями окружающих людей, то он остается равнодушным к их реакции. Благодарен тебе человек или принял твой поступок как должное — какая разница? Ведь ты делал это не ради его благодарности, а потому что твоя душа этого захотела. А раз так, то и прислушиваться надо к реакции твоей собственной души на содеянное тобой. Только такая жизненная позиция делает человека свободным от ожиданий окружающих людей.

Хорошим примером такого поведения может послужить заметка «Простые вещи» в журнале «Эксперт» (№ 18 от 14 мая 2001 г.), рассказывающая о концерте Петра Мамонова, который вышел на сцену после долгого перерыва. Начинается она с того, что описывает поведение, оказавшееся неожиданным для публики, давно не видевшей своего кумира: «Песен тут практически не было — Мамонов давно не пишет песен, он читал стихи под аккомпанемент однозначного, густеющего на глазах электронного бита, говорил в три микрофона разом, один из которых превращал слова в гулкую кашицу, поминутно хватался за гитару и извлекал из нее сиротливые, едва слышные нотки, вставал на колени и кричал: «Старость! Усталость!» или произносил длинный монолог про то, как было тогда, в те времена... А то начинал рыться в бумажках и, достав одну, читал с нее что-то на странном, почти птичьем языке, не то польском, не то румынском, не то просто так слова заплетаются, что не расплести. ...Публика, что набилась в небольшой зальчик клуба «Дом», была по большей части ошарашена. Они все-таки ждали... Чего? Ну, старых песен, наверное, звуков му, а не вот этих странных... Да и Мамонову было неловко: мало у меня материала, говорил он, извините уж, старое петь не

буду, не могу, но, может, на вопросы ответить?... Но публика все-таки роптала и кричала «Спой!», и слала язвительные записочки, что, мол, это что — евангелие от Мамонова? Ну да, говорил, вот так живу теперь, и одному нахальному малому, что пытался спорить, отвечал: да в этом весь кайф, правда, что я тебе, вру, что ли? Зачем? Чтобы кинуть?»

Что-то подобное продемонстрировал на своем концерте Том Уэйтс в Варшаве: «На все полные обожания выкрики из зала Уэйтс отвечал иронично и остроумно, но в то же время давая понять, что ему и без рекомендаций неплохо. «Raindogs» — требовали из зала. «Да, да, я знаю такую песню», — отвечал Уэйтс и пел, что считал нужным». («Эксперт», № 21 от 5 июня 2000 г., «Идол в пыли»)

ВСТРЕЧНЫЙ ОГОНЬ

В тушении лесных и степных пожаров иногда применяется такой прием. Когда до фронта огня становится близко настолько, что тяга огня начинает формировать к себе встречный ветер, перед ним зажигают цепочку встречных пожаров. Когда естественный и искусственный пожары встречаются, они «убивают» друг друга (вокруг них не оказывается топлива для продолжения горения). На в чем-то похожем принципе построен и этот защитный механизм.

Иногда происходят ситуации, в которых ожидания окружающих людей нельзя игнорировать, так как под них они сами начинают менять свое поведение в худшую для маргинала сторону. Это относится как раз к предрассудкам, когда по внешнему виду человека другие люди относят его к той или иной социальной группе и начинают с ним обращаться соответственно. Вспомните фильм «Красотка», в котором проститутка, одетая в профессиональную одежду, зашла в фешенебельный бутик. Продавщицы ее тогда без всяких разговоров отказались обслуживать.

Чтобы не давать ситуации развиваться в нежелательном для вас направлении, можно заставить того человека, который, скорее всего, в отношении вас сделал определенные выводы, засомневаться в правильности своих предположений. Для этого обычно бывает достаточно задать ему прямой вопрос с видом и интонациями, ясно дающими понять окружающим, что вас забавляет комичность этой ситуации: «Вы меня приняли за проститутку?» Обычно такая атака человека сильно смущает, и он начинает неловко оправдываться: «Нет, ну что вы, как я мог...» После этого можно разговор не продолжать и заниматься своими делами, так как растерянный собеседник, вашим вопросом убежденный в своей ошибке, лихорадочно сам начинает искать возможные уважительные объяснения того, почему вы так странно для его восприятия выглядите. Но можно и добить его фразой: «Ну-у-у, вы так красноречиво на меня посмотрели...» После этого красный как рак собеседник будет готов на все, только бы исправить свою промашку. Но чего нельзя делать ни в коем случае в подобной ситуации, так это объяснять самому, почему у вас такой необычный вид. Ваши объяснения всегда проигрывают тем, которые собеседник придумает за вас, а возможная фальшь в случае вашей лжи моментально разрушит произведенный вами только что эффект. Представьте себе, что в упомянутом фильме героиня начала бы разыгрывать из себя светскую даму, которая любит гулять по трущобам, переодетая в проститутку. Плохо владея замашками светской львицы, она моментально разоблачит себя (продавщицы-то бутиков стольких аристократок на своем профессиональном веку повидали!). И даже правду о себе не надо рассказывать, так как и она может не понравиться вашему собеседнику. Если он вас принял за гея, а вы ему объяснили, что вы всего-навсего добродорядочный байкер или рокер, отбившийся от своей банды, то где гарантия, что он байкеров любит больше, чем геев? Да и зачем сообщать постороннему человеку лишнюю (для вас) информацию о себе — это ограничивает вашу свободу.

УГРОЗА ЖЕРТВОЙ

Хорошо известно, что в поединке часто побеждает не тот, кто сильнее, а тот, кто готов ради победы идти на большие жертвы. Так, например, человек, способный в случае чего на поступок — скажем, убийство — с тяжелыми для себя последствиями, вызывает у обычного человека жуткую оторопь. В статье «Если позовешь и сердцем крикнешь» («Известия» от 10 октября 2001 г.) Валерий Абрамкин, известный правозащитник, сидевший в советские времена в уголовном лагере за клевету на советскую власть, рассказывает: «Убийцы — в тюрьме самые надежные люди. Мошенники и воры тоже, конечно, интересный народ, но ненадежный: опер нажмет, расколется. А убийцы... В камере, где сидит убийца, никогда не бывает произвола». Часто человек обижает маргинала в расчете на то, что это ему ничего плохого не принесет, так как за собой он ощущает силу всей толпы. Но когда уязвленный маргинал дает тому понять, что за свою свободу он готов пойти на многое, то у любого здоровяка может пропасть всякое желание и дальше куражиться. Представьте себе щуплого «ботаника» против толпы грозных качков. Исходные условия коллективных «героев»:

«Если ты вякнешь что-то против нас — замочим». Естественно, они уверены в своем превосходстве. А теперь ответ «ботаника»: «Если вы, ублюдки, не уберетесь с дороги, я за себя не отвечаю. Я не тешу себя иллюзиями и понимаю, что живым мне против вас и пару минут не продержаться, но предупреждаю: за то время, пока вы меня будете рвать на части, я кому-нибудь из вас либо ухо, либо нос откусу точно». Качки после этого понимают, что предполагаемое развлечение оборачивается слишком серьезно. Каждый начинает

Глаза мои видели, слышали
уши.
я чувствовал даже детали
подробные:
больные, гнилые, увечные
души —
гуляли, калеча себе
не подобные.

(Игорь Губерман)

подумывать о том, как он будет выглядеть без носа или уха и стоит ли это минутного развлечения, если выбор зубов «доходяги» падет именно на него. А там еще и «отмазку» для следователей за возможное убийство искать придется. Нет, инициаторов делать первый шаг в направлении героя почему-то не находится, пока кто-то не находит спасительную формулу: «Слушайте, да он же бешеный. Ну его на фиг, еще заразимся, потом уколы от бешенства делать придется. Да-вай, щенок, вали отсюда, да смотри больше на нашей улице не показывайся, а то мы тебе ноги повыдергиваем». В итоге победителем вышел слабый, так как он и «прыгнул» на толпу хулиганов, и ничего за это плохого не получил.

ТАКТИКА ВЫЖИВАНИЯ ДУШИ В ЗОНЕ СМЕРТИ

Данный механизм предназначен исключительно для тех случаев, когда маргинал попадает туда, где его могут убить или покалечить: армию или тюрьму. Помимо того, что в таких условиях отлично срабатывает и рассмотренная выше «Угроза жертвой», полезно для себя уяснить следующее: в армию или тюрьму попадают надолго, и разовыми уловками ситуацию не спасешь. Здесь требуется основательная защита на длительный срок. Маргиналу в такой ситуации следует сразу уяснить для себя следующее: побоев и издевательств не избежать. А раз так, то необходимо продумать такую тактику поведения, чтобы минимизировать потери. Начинать надо с выбора, что спасать в первую очередь: тело или душу. Наиболее слабые духом больше ценят свое тело (потому как душа у них такого качества, что не представляет большой ценности даже для них самих). Для того чтобы избежать побоев, они готовы поступиться своим человеческим достоинством и начинают угоджать своим истязателям. В этом заключается их главная ошибка: их начинают презирать, и

после этого бьют с еще большим удовольствием. У садистов такой жертвы появляется азарт психолога-экспериментатора: «А что еще можно заставить его делать под угрозой мордобоя?» Конец такой игре «кошки» с «мышкой» обычно наступает не скоро и только тогда, когда и тело жертвы в плачевном состоянии и душа практически уничтожена. Уничтожена настолько, что жертва перестает быть интересной для садиста-экспериментатора.

Более эффективной в плане защиты оказывается иной выбор, когда маргинал сам жертвует тело, списывая его со своего личного баланса задолго до того, как доходит дело до побоев. Он понимает, что здоровье свое, скорее всего, оставит здесь, в казенном месте. Поэтому беречь надо только свою душу. После этого остается только превратиться в живой труп, в котором где-то глубоко, в недоступном для садиста месте, затерялась блокированная от любых поведенческих проявлений душа. Если станут бить, то расстраиваться нечего: бьют ведь тело, которое уже списано, так что не особенно-то и жалко. А до души им не добраться. Для этого надо лишь не выполнять какие бы то ни было требования палачей. Здесь можно перефразировать слова из песни Андрея Макаревича «Флюгер»: «Ведь бить смысла нет, когда никто не крутится в ответ». В итоге у садистов быстро пропадает желание «месить» бесчувственное тело, и они оставляют свое занятие, не приносящее им никакого удовлетворения. А если среди толпы найдется любитель потренировать свою технику ударов на «живой груше», что может продолжаться бесконечно долго, то его можно и напугать «Угрозой жертвы», чтобы он понимал, что «груша» может вдруг внезапно взбеситься и превратиться в импровизированного бультерьера: «Послушай меня внимательно, урод. Я, конечно, понимаю, что ты меня будешь продолжать бить и сейчас, после моих слов, хотя и осторожно, с опаской. Но учти — когда-нибудь свою осторожность ты потеряешь, и я, выбрав момент, брошусь на тебя и если не хребет сломаю,

то что-нибудь да покалечу. Ты же не будешь каждый раз перед «тренировкой» тщательно меня обыскивать, проверяя, не спрятана ли у меня на теле где-нибудь какая-нибудь «заточка»?»

ПРАВИЛО ПОДДЕРЖКИ МЕНЬШИНСТВА

В психологических экспериментах, в ходе которых изучалось влияние на человека, формировалась из подсадных участников группа, в которую добавлялся один реальный испытуемый. После этого всем давались очень простые задачки (по одной всем сразу), и они по очереди должны были высказывать свои варианты ответов. Испытуемый находился всегда в конце очереди, и на него, очевидно, оказывалось давление группы, члены которой высказывали свой вариант ответа на задачу вслух до него. Подсадные участники намеренно давали неверный ответ, побуждая испытуемого отказаться от очевидного и под давлением назвать ответ, с которым он внутренне был не согласен. Как минимум половина всех испытуемых не выдерживала давления и начинала повторять неверные ответы вслед за группой. Затем было внесено изменение в эксперимент, заключавшееся в том, что среди группы подсадных один человек обязательно давал верный ответ, противоречащий мнению группы. После этого количество испытуемых, поддававшихся давлению группы, упало в несколько раз. Это показывает, что если в толпе есть хотя бы один человек, открыто возражающий против мнения большинства, то сразу же активизируют свое несогласие с толпой и другие представители меньшинства. Поэтому маргиналам полезно взять за правило ВСЕГДА поддерживать меньшинство, если его мнение не противоречит кардинально мнению самого маргинала. Это может сформировать у людей,

которые когда-то оказывались в меньшинстве и испытавших поддержку маргинала, готовность ответить ему тем же в ситуации, когда уже он будет оппонировать толпе. Причем поддержка необязательно должна носить характер «броска на амбразуру», когда поддерживающий перехватывает инициативу возражения у «меньшевика». Это можно сделать и в форме призыва к окружающим прислушиваться ко всем точкам зрения, что, мол, с гениями всегда поначалу никто не соглашается, и т. д.

Следуя этому правилу, евреям и русским, являющимся в современном мире народами-изгоями, желательно поддерживать друг друга в противостоянии агрессивному большинству человечества, даже невзирая на различия в своих жизненных позициях.

СТАВИТЬ ПЕРЕД ФАКТОМ

В ситуации, когда маргинал оказывается перед принятием решения о кардинальном изменении своей жизни, ему не следует говорить окружению о своих ближайших планах. Оповещать всех следует только тогда, когда им не просто уже принято решение, но и, желательно, когда им уже совершено какое-либо действие с необратимыми последствиями. Например, о моем первом уходе из первого вуза мои родственники узнали только тогда, когда я уже оформил все документы об отчислении. Когда я второй раз бросил учебу в институте, мои родственники об этом узнали из моего письма, которое я им написал уже из армии.

ЗНАТЬ ОСНОВНЫЕ МАНИПУЛЯЦИИ

Любому человеку, которому не посчастливилось жить среди людей, полезно знать суть и конкретные механизмы

основных вариантов манипуляций, которые в толпе применяются ее членами друг против друга. Дело в том, что манипуляция, обнаруженная ее жертвой, обычно обращается против самого манипулятора. Даже если вы не собираетесь контратаковать того, кто пытался вас «взнуздать», лучшей защитой будет компетентность во всех его «заморочках», которые он может попытаться против вас применить. Тогда вы будете в состоянии опознать их по его первым же ходам и блокировать дальнейшее развитие ситуации в нежелательном для вас направлении. Научиться этому можно по соответствующей литературе. Ранее мною была написана книга «Борьба бульдогов под ковром», в которой я подробно описал целый ряд приемов деловой борьбы. Для житейских ситуаций далеко не все они подходят, но основные принципы и там, и в обиходе те же. Если поискать на книжных развалих и в магазинах, то можно найти и еще что-нибудь подобное.

«БЕЗУСЛОВНЫЙ» РЕФЛЕКС

Люди с обостренным чувством свободы могут рассказать о том, что, когда кто-то только пытается начать свою атаку на их личное физическое или психологическое пространство, они моментально «встают на дыбы», еще не успев понять разумом, что, собственно, произошло. Такому человеку очень легко защищаться, так как он обычно успевает пресечь пополнования окружающих по ограничению его свободы еще в зародыше. Как выработать у себя такой рефлекс, в данной книге я рассказать не в состоянии, так как это предмет для серьезной работы с психологом при очной встрече. Могу лишь посоветовать читателю поставить перед собой такую задачу и начинать искать специалиста, который помог бы ее решить.

ЗАЩИТА ОТ БЛИЗКОГО ЧЕЛОВЕКА

Существует стереотип, суть которого заключается в том, что перед близким человеком, которому доверяешь полностью, никакой личностной защиты быть не должно. Не могу с этим согласиться. Во-первых, рефлекс, о котором шла речь выше, должен быть активизирован всегда, иначе его механизм будет работать плохо в значимых ситуациях с чужими людьми. Для близкого человека просто надо защищаемые границы сужать до минимума. Во-вторых, эти границы невозможно установить и жестко зафиксировать, так как в разном эмоциональном состоянии человек нуждается в различных размерах личного пространства, неприкасаемого ни для кого. В-третьих, в отношениях по-настоящему близких людей всегда существует угроза возникновения симбиотического союза, разрыв которого эквивалентен психической смерти. Можно, конечно, надеяться на долгую и счастливую жизнь вместе, но это нереалистично хотя бы потому, что вокруг нас слишком много факторов, способных оборвать жизнь близкого человека. И последнее, растворение своей личности в любимом человеке чревато потерей его интереса к тебе. Так что, на мой взгляд, даже маргиналам, обладающим самой совершенной психикой, надо защищаться друг от друга. Это, конечно, должна быть совершенно иная по сравнению с жизнью в толпе защита, но она должна быть. И особенно остро встает вопрос защиты от близкого человека, когда он оказывается не маргиналом, а человеком толпы, которому

Безграничное доверие может стать угнетающим, превратиться в обузу. Его ведь нужно оправдывать. Его неудобно потерять.

(Владимир Солоухин)

Никто из самых близких по неволе в мои переживания не вхож, храню свои душевные мозоли от любящих участливых галош.

(Игорь Губерман)

Я всегда на сочувствия праздные отвечаю: мы судеб игралище, не влагайте персты в мои язвы, ибо язвы мои — не влагалище.

(Игорь Губерман)

просто понравился маргинал. Такие люди часто пытаются жить по принципу «и нашим, и вашим», стремясь взять плюсы (и только плюсы!) как от жизни или дружбы с маргиналом, так и от единения с толпой. Лучшими примерами такого типа людей являются персонажи бургомистра и Марты в киноповести Григория Горина «Тот самый Мюнхгаузен». Такие люди толпы, являясь близкими маргинала, оказывают на него особенно чувствительное давление, подталкивая его к предательству своей души. Именно этого удалось добиться бургомистру и Марте от Мюнхгаузена. И в результате этого именно они предали его (Марта бросила барона после того, как он, пойдя навстречу ее просьбам, стал другим человеком).

Ко всему прочему, большинство маргиналов не имеют опыта взаимодействия друг с другом, но их поведенческие навыки по взаимодействию с людьми сильно отягощены негативным опытом агрессивного противостояния толпе. Искусству взаимодействия друг с другом маргиналам надо учиться, чтобы их общение было более приятным по сравнению с тем, к которому они привыкли в толпе. Для начала я хочу предложить такой Кодекс взаимодействия маргиналов, соблюдение положений которого может сделать процесс установления отношений маргиналов между собой более-менее безболезненным.

Не лезь в чужую душу в гало-
шах. То, что ты вытер ноги, не
имеет значения.

(Станислав Ежи Лец)

«Возлюби ближнего своего» —
это значит прежде всего: «Ос-
тавь ближнего своего в по-
кое!» — И как раз эта деталь
добротели связана с наи-
большими трудностями.

(Фицше)

Природа надежно защищала
ежика от укусов врагов ценой
ограждения его от поглажива-
ний друзей.

(Андрей Кнышев)

КОДЕКС ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МАРГИНАЛОВ

1. Маргинату во взаимодействии с другим маргинатом разрешается все, что, на его взгляд, не ограничивает свободу всех видов, а также не уязвляет самолюбия своего партнера.
2. В случае если у маргинала возникает неудовольствие от взаимодействия, он обязан дать немедленную обратную связь партнеру по взаимодействию в словесной формулировке: «Я испытываю от нашего взаимодействия такие-то эмоции по поводу того-то и того-то».
3. Если негативные эмоции маргинала от взаимодействия обусловлены индивидуальными особенностями его восприятия или особо чувствительным отношением к чему-либо, то это должно быть преимущественно его собственной проблемой, которую он не вправе делать проблемой партнера по взаимодействию. Данный пункт не отменяет обязательностидачи обратной связи. Если в ответ на нее не происходит изменения взаимодействия в лучшую для уязвленного маргинала сторону (партнер решил не идти навстречу обиженному, корректируя свое поведение, так как посчитал это неприемлемым для себя), то ему следует прекратить это взаимодействие.
4. Критика маргиналов друг в отношении друга должна быть конструктивной и корректной. Фактически критика должна быть вариантом обратной связи. Это означает, что:
 - а) в своей критике нельзя оценивать личность, можно оценивать только совершенные поступки и высказанное партнером мнение;
 - б) критикуя, необходимо предлагать альтернативный вариант критикуемого объекта, который, на взгляд критика, будет лучшей заменой прежнего;

- в) критику следует воздерживаться от категоричности в своих оценках типа «Это неверно», содержащих контекст истины в последней инстанции. Для этого более подходят словесные формулировки: «Я с этим не согласен»; «Мне это не нравится»; «На мой взгляд, будет лучше, если...», в которых звучит понимание того, что и позиция критикующего может быть ошибочной.
5. Маргинал должен уважать нежелание другого маргинала осуществлять взаимодействие с ним (запрет на навязчивость).
 6. Маргиналам, находящимся среди своих, целесообразно использовать закрепляемые на костюме или на теле на видном месте двухпозиционные условные знаки (шильдики, бэджи, таблички), которые бы могли сигнализировать окружающим о его (не)готовности к взаимодействию. Например, бэдж с двухсторонней бумажкой, которую можно легко перевернуть другой стороной. На одной стороне можно обозначить жирный круг **O** — символ открытости, а на другой — диагональный крест **X** как символ закрытости. Например, на вечеринке среди друзей маргинал почувствовал потребность в уединении на некоторое время. Для этого он устраивается где-нибудь в стороне и переворачивает в своем бэдже бумажку знаком **X** наружу. Окружающие, видя это предупреждение, оставляют его в покое до тех пор, пока не увидят в его бэдже знак **O**.

Глава 11. МАТЕРИАЛЬНАЯ И ИНФОРМАЦИОННАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ

ДОХОДЫ МАРГИНАЛА

Данный раздел главы предназначен для того, чтобы получить ответ на вопрос: где и как маргинал эффективнее может заработать себе на жизнь. Начнем с выбора; работать в группе или в одиночку.

Снова обратимся за помощью к «Социальной психологии» Дэвида Майерса: «Почти столетие назад французский инженер Макс Рингельман обнаружил, что коллективная работоспособность группы не превышает половины от суммы работоспособностей ее членов. ...Не исключено, конечно, что низкая продуктивность является следствием плохой координации — люди тянут свою лямку в совершенно разных направлениях и в разное время («Лебедь, рак и щука»). Группа из Массачусетса под руководством Алана Ингама хитроумно избавилась от этой проблемы — испытуемые думали, что другие тянут лямку вместе с ними, а на самом деле они трудились в одиночестве (в эксперименте, имитирующем перетягивание каната). Участники с завязанными глазами становились на первую позицию агрегата, и им говорили «тянуть изо всех сил». Когда они знали, что тянут в одиночестве, они развивали усилие на 18% больше, чем когда думали, что сзади им помогают от двух до пяти человек». В другом эксперименте было обнаружено, что шум, создаваемый шестью испытуемыми, которым

Только когда первая обезьяна на заре цивилизации взяла в руки палку, остальные начали трудиться.

(Андрей Кнышев)

велели «апплодировать и кричать как можно громче», лишь в два с чем-то раза превосходил шум, создаваемый одним человеком. После исключения фактора нескоординированности группы обнаружилось, что в группе человек производит шума на треть меньше, чем в одиночестве. «Небезынтересно, что рукоплескавшие и в одиночку и в группе не воспринимали себя как «лодырей»: они считали, что хлопают одинаково громко и в той, и в другой ситуации». Данная цитата проиллюстрировала нам так называемый эффект социальной лености: тенденцию людей прилагать меньше усилий в том случае, когда они объединяют свои усилия ради общей цели, нежели в случае индивидуальной ответственности.

Итак, в толпе всегда очень много «зайцев», которыми социальные психологи называют людей, получающих какую-либо выгоду от группы, но мало дающих взамен. С отношением маргинала к труду и отдыху, заключающемся в том, что если уж работать ради денег, то с максимальной эффективностью, чтобы потом было побольше времени на удовольствие от жизни, трудно понять поведение человека, который и не вполне работает, и не отдыхает, а так, лишь время убивает обозначением работы. А раз так, то маргиналу надо стремиться к выбору такой профессии и формы работы, чтобы ее можно было бы выполнять в одиночку, когда не надо кормить своим ударным трудом какого-нибудь «зайца».

Какой тип индивидуального труда наиболее подходит для маргинала? На мой взгляд, лучше всего этому соответствует творчество. Сомерсет Моэм в этом вопросе со мной полностью согласился (или я с ним): «В известных пределах художник может распорядиться своей жизнью, как захочет. Что касается других профессий, например врача или юриста, вы вольны остановить или не остановить на них свой выбор, но раз выбрав, вы уже не свободны. Вы связаны законами своей профессии, вынуждены соблюдать те или

иные правила поведения. Программа ваша предопределена. Только художник да еще, пожалуй, преступник может составить ее сам». Кому-то может показаться, что неплохо подошло бы и индивидуальное предпринимательство, но здесь есть целый ряд «но». Возьмем к рассмотрению наиболее показательный пример, когда подход к предпринимательству очень хорошо согласуется с моим понимаем психологии маргинала. В № 16 за 2001 г. журнала «Эксперт» есть статья «Дети у вас хорошие», у которой очень красноречивый и интригующий подзаголовок: «В России есть учебное заведение, где готовят предпринимателей. И презирают бизнесменов». Читаем лидер-абзац: «Сергей Чернышев, физик по образованию и философ по призванию, делит людей, занимающихся бизнесом, на две категории — предпринимателей и бизнесменов. По его оценке, предпринимателями дано стать пятерым из ста. (Но это же доля маргиналов в обществе! — С. Г.) И именно ради этих пятерых г-н Чернышев задумал и осуществил образовательный проект под названием Центр корпоративного предпринимательства (ЦКП) при Высшей школе экономики». Сразу становится приятно, что нашлись люди, нацеленные на предпринимательскую технологизацию маргинальной позиции некоторых (очень немногих!) членов нашего общества. Кто-то сразу ухмыльнется, дескать, не слишком ли я спешно связал все это с маргиналами. Отрицательный ответ подобному скептицизу приходит сразу, как только из дальнейшего текста статьи понимаешь, что ставку педагоги делают именно на неординарный творческий потенциал своих студентов, которым все-таки дано стать этими самыми предпринимателями. А это уже удел именно маргиналов: предлагать необычные решения.

Так вот, возвращаясь к нашей теме, я заметил в тех нескольких интервью со студентами ЦКП, которые приводит автор статьи, один очень важный момент — неуверенность молодых людей в том, а это ли им надо в жизни: в ЦКП

развивают предпринимательский талант, который является инструментом зарабатывания денег. Но деньги в жизни не главное. Многие студенты до сих пор не разобрались со смыслом своей жизни, и может так получиться, что через несколько лет своих мучений в режиме start up незаурядные предпринимательские таланты на всю свою суety «плюнут с высокой колокольни» и уедут в глухую деревню разводить пчел да писать картины. Ведь что такое предпринимательская деятельность? Это активный процесс, которому надо отдаваться полностью, если ты хочешь добиться какого-то результата. В нем очень много суety, деловых контактов в рыночной среде, в которой отношения между людьми сильно испорчены. Я не отрицаю, что в подобном предпринимательстве, о котором идет речь в этой статье, много и творческого кайфа, но ЭТИМ нельзя заниматься фрагментарно, а именно такой подход к работе адекватен жизненной позиции маргинала. Трудоголик-предприниматель неизбежно убьет те годы своей жизни, которые отдаст такому виду труда. Подобная работа высосет из него все психоэмоциональные ресурсы, предназначенные для получения наслаждения от самой жизни. И, в итоге, маргинат «умрет в беличьем колесе», больше подходящем для человека толпы. Таким образом, я прихожу к выводу, что, несмотря на то, что в таком виде предпринимательства маргинат может проявить себя очень эффективно, это фундаментально несовместимо с его жизненной позицией. Поэтому из двух альтернатив личностной свободы в индивидуальном труде я все-таки отдаю предпочтение творческим профессиям.

Заранее думай о том,
куда ты спешишь, мельтеша:
у крепкого задним умом
и жопа болит, и душа.

(Игорь Губерман)

Но и не всякий творческий труд соответствует жизненной позиции маргинала. Многое зависит от ориентации творца. Возможны три варианта ориентации в творческом труде: на себя; на конкретного заказчика; на какую-либо толпу. Когда

маргинайл ориентирован на себя, он создает предмет таким, к какому в данный момент у него лежит душа. То есть процесс создания произведения для него есть выражение состояния его души. И только по завершении своей работы он может задуматься о том, что было бы неплохо показать результат своего труда кому-нибудь еще. И если его творение кому-нибудь еще понравится настолько, что человек готов будет купить его, то почему бы и нет...

Ориентация на конкретного заказчика менее интересна творцу, так как может быть конфликт вкусов исполнителя и потребителя. Но здесь есть простор для маневра. Во-первых, поняв, что вкусы заказчика очень сильно не согласуются с его собственными, маргинайл может отказаться от неприятного для себя заказа. Во-вторых, если личность заказчика представляет для маргинала интерес, то он может настроиться на работу так, что процесс творения превратится во взаимодействие. Тогда творец будет стремиться к тому, чтобы доставить удовольствие приятному для себя человеку и получит от этого наслаждения не меньше, чем если бы работал для себя.

Ориентация в своем творчестве на толпу наиболее выгодных покупателей есть стремление к максимальному коммерческому успеху, а это предательство своей психической природы маргинала. И вот здесь у некоторой части творческой интеллигенции возникает неверная установка, сводящаяся к тому, что в своей работе надо вообще избегать коммерческого успеха. Я уже говорил выше, что бегать от коммерческого

Ты раньше денег не считал,
Ты всех любил, когда играл
И отдавал.
Теперь тебя не проведешь, —
Ты не даешь, а продаешь,
И тем живешь.
И я спокоен лишь за то,
Что сейчас не может
обмануть тебя никто,
Ведь ты теперь всегда готов
к тому,
Что лучше это сделать самому.
.....
Говорят, что ты, мол, с той
поры
Весьма повысил качество игры.
Только что ни говори,
А мастерством не скроешь
пустоты внутри.

(Фрагменты песни
Андрея Макаревича
«Посвящение знакомому
музыканту»)

успеха не надо, так как это разновидность несвободы: душа у меня лежит к созданию продукции определенного вида, но она пользуется повышенным спросом у покупателей, поэтому я буду делать что-то другое, пусть для меня и менее приятное. Получается, что при таком подходе ориентация творца все равно нацелена на толпу, но только по антисценарию. На коммерческий успех не надо настраиваться, стремиться к нему не следует. Ведь слово «успех» этимологически подразумевает положительной результат спешки (производное от глагола «успеть»), погони за богатством. Если же твоя продукция вдруг стала модной, к этому надо относиться снисходительно, как к блажи толпы, как капризу судьбы, которая вдруг решила тебя засыпать деньгами, проверив тем самым на прочность твою маргинальность искусством коммерческого успеха. Главное — по-прежнему делай то, к чему у тебя лежит душа, игнорируя при этом реакцию рынка даже тогда, когда мода пройдет мимо или тебя потянет на что-то другое, что уже толпе совсем не нравится. Если это удастся, то тогда можно осознать с чувством удовлетворения, что экзамен жизни «на вшивость» прошел с честью. Примером подобного отношения к своему делу может послу-

Мой приятель — художник
 прожил на земле мало лет,
 Он работал легко,
 он творил чудеса наулачу,
 И соглатъ он не мог —
 в этом был его главный
 секрет:
 Он умел только то, во что
 верил.
 А как же иначе?
 Только как-то неожиданно
 случился в стране поворот,
 Всем указано было смотреть
 на иные задачи.
 А приятель не смог
 повернуть под команду
 «Вперед!» —
 Он умел только то, во что
 верил.
 А как же иначе?
 Тут же свора газетчиков —
 хуже дворовых собак...
 Он читал их брехню
 вечерами со мной,
 чуть не плача,
 А потом возвращался
 к холстам
 на чердак в полумрак —
 Он умел только то, во что
 верил.
 А как же иначе?
(фрагмент песни Андрея
 Макаревича «Мой
 приятель художник»)

жить иллюстрация в «Эксперте» (№ 21 от 5 июня 2000 г., «Идол в пыли»): «За всю жизнь (Том) Уэйтс не написал ничего, что называется словом «коммерческий хит». Хотя его песни перепели другие, ...вот уже тридцать лет сам Уэйтс держится в авангарде независимой рок-культуры. Особых денег он не зарабатывает, вообще на них плюет и до сих пор хранит верность клятве юности — не тратить на обед больше двух долларов и не покупать костюм дороже 12 долларов».

Но как быть тем маргиналам, у которых нет таланта к творчеству? Таким можно заниматься, например, бесприбыльным семейным бизнесом, когда отсутствует главный порок рыночного общества — стремление ко все большему обогащению. Характер бесприбыльного бизнеса предполагает, что его субъекты стремятся получить доход в таком размере, чтобы его как разхватило на воспроизведение основных фондов и на текущее потребление. Как только такой доход получен, работа прекращается. Деньги кончились — снова надевай спецодежду и принимайся за работу. Ну, а семейственность бизнеса даст возможность избежать конфликта интересов в деле между маргиналом и посторонними людьми. При этом аналогом семейного бизнеса может послужить командный метод

Тяготы способны перенести сотни людей, благополучие — лишь единицы.

(Томас Карлейль)

Бывает, что лавры пускают корни в голову.

(Станислав Ежи Лец)

За свободу и независимость надо ежемесячно платить незаработанными деньгами.

(Андрей Кнышев)

Труд сделал человека. Труд может уйти.

(Андрей Кнышев)

Удовлетворения писатель должен искать только в самой работе и в освобождении от груза своих мыслей, оставаясь равнодушным ко всему приходящему — к хуле и хвале, к успеху и провалу.

(Сомерсет Мози)

Я живу ожиданием волнения, что является в душу мою, а следы своего вдохновения с наслаждением потом продаю.

(Игорь Губерман)

Пишу я вздор и ахинею, херню и чушь ума отпетого, но что поделаешь — имею я удовольствие от этого.

(Игорь Губерман)

работы, когда на конкретный проект подбирается группа хорошо знающих друг друга маргиналов со сходным отношением к работе.

РАСХОДЫ МАРГИНАЛА

Для свободного человека уверенность в завтрашнем дне должна решаться не так, как это принято у большинства современных людей. Нормальным сейчас считается либо наличие сбережений, позволяющих прожить определенное время без регулярного дохода, либо значительный объем ликвидной собственности, на деньги от продажи которой (или на ссуду под ее залог) можно пережить временные трудности, либо очень надежное рабочее место (например работа в госучреждении) в сочетании с государственными программами помощи безработным. Для маргинала же спасением от «черного дня» может стать повышенная эластичность в двух аспектах. Во-первых, психологическая готовность заниматься любым трудом, что ненормально для большинства современных людей, когда безработица является по своей сути структурной, т. е. работы вокруг достаточно, но ищущие ее люди не готовы ею заниматься из-за своих профессиональных амбиций на вид работы, квалификацию труда и уровень его оплаты.

Высшее богатство — отсутствие жадности.

(Сенека)

Кто хорошо скился с бедностью, тот богат.

(Сенека)

Если хочешь быть богатым, не помышляй увеличить свое имущество, а только уменьши свою жадность.

(Гельвеций)

Кто довольствуется малым, живет беззаботной жизнью.

(Иоанн Дамассин)

Кто не нуждается в чужом, но живет независимо, тот всех богаче.

(Иоанн Златоуст)

Цивилизация в подлинном смысле слова состоит не в умножении потребностей, а в свободном и хорошо продуманном ограничении своих желаний.

(Махатма Ганди)

Вторым видом эластичности является способность человека при необходимости очень сильно снижать уровень своих расходов. Для большинства современных людей значимы жизненные привычки, когда от каких-то дорогих составляющих их образа жизни они психологически не в состоянии отказаться в ситуации дефицита средств на их оплату. Практика показывает, что современный преуспевающий человек при необходимости и определенной психокоррекции своего отношения к жизни оказывается в состоянии на значительные периоды времени сократить уровень своих расходов даже не в разы, а на порядки (скажем, с уровня в \$1000 ежемесячного душевого потребления до \$20).

Обычная же стратегия маргинала в расходах проста: как можно меньше тратить деньги на то, без чего качество жизни не страдает. (При этом не следует путать общепринятое понимание качества жизни как показателя обеспеченности дорогими товарами и услугами с аналогичным понятием у маргиналов как качество получаемого от текущей жизни наслаждения.) И чем на больший период такой приятной жизни хватит денег, тем лучше. Поэтому маргинат изначально старается так организовать свою жизнь, чтобы по возможности обходиться меньшим количеством вещей, опять-таки, без потери качества жизни. Кроме этого, он заинтересован в поиске как можно более функциональных товаров и услуг минимальной стоимости.

Выше мы уже рассматривали тот факт, что на современном рынке присутствуют товары, подавляющее большинство

Большинство предметов роскоши и так называемых жизненных удобств не только не являются необходимыми, но и определенно служат препятствиями к развитию человечества.

(Генри Моро)

Мудрец счастлив, довольствуясь немногим, а глупцу всего мало; вот почему почти все люди несчастны.

(Ларошфуко)

Все наши нужды, за изъятием тех, что мы сможем справить и при самых скромных доходах, — пустая игра воображения.

(Генри Ст. Джон)

которых в своей цене содержат значительную долю нефункциональной стоимости: расходы на рекламу; престижность марки; модность модели; дорогая упаковка — все то, от чего маргиналу-потребителю пользы никакой быть не может. Поэтому рыночное поведение маргинала строится на поиске таких торговых и сервисных структур, где можно найти требуемое без этой бесполезной надбавки в цене. Одной из таких областей является рынок товаров, бывших в употреблении. Такие товары продаются, как правило, уже без этой нефункциональной надбавки, так как товар уже перестал быть модным, на нем нет упаковки и т. д. То есть потребителем всей этой дорогостоящей мишуры обычно является первый покупатель, а после него цена товара очищается от большей части дополнительной ценовой нагрузки. Не все товары, конечно, полностью от нее избавляются уже на первом потребителе, так как, например, «Мерседес» достаточно долго в своей цене даже на рынке б/у содержит составляющую престижности марки. Но никто ведь маргинала и не заставляет выбирать товар с длительной жизнью престижности.

Таким образом, рыночные предпочтения маргинала определяются несколькими негативными факторами, наличие которых в товаре для него нежелательно: реклама; новизна; модность; престижность марки; дорогая упаковка; готовность к употреблению (разобранный товар, например, мебель в заводской упаковке, часто можно купить со значительной скидкой). Наличие любого из этих факторов является для маргинала поводом пройти мимо прилавка.

Но это мы пока выяснили, ЧТО искать. А теперь надо попытаться найти ответ на вопрос: ГДЕ и КАК это все искать? И вот тут-то я конкретного ответа дать и не могу. Во всяком случае, пока... Попробую лишь обрисовать свое видение того, как это должно быть в идеале. Прообраз такого идеала я видел у любителей путешествовать автостопом. У таких туристов-маргиналов достаточно хорошо налажена система обмена полезной информацией в своей корпора-

тивной среде. Они путешествуют по различным регионам мира и набирают массу не только эмоциональных впечатлений от своих приключений в незнакомых и далеко не всегда дружелюбных к бродягам местах, но и ценных практических находок, помогающих облегчить столь рискованное путешествие. Автостопщики, приехав домой, весь этот информационный капитал тут же сдают в импровизированную базу данных своего сообщества. В результате этого, когда кто-то из его соратников также собирается попутешествовать в тех же местах, он может заранее узнать: где можно переночевать; в каком месте шоссе легко сесть на попутку, а где можно простоять весь день или нарваться на полицейского; где и как легче перейти нелегально границу; где можно подкормиться на халяву; где можно подзаработать на текущие расходы; как легче получить визу и т. д.

Подобную информационную систему, в которой был бы отображен личный опыт каждого по решению любых (не только рыночного свойства) своих нестандартных практических задач, неплохо было бы иметь и сообществу маргиналов. К сожалению, об этом говорить пока преждевременно, ибо не сложилось само сообщество. Хотя в современном Интернете корпоративную систему обмена информации чисто технически организовать несложно. Для этого просто каждому маргинну необходимо проявить желание выйти из своей индивидуальной, зачастую, вынужденной изоляции.

ИНФОРМАЦИОННАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ

В информационной независимости есть несколько аспектов. Первый из них заключается в обеспечении получения объективной информации, не засоренной материалом манипулятивного свойства. Такое возможно только тогда, когда: а) чистота информационного канала обеспечена его независимостью от какого бы то ни было коммерческого

или политического влияния; б) существует система фильтров загрязненной информации. Первое обеспечивается только экономической независимостью, механизм которой заключается в том, что коллектив информационного средства, заинтересованный в поддержании своей репутации как независимого от любых влияний, формирует все свои достаточные для нормальной работы доходы исключительно из оплаты потребителей за получаемую информацию. Никаких иных статей дохода у такой информационной структуры быть не должно, так как «музыку заказывает тот, кто платит». В настоящее время толпа к такому подходу не готова, ибо цена за информацию в таком случае будет в несколько раз выше того уровня, к которому она привыкла. Чтобы свести концы с концами при заниженной розничной оплате потребителями информации, средства массовой информации оказываются вынуждены искать дополнительные источники доходов и попадают под влияние манипуляторов. Маргинал должен понимать, что за объективную информацию надо платить деньги в несколько раз большие, чем он это делает сейчас, роясь в информационном мусоре.

Второй аспект заключается в том, что в корпоративной системе информации маргиналов, если бы она существовала, можно поставить фильтры в виде экспертной оценки, которая отделяла бы «зерна от плевел» и помогала бы остальным потребителям ориентироваться в мутном потоке новостей.

Третий аспект затрагивает необходимость каждого изолированного потребителя тратить значительное время на прием и переработку всего потока информации, что связано с немалыми временными затратами. В случае если бы маргиналы были организованы в какую-то ассоциативную структуру своего сообщества, им можно было бы организовать обмен мнениями, отображающими уже результат переработки информации по интересующим вопросам.

Кроме этого, существует еще и проблема защиты от вмешательства журналистов в частную жизнь маргиналов. Праву на конфиденциальность частной жизни журналисты, любящие величать себя четвертой властью, противопоставляют выдуманное право на информирование людей обо всем, от чего зависит их жизнь. Но под эту категорию можно подогнать любую информацию, вплоть до сведений об интимной жизни соседей: «Несчастное выражение лица обожаемой мною соседки отравляет мне жизнь!.. Расскажите мне, что там у них случилось?» Мне представляется, что маргиналам полезно принять за правило держать от себя журналистов и папарацци подальше.

В данной главе можно затронуть и такой неожиданный для многих аспект информационной независимости, как имя человека. Почему имя человеку дает кто-то, а не он сам себе выбирает? Величайшая несправедливость в мире! Когда человек появляется на свет, родители дают имя ему исходя из своего представления о том, каким их дитя будет в будущем. Но действительность редко соответствует их прогнозам, и зачастую молодой человек оказывается перед фактом, что ему не нравится его имя, данное от рождения. Либо оно безликое в силу чрезмерной распространенности (пример: когда я учился в школе, у нас в классе из 23-х мальчишек было 8 Сергеев!), невыразительного звучания

Такое вы видали, ох, едва ли!
Стою, не чую под собой земли:
Меня вчера верблюдом
обозвали
И выводы под это подвели.
И это мненье утвердилось
свыше,
Я бился в двери с криком:
«Наших бьют!»
Кивали мне, но слушали
не слыша,
Поскольку я отныне был
верблюд.
Да я человек! Проверьте по
фамилии!
Я — царь природы, гражданин
Земли!
Но стойло мне уже определили
И полмешка колючек принесли.
И понял я, что спорить будет
хуже,
И до того досадно стало мне,
Что я вдруг плонул как-то
по-верблюжьи,
И горб нарисовался на спине...
(фрагмент песни Андрея
Макаревича «Верблюд»)

или смысловой нагрузки, либо не соответствует его личности. Почему у нас не принято предоставлять молодым (да и вообще, почему именно молодым? А если потребность возникнет в зрелом возрасте?) права по достижении определенного возраста (скажем, в 21 год) поменять свое имя на выбранное без всяких ограничений произвольно и совершенно самостоятельно? А через десять-пятнадцать лет, когда личность изменится кардинально в результате прожитого отрезка жизни, почему нельзя поменять имя повторно? Данный аспект ограничения свободы в вопросе предоставления информации окружающим о себе в виде имени почему-то мало кто затрагивает, а если и затрагивает, то это расценивается окружающими как основание для объявления его сумасшедшим. А зря! Судьбоносное значение имени в некоторых случаях жизни красочно показали авторы фильма «Убить дракона», когда к прохожему по имени Ланселот жители моментально сформировали ожидания, что он выступит их спасителем от дракона. Когда же Ланселот после убийства дракона отказался им и дальше помогать в их освобождении, то от них последовала просьба сменить имя.

Глава 12. УТОПИЯ «ОБЩИНА ПО ИНТЕРЕСАМ»

В современном крупном городе у людей на уровне непосредственных контактов с окружающими накопилось много проблем, о решении которых много и везде говорится, но практически ничего не делается. Условно такие проблемы непосредственных контактов можно разделить на две группы: общение с постоянными соседями по месту жительства; общение со случайными соседями в общественных местах и транспорте.

Перефразируя известный трюизм, можно сказать, что «соседей не выбирают». Даже если вы, покупая квартиру, убедитесь, что на новом месте жительства вас будут окружать вполне милые люди, высока вероятность, что в ближайшее время либо состав соседей поменяется с потерей в качестве, либо соседи покажут все свои недостатки, которые трудно было заметить при первом знакомстве. Любой нормальный человек хочет иметь хорошие отношения со своими соседями, но как их наладить с соседом-алкоголиком, ссущим и блюющим тебе под дверь ежедневно? Пробудить в себе интерес к нему? Бр-р-р. А как быть с толпой подростков, ежевечерне устраивающих свои тусовки на вашей лестничной площадке из-за того, что их родители не разрешают им собираться в квартире? Как объяснить соседям, что их личная проблема непереносимости друзей своего сына не должна решаться вытеснением подростковой компании к дверям вашей квартиры? Тем более что они искренне убеждены в естественности такого положения дел.

Конфликтность отношений маргинала особенно обостряется в условиях скученности, коей славится коммунальная квартира. Все, писанное в этой книге, в условиях посвященности всех соседей в детали жизни друг друга превращается в грандиозную трагикомедию, иногда переходящую в любой другой жанр театрального искусства. Тут тебе и неистребимое любопытство соседей в отношении любых аспектов твоей жизни, сплетничанье по поводу

Объявление

Товарищи жильцы!

Граждане!

Господа!

Убедительная просьба:

НЕ ПИСАЙТЕ В ПОДЪЕЗДЕ!

(Андрей Кнышев)

«Устал от всех, хочу немножко пожить один...» — пояснял изобретатель водородной бомбы.

(Андрей Кнышев)

Жизнь — такую, какая она есть — можно принимать только после еды.

(Андрей Кнышев)

добытых или выдуманных сведений, навязчивость, когда соседи лезут со своими инициативами по привлечению тебя к различным бытовым проектам: «Сдавай деньги на беседку во двор и выходи на субботник по озеленению двора». Вообще, у меня складывается впечатление, что маргинал в условиях скученного проживания среди людей толпы существовать просто не в состоянии, ибо жизнь его представляет непрерывную войну, когда он ненавидит свое окружение, а оно ему платит тем же стократно.

Причем читателю не следует понимать это так, что это верно только в отношении реальной коммунальной квартиры. Отношения коммунальной квартиры присутствуют везде, а сама она является лишь наиболее ярко выраженным образом подобных отношений. Вспомните, как любят журналисты и ведущие различных мероприятий спрашивать лауреатов всевозможных премий и денежных призов: «На что потратите полученные деньги?» Как будто эти деньги и после вручения награжденному продолжают принадлежать обществу, а значит, их получатель обязан отчитаться перед ним (обществом) в том, как он их потратит. Это ли не проявление отношений коммунальной квартиры?

Так получается в жизни, что мы обычно ради двух-трех часов приятного общения с интересными людьми едем за тридевять земель, но в своей обычной жизни часто вынуждены терпеть постоянное соседство пренеприятнейших субъектов, хотя было бы намного лучше, если бы они поменялись местами.

Городской житель за день совершает огромное количество контактов с самыми различными людьми. Если не считать семейного общения, то у каждого человека за день набирается не так уж и много контактов, которым он был бы рад. Все остальные встречи со случайными людьми в общественных местах являются посторонни-

Мне в метро отдали ноги,
Это был, вероятно, слон.

(Андрей Макаревич)

ми, но при этом они съедают огромное количество нашей психоэмоциональной энергии, в которой так нуждаются наши близкие люди. Вместо того чтобы потратить эту энергию на любовь, дружбу, игры с детьми, мы распыляем ее в толпе случайных попутчиков и временных соседей, которых опять-таки не выбираем. В такой ситуации часто приходит в голову мысль о том, как хорошо было бы видеть вокруг себя только тех, кто нам приятен как визуально, так и в непосредственном общении. Почему нельзя собрать их всех вместе и организовать некий микросоциум райской жизни на земле?! Вроде бы можно, но все упирается в одно маленькое «но» — желание и волю всех этих избранных вами людей на серьезные изменения в своей жизни, неизбежно связанные с переездом на новое место. Да и где гарантия, что эти люди, которых вы выбрали для такой общины, будут интересны не только вам, но и друг другу? Как тут не вспомнить песню Андрея Макаревича «Моим друзьям», который в ней пел как раз о своей затее собрать всех своих друзей за одним столом, но неожиданно столкнулся с тем, что «прощаешься, /Каждый из вас /Подходил ко мне одному. ...Почему вы друзья /Лишь во мне одном, /И чужие между собой?»

Помимо этого, мысли о создании общины близких духом людей вызывают некоторое напряжение, когда вспоминаешь, что человечество и раньше не раз строило свое общество по общинному типу, но это далеко не всегда давало их членам райскую жизнь. Например, именно так жили русские крестьяне в царские времена, но разбежались из общин как тараканы из банки, как только власть им это разрешила. Существовало и существует немало религиозных общин, из которых часто приходят невеселые слухи о неудовлетворенности их членов своими отношениями друг с другом. Потом, после тщательного анализа исторического опыта человечества, начинаешь понимать, что неудачи такого общинного социального устройства кроются в ошибках двух типов. Первая заключается в неверном основании

комплектации общин, а вторая — в ограничениях (как внешних, так и внутренних) свободы выхода из общины. Разберем более подробно каждую из них.

Большинство известных историй общин формировались либо на производственном основании, либо на идеологическом. Примером первых служат сельскохозяйственные общины, когда их членов объединяет прежде всего общий труд и общинное землевладение. В общину оказываются собраны не люди, подходящие друг другу по своему психологическому складу и интересам, а те, кто готов заниматься одним общим делом. Естественно, что далеко не все коллеги по работе будут удовлетворены своими отношениями друг с другом вне трудовой деятельности.

К идеологическим общинам я отношу религиозные и коммунальные. Под последними подразумеваются все те, которые образовывались ради гармонизации непосредственных отношений между их членами, но имели в своем основании один просчет: главным условием вхождения человека в общину было его согласие с определенными этическими идеями, на основании которых строились отношения в общине, но при этом игнорировались вопросы его психологической совместимости с другими членами общины.

Таким образом, почти весь общинный опыт человечества опирался на что угодно, но только не на интересы людей друг к другу, и не на общность их интересов к проявлениям жизни, например к рыбалке или собаководству. На мой взгляд, только община, созданная на таком основании, может дать человеку максимальное удовлетворение отношениями внутри нее.

Второй ошибкой общинного движения было отсутствие у человека, которого отношения внутри его общины перестали удовлетворять, реальной возможности выйти из ее состава. Внутри большинства общин довольно быстро формировались самые обычные толпы, которые начинали ломать недовольных, заставляя их смириться с тем, что есть, и осо-

бенно не мечтать о свободе. Поэтому недовольство маргиналов накапливалось, что не способствовало оздоровлению атмосферы внутри общины.

Существовали раньше и продолжают встречаться сейчас общины, свободные от описанных ошибок, но имеющие другой недостаток — аморфность. Такие общины формируются на основе общности интересов и жизненных позиций и не ограничивают свободы своих членов в вопросах выхода из них. Но общины такого типа очень нестабильны. Аморфность обусловлена тем, что между членами таких общин обычно не складываются устойчивые супружеские пары, а вся община живет одной большой семьей, если ее можно так назвать. Примером таких общин служат сообщества хиппи, анархистов и других подобных групп.

Теперь, проведя работу над ошибками, можно заняться построением утопии.

Выберем для моделирования Москву как географическое место. Перенесем себя в недалекое будущее (скажем, лет через 5) и будем рассказывать об утопии в прошедшем времени как о свершившемся факте. Пусть это будет что-то вроде сюжета фантастического рассказа.

Так как истинный маргинал может объединиться только с другими такими же людьми, то представьте себе более-менее сложившуюся группу семей маргиналов, которые хорошо друг друга знали и проявляли устойчивый интерес всех ко всем в этом сообществе. Отношение к жизни у них во многом совпадало, и они проявили достаточно желания и воли к организации совместной жизни в форме общины. В основание такой общины были заложены главные объединяющие факторы — родство интересов и психологическая совместимость. Предполагалось, что каждая семья будет вести отдельно свое хозяйство и каждый член общины будет заниматься тем видом деятельности, который выберет независимо от других. Проведение совместного досуга в общине предполагало самоорганизацию на усмотрение каждого ее члена.

После того как они договорились о принципах существования общины, стали решать о месте ее локализации. Можно было, конечно, полностью выкупить строящийся многоквартирный дом, подходящий им по размеру, качеству, архитектуре, месту расположения, или же заказать сразу то, что нужно, девелоперам. Но все это требовало сразу больших денег, к тому же почти все уже сильно устали жить в большом человеческом муралейнике и дышать московским смогом. Поэтому решили выбираться в экологически чистый район подальше от Москвы. Все маргиналы были представителями различных творческих профессий и не нуждались в ежедневных визитах в Москву, поэтому выбрали расстояние не меньше ста километров от Москвы, так как на таком удалении уже не встречаются нувиориши, но не больше трехсот из-за нежелания полностью отрываться от столичной цивилизации. Нашли себе после некоторых поисков подходящую брошенную деревню, купили себе там дома за бесценок и начали обживаться. Какие-то развалюхи отремонтировали, а на месте других поставили со временем новые дома. Так как маргиналы не являются любителями жить в условиях комму-

Годы летят стрелою,
Скоро и мы с тобою
Разом из города уйдем.
Где-то в лесу дремучем
Или на горной круче
Сами себе построим дом.

Там вокруг такая тишина,
Что вовек не снилась нам.
И за этой тишиной, как за
стеной,
Хватит места нам с тобой.

Двери покрепче справим,
Рядом на цепь посадим
Восемь больших голодных
псов,
Чтобы они не спали,
К дому не подпускали
Горе, врагов и дураков.

(фрагмент песни Андрея Макаревича «Наш дом»)

Сосед мне назло
За стеной громыхает
кастрюлями.
Холодная ночь.

(Бусон)

(Исса)

В нашей деревне
Даже мухи и те почему-то
Стали кусаться.

Когда б еще нашелся человек,
Кому уединение не в тягость,
Кто любит тишину!
Поставим рядом хижину свои
Зимою в деревушке горной.

(Сайгё)

нальной квартиры, то в деревне расселились на приличном расстоянии друг от друга (к примеру, 100 м между домами) и снабдили каждый дом видным издалека двухпозиционным знаком по тому же принципу, что и в Кодексе взаимодействия маргиналов (последний пункт), когда одна позиция означает открытость к общению, а другая — закрытость. Поэтому новые соседи друг друга не беспокоили и встречались только тогда, когда к этому были расположены. Кстати, такой подход дает возможность организоваться в общину откровенным нелюдимам, желающим снизить общение с соседями до минимума, но не желающим подвергать свою семью рискам проживания отшельниками вдали от населенных пунктов.

Для связи с Москвой оставили себе в городе одну квартиру как общинную гостиницу и купили небольшой автобус. Желающие съездить по делам или для досуга в Москву договаривались заранее и раз-два в неделю грузились все в автобус, и с песнями и приятным общением в пути навещали столицу. Понятно, что даже несколько часов в дороге, проведенные в таком обществе, кардинально отличались от мучительных поездок в городском общественном транспорте. Приехав в гостиницу, маргиналы рассыпались на день, а вечером таким же порядком возвращались в родные хаты. Кто не успевал за день сделать все свои дела, оставался в гостинице до следующего рейса.

Дети в общине официально нигде не учились, но образовательный и культурный уровень взрослых членов общины позволял им обучить свое подрастающее поколение всему, что тем могло понадобиться в будущей жизни. Те же дети, которые все-таки решили бы потом получить официальный сертификат об образовании, имели достаточное развитие для того, чтобы сдать экзамены экстерном. Воспитание детей в общине оказалось более легким занятием, так как взрослым теперь не приходилось бороться с влиянием толпы, которое неизбежно оказывало свой вред на развитие

детей в условиях города. При этом каждый ребенок получал специальную подготовку, предназначенную для повышения его способности противостоять толпе, с которой ему все-таки пришлось бы столкнуться в будущем.

Те взрослые члены общины, которые начинали нуждаться в деньгах, а творческая деятельность на тот момент прокормить их временно не могла, организовывали по командному методу (не путать с коммунальным методом организации труда, который только и существовал в социалистическом обществе! Коммунальным методом организации труда я называю ситуацию, когда человек вынужден трудиться в коллективе даже тогда, когда ему противны сложившиеся в нем отношения, но он не в силах ни уйти из него, ни изменить эти отношения (как жизнь в коммунальной квартире) артели и находили себе аккордную работу. Что касается творчества, то в условиях постоянного общения друг с другом такого количества талантов потенциал каждого усилился многократно, что стало сказываться и на результатах. Так постепенно складывалась утопическая идиллия земного рая.

Это то, что можно заметить со стороны. Но какова внутренняя механика организации жизни такого социума? Можно фантазировать по поводу того, что группа уже СЛОЖИЛАСЬ, но как такого достигнуть на практике, ведь маргиналы обычно разобщены? Для этого можно использовать различную инфраструктуру — от клубов по интересам до Интернета, в котором складываются такие же клубы по интересам, но только виртуальные. Для маргинала главное — сделать первый шаг и выйти из изоляции, наладив связи с другими такими же изгоями общества. После переписки или виртуального общения можно плавно переходить на общение в непосредственном контакте, проверяя совместимость друг с другом и оттачивая умение общаться с другими ярко выраженным индивидуальностями, что иногда порождает дополнительные проблемы во взаимо-

действии. Такое развитие сообщества и может привести к формированию устойчивой группы, описанной выше.

Особо хочу остановиться на более четком определении понятия устойчивости состава такой общины. Семья (супружеская пара) должна быть более устойчивым образованием по сравнению с общиной. Естественными явлениями должны восприниматься: а) смена одной устойчивой супружеской парой на протяжении периода своего существования (~50 лет) общины несколько (2–5) раз; б) выход из общины выросших детей, не разделяющих интересов своих родителей.

Общине полезно иметь четко продуманный механизм регулирования своего состава, включающий процедуры приема новых членов и исключения из общины неугодных. И вот тут полезно помнить о том, что «дьявол кроется в деталях». Создание микросоциума из столь несхожих людей, которыми являются маргиналы, можно сравнить с горным траверсом, когда альпинисту предстоит пройти по острому, как нож, каменному гребню, соединяющему вершины. Слева такому «канатоходцу» угрожает печальный опыт жизни маргиналов среди людей, делающий их чрезвычайно чувствительными к малейшим негативным сигналам от окружающих. Справа же открывается «пропасть» стереотипов толпы о том, как надо налаживать гармоничные отношения между людьми. Естественно, что эти правила далеко не всегда подходят маргиналам. Сочетание этих угроз проявляется в следующем. Во-первых, в толпе принято строго соблюдать правило подавления в себе недовольства действиями окружающих людей. Маргиналы во взаимодействии между собой должны придерживаться противоположной (как это видно из рассмотренного выше Кодекса взаимодействия) установки об обязательности дачи немедленной обратной связи в случае ощущения малейшего дискомфорта. Такое поведение маргиналов в группе может породить проблему, заключающуюся в том, что им надо уметь правильно реагировать на

получение обратной связи на их действия, в которой может содержаться негативная оценка партнера по взаимодействию. Естественно, что обратная связь должна высказываться в корректной форме, не содержащей в себе элементы оценки личности, но этого может оказаться недостаточно. Любой маргинал должен четко себе усвоить, что его поведение может порождать определенные неудобства не только для людей толпы, но и для других маргиналов, и, следовательно, должен научиться спокойно реагировать на негативную обратную связь. Если для снижения ощущения дискомфорта у партнера по взаимодействию маргиналу требуется изменить что-то в своем поведении, но это для него недопустимо, то он вправе продолжать вести себя по-прежнему. При этом он должен быть готов к тому, что партнер в таком случае прекратит неприятное для него взаимодействие. На это тоже обижаться не следует. То есть в данной конфликтной ситуации маргиналы четырежды нарушают принятые в толпе правила взаимодействия. Вначале маргинал сразу же высказывает свое недовольство поведением партнера, даже не потерпев хотя бы малость. Потом его партнер может проигнорировать эту обратную связь, что в толпе совершенно недопустимо. Третье нарушение заключается в том, что маргинал может прекратить неприятное для себя взаимодействие. Человек толпы в такой ситуации должен терпеть и мучаться. И, наконец, на каждом шагу этого разворачивания конфликта маргиналы должны совершенно спокойно воспринимать происходящее, никак не обижаясь друг на друга. Это также слишком необычно для человека толпы. По такому принципу должна строиться и жизнь общины. При этом применяемые маргиналами механизмы могут сильно напоминать что-то подобное в толпе, но ни в коем случае не приводить к привычным для обычного общества деструктивным последствиям.

Хочу предложить к рассмотрению следующий вариант применения такого механизма.

Для приема в общину кандидаты должны какое-то время — скажем, три месяца — прожить в общине в гостях, для того чтобы и самим решить, подходит ли им эта община, и дать такую же возможность узнать себя членам общины. Критерий включения в общину: квалифицированное большинство (например 67% голосов всех членов общины). Основными используемыми мнениями должны быть: «за» — заинтересованность в человеке; «воздержался» — равнодушие. Мнение «против» должно иметь больший вес, чем «за». Например, одно «против» должно равняться трем «за». Если результаты голосования получились следующими: «за» — 83, «против» — 5, «возд.» — 12, то итоговый результат = 68>67% (68=83—5x3). Больший вес «против» обусловлен тем, что такое отношение людей друг к другу чревато будущими конфликтами.

Высокий критерий обусловлен тем, что если будет использоваться простое большинство, то в общину станут включаться посторонние люди. Например, итог =28 (34 «за», 2 «против», 64 «возд.») свидетельствует о высокой степени равнодушия членов общины к кандидату. При низком критерии община начнет неоправданно расти, становиться рыхлой, что может привести к ее распаду или вырождению.

Следует заметить, что голосование «против» должно быть обоюдоострым. Если член общины слишком часто голосует «против», то это свидетельствует о его низкой терпимости к людям, что конфликтогенно. Для этого должен быть критерий «тревоги». Если какой-то член общины за последние 10 голосований высказался «против» столько раз, что это превысило допустимое значение (например, $5 > \text{limit} = 4$), то его членство в общине ставится под вопрос, который решается стандартным голосованием. Такой механизм позволит исключать из общины членов, которые устали эмоционально от пребывания в

Нам грубиянов не надо.
Мы сами грубияны.

Илья и Петров

ней, в результате чего, обычно, у них обостряются отношения с окружающими людьми. Но некорректное или неосторожное исполнение процедуры исключения может быстро превратить общину маргиналов в обычную толпу, которая травит своего же товарища, оказавшегося маргиналом среди маргиналов. Поэтому подобные процедуры должны носить уведомительный характер, когда фактически община просто сигнализирует одному из своих членов, что его поведение вносит дискомфорт в жизнь многих членов общины.

Механизм исключения из общины должен включать в себя возможность постановки на голосование любого члена общины инициативной группой недовольных им, численность членов которой достигла критического значения (например 5 или 10%).

Механизм остракизма в Древней Греции очень похож на описанный мною только что — так из городов Эллады изгнались неугодные обществу граждане. Решение об этом принималось путем тайного голосования посредством черепков (греческое слово *ostrakon* — черепок), на которых писались имена изгоняемых. Тот факт, что понятие остракизма впоследствии совершенно изменилось, превратившись в синоним травли (обычно именно маргиналов), указывает на то, что неограниченное применение этого механизма (также как и контростракизм, когда объектом голосования оказывается активный инициатор исключения кого-то другого) может служить формированию конформизма у большинства общины. Наверное, зло не в самих механизмах, а в отношении к ним людей, участвующих в этих процессах — как исключаемых, так и исключающих или принимающих к себе изгнанного в другой общине. Остракизм не есть аналог клейма ущербности. Факт исключения из общины следует расценивать просто как индикатор несовместимости человека с группой, что для рефлексирующего маргинала — индивидуализированного человека, дорожащего своей самостью, — никак не должно восприниматься как сигнал личностного неблаго-

получия: «Ну не состыковались наши индивидуальности, что ж тут поделаешь! Будем дальше искать близких по духу людей, с которыми мы можем взаимоприятно сосуществовать». Здесь опять-таки общины маргиналов должны поступать не так, как это принято в толпе: если на вступление в общину претендует человек, ранее уже исключавшийся многократно из других общин, это ни в коем случае не должно рассматриваться маргиналами как отягчающее обстоятельство. Возможно, что человек оказался несовместимым с членами других общин, но органично впишется именно в эту. В такой ситуации община, рассматривающая вопрос о приеме, должна постараться подойти абсолютно непредвзято к кандидату, что, впрочем, не запрещает им дотошно выяснить у него причины несовместимости его с другими маргиналами.

Кстати, а возможно ли существование таких общин, в которых могли бы собираться именно неуживчивые маргиналы? Мысль, на первый взгляд, парадоксальна, но именно осознание своей неуживчивости может подтолкнуть таких маргиналов к повышенной толерантности к чудачествам друг друга, сочетающейся с выдерживанием в общине максимально возможных дистанций между ее членами. Такие условия будут давать возможность неуживчивым маргиналам жить так как они хотят, - вдали от соседей, но все-таки не в одиночестве. Такое реально только в том случае, если такие маргиналы свою неуживчивость не сочетают с навязчивостью своего общества другим.

Хочу еще сказать о том, чего не должно быть в такой общине: иерархии. Иерархичность структуры общества провоцирует ее членов на борьбу за место в ней. Механизмы организации жизни общины маргиналов не должны быть командного характера, когда кто-то давит на других своим авторитетом начальника. Управление общиной должно носить характер не авторитета, а делегирования полномочий. «Доверили право решающего голоса — слушайте,

что я скажу, и после этого никаких возражений». Если все-таки кто-то возразил, доверенное лицо тут же слагает свои полномочия, и община снова должна мучиться с выборами на его место нового (например того, кто возразил — пусть теперь сам помучается!). Вообще, от заорганизованности жизни общины маргиналов, на мой взгляд, будет спасать неинтересность исполнения организаторских функций для истинных маргиналов. Они просто не будут рваться на «капитанский мостик», что убережет общину от возникновения сталинизма в миниатюре. Если все-таки в общине окажется случайно какой-нибудь новый Коба с организаторским талантом и постепенно станет подбирать под себя власть, то защитные рефлексы маргиналов должны будут быстро поставить вопрос о срочном удалении из общины «генерального секретаря». Только толпа может взрастить на своей «шее» тоталитарного «хозяина». А если община маргиналов все-таки попала под власть такого деятеля, то жалеть ее особенно не стоит, так как это свидетельствует о том, что ее члены выродились в обычных обывателей, готовых «отдаться» под чиновника.

А вообще создание таких общин маргиналов может оказать пользу не только маргиналам, но и толпе. Не говоря уже о том, что маргиналы самоизолируют себя в такой общине, подобный механизм социальной организации может решить проблемы, с которыми общество в принципе на данный момент не в состоянии справиться, например, наркоманией.

Наркоманию все время пытаются остановить грубой силой, действуя «в лоб», воздвигая на ее пути «бетонные плотины». Но почему-то никто не пытается трансформировать это явление в сторону повышения его управляемости, цивилизованности, культурности и, как следствие, снижения его вредности. Хоть и известна в сфере политики поговорка «Если не можешь остановить социальный процесс — возглавь его», до разумных действий дело у государственных

чиновников так и не дошло. Никто не пытается способствовать появлению в среде наркоманов лиц, остающихся потребителями наркотиков, но делающих это умеренно, контролирующих свою страсть, наполняющих это занятие хоть каким-то цивилизованным содержанием. Благодаря умеренности потребления зелья, чередующегося периодами медицинской реабилитации, такие наркоманы могут дольше жить, а значит, накапливать опыт и знания об этой жизни, и тем самым неизбежно будут становиться авторитетными ветеранами, задающими пример для начинающих. Притягивая к себе молодых наркоманов высокой культурой потребления наркотиков, они будут центрами спонтанно создающихся общин, их лидерами, гуру. И государству уже через них можно будет пытаться регулировать процесс, снижая его социальную остроту.

Заинтересовать таких руководителей общин цивилизованного наркопотребления сотрудничеством с собой государство могло бы снажением их дешевыми и качественными наркотиками, конфискуемыми у наркодилеров. Дело в том, что чрезвычайная криминализованность наркомании объясняется фантастической прибыльностью этого преступного бизнеса. Но сверхприбыльность наркоторговли является в какой-то степени и следствием борьбы государства с нею. Сверхприбыль наркоторговца — это награда ему за высокий риск профессии. И если выбрать из-под его бизнеса социальную базу, то и финансовая привлекательность его профессии снизится.

Достаточно дать лицензию цивилизованным общинам наркоманов на производство или закупку у правоохранительных органов наркотиков для собственного потребления при условии взятия на себя определенных обязательств, например полной ответственности общины за своих членов в уголовной сфере (совершает член общины преступление — руководитель общины лишается лицензии). А одним из условий получения такой лицензии могла бы стать обязательная

аттестация ее руководителя, включающая в себя минимальный стаж наркомана (скажем, 10 лет как подтверждение того, что у него есть достаточно сильные сдерживающие психологические механизмы, не позволяющие ему свалиться в неконтролируемую форму наркопотребления, ведущую к быстрой гибели), плюс экзамены по философии, психологии, медицине, культурологии, уголовному праву и др.

В целом же община является той универсальной оболочкой, в которой может благополучно существовать любое содержание, изолировавшись от остального общества, члены которого это содержание терпеть не в состоянии. Таким содержанием может быть и жизнь сексуальных меньшинств; большой общественной семьи без фиксации устойчивых пар; нелюдимов; нудистов; строгих вегетарианцев и других людей, чье поведение сильно отклоняется от общепринятых норм.

Если человек не идет в ногу со своими товарищами, то это, возможно, потому, что он прислушивается к другому барабану. Позвольте ему следовать за той музыкой, которая ему слышна, но только в другом месте.

(Генри Моро)

Глава 13. ХАЙКУИЗМ КАК ЖИЗНЕННАЯ ПРАКТИКА

В последнее время японская поэзия стала попадать в сознание даже тех россиян, которые никогда к привычной европейской поэзии не проявляли интереса, не говоря уже о восточной литературе. Происходит это в основном потому, что стихи японцев ими воспринимаются лишь как элементы моды на восточную экзотику, которую следует терпеть, если не хочешь показаться отставшим от жизни. Особенно трудно принимается людьми поэзия хайку. И по-другому быть

не может, ибо мой личный опыт показывает, что воспринимать поэзию хайку и писать свои стихи в подобном стиле удается только тогда, когда начинаешь придерживаться определенной жизненной практики, в корне отличающейся от общепринятого образа жизни. Можно даже утверждать, что хайку как раз и является проявлением особой жизненной практики. И кто ее не придерживается, тому не дано насладиться чтением Басё и Иссы или сочинением своих миниатюр в стиле хайку. Причем показательным является то, что проникновение в мир хайку не является бессрочным допуском: один раз туда прорвался и можно расслабиться. Ничего подобного! Как только изменяешь жизненной практике хайкуиста (я так называю последователя этой жизненной практики — хайкуизма), тут же теряешь способность воспринимать чужие стихи хайку и писать свои (речь идет, конечно, о качественной поэзии, а не об откровенной фальши).

Так что же это за практика такая!? На первый взгляд, ничего особенного. Во-первых, полное отсутствие суэты. Хайкуист в своей жизни никуда, по большому счету, не торопится. Мирские заботы, превосходящие по своему масштабу удовлетворение текущих бытовых потребностей по минимуму, его не цепляют. У такого человека в жизни нет мотивации достижения, столь привычной для атлантов (так я называю для краткости представителей западной цивилизации).

Наследившего

Самого потоптать бы ногами.

Утренний снег.

(Мацууга Тэйтоку)

Шел бы пешком,

У горы «Опираясь на посох»

Не упал бы с коня.

(Басё)

Блохи и вши.

Лошадь мочится прямо

У изголовья.

(Басё)

Стебли морской капусты.

Песок заскрипел на зубах...

И вспомнил я, что старею.

(Басё)

(Вспоминаю умершего
ребенка)

Больше некому стало

Делать дырки в бумаге окон.

Но как холодно в доме!

(Миё)

Нормальным состоянием для хайкуиста является пассивность и созерцательность, а главным занятием — восприятие жизни такой, какая она есть. Постижение окружающего мира, всех его явлений в целом и в отдельных нюансах без каких-либо исключений составляют для хайкуиста главный кайф в его жизни.

Однако здесь следует уловить разницу между поэзией хайку как жанра литературы и хайкуизмом как жизненной практикой. Качественные стихи в стиле хайку для хайкуиста являются всего лишь побочным продуктом его бытия. Для поэтов же (профессиональных или любителей, желающих прославиться поэтами) сочинение стихов является ведущей деятельностью, которая либо кормит их, либо позволяет им выразить себя в глазах окружающих людей.

Сочинение стихов для хайкуиста по сути является психотехническим приемом, с помощью которого он, во-первых, настраивает себя на соответствующее отношение к жизни, а во-вторых, проверяет, насколько ему это удалось. Качество стихов хайку является отличным индикатором успешности в реализации хайкуистской жизненной практики. Малейшее проникновение в сознание суетной мысли тут сбивает восприятие хайкуиста, лишая его способности выдавать хорошие стихи, так как поэзия хайку процентов на 95 стоит из оригинальности жизненных наблюдений, основывается на интересных мыслях и чувствах, вызванных непосредственной созерцательностью. В

Глянь-ка, монах В поле спраляет нужду, Прикрываясь зонтом. <i>(Исса)</i>
Громко пукнув, Лошадь подбросила кверху Светлячка. <i>(Исса)</i>
Круглится Ямка от струйки мочи. Снег у ворот. <i>(Исса)</i>
Храм Мокубо! Вся в пятнах от блевотины Сегодня луна. <i>(Исса)</i>
Каков соловей! Обтирает грязные лапки О цветы на сливе... <i>(Исса)</i>

то же время, чтение качественных стихов хайку является отличным средством очистки сознания от бытийной шелухи невротической или корыстной природы. Поэтому в данной главе хайку рассматривается исключительно в психологическом разрезе, и литературным критикам я советую не напрягаться из-за ее содержания.

Если так, то у читателя может возникнуть вопрос: почему я для обозначения этой психотехники не возьму какое-нибудь другое слово, никак не связанное с литературным термином «хайку»? Во-первых, этот прием лишь с небольшими отклонениями использует соответствующую технику стихосложения. Во-вторых, лучшими примерами описанной жизненной практики являются биографии наиболее авторитетных японских поэтов хайку — Басё и Иссы.

Что же в хайку такого особенного, что позволяет использовать ее как средство психологии смысла жизни, как вариант жизненной практики? Прежде всего стоит упомянуть, что хайку впитала в себя традиции дзен-буддизма в отношении человека к миру, к себе и своем месту в этом мире. В этом отношении стихи хайку чем-то напоминают буддистские коаны — своеобразные психотехнические приемы, позволяющие человеку постичь истину, ускользающую от рационального разума. Но хайку и дзен роднит не только техника — в философии этих двух культурных комплексов значительно больше общего, чем различий. Западная культурная традиция всегда стремилась к искусственноому облагораживанию действительности как в объективной плоскости через преобразование окружающих предметов, так и в субъективной в виде фильтрации и приукрашивания воспринимаемых образов. Эстеты Запада предпочитали оперировать в своем сознании идеальными образами, вытесняя из него все недостойное для их утонченного вкуса. На Востоке же мир обычно воспринимался таким, какой он есть на самом деле, без всяких прикрас. Искусство восточного эстета заключалось не в преобразовании окружающей

действительности или искажении своего восприятия и сознания, а в способности видеть прекрасное во всех проявлениях жизни.

«Поэты школы Басё стремились находить красоту в повседневности... Как говорится в трактате «Сандзоси» (1702), если прежние поэты воспевали соловья, который поет на ветке сливы, то нынешние подмечают, как он «роняет помет на лепешку». ...«Основой стиля Басё было соединение, слияние пейзажа и чувства в пределах одного стихотворения. Причем соединение это непременно должно было быть следствием гармонического слияния поэта и природы, которое, в свою очередь, становилось возможным лишь в том случае, когда поэт отказывался от «собственной воли», своего «я» и стремился лишь к обретению «истины». (Из предисловия Т. Л. Соколовой-Делюсиной к сборнику Матчуо Басё «Избранная проза».)

«Если для Басё и его последователей поэзия была средством познания мира, проникновения в его сокровенные глубины, раскрытия внутренних, недоступных взору связей между отдельными явлениями, то Иесса в своих стихах стремится прежде всего запечатлеть окружающую его действительность и свои собственные ощущения, запечатлеть с максимальной точностью и полнотой. Басё смотрел на мир глазами мыслителя, Иесса описывает мир с безыскусным простодушием, как бы без оглядки на литературную традицию. Хайку Иессы заставляют увидеть трогательную прелесть привычных, неотъемлемых от обыденной жизни каждого человека пустяков, на которые, кажется, никто и внимания не обратит. Он делает предметом поэзии все то, что старательно избегалось его предшественниками, и, соединяя в рамках одного стихотворения низкое и высокое, утверждает значительность и необходимость каждой малости, каждой

Запах твоих духов...
Что может быть сильнее? —
Запах моих носков.

(Алексей Андреев)

твари, этому миру принадлежащих. В этой открытости миру, в ощущении себя его частицей, равноценной остальным, в умении с щемящей душу простотой запечатлеть мельчайшие подробности бытия, пожалуй, и заключается то новое, что привнес Иссак в японскую литературу». (Из Предисловия Т. Л. Соколовой-Делюсины к сборнику Кобаяси Иссаки «Ливень пятой луны».)

Попробую теперь изложить правила психотехники хайкуизма. Еще раз подчеркиваю, что это не поэтическая техника литературного жанра хайку. Я намеренно беру из классической техники стихосложения только то и в таком виде, что, на мой взгляд, может оказаться полезным человеку, решившему придерживаться описанной выше жизненной практики. Естественно, что я при этом в чем-то искажаю литературные каноны и привношу кое-что от себя.

Поэзия хайку должна быть миниатюрной и несовершенной в плане ритма, рифмы и лексики, так как написание крупного стиха и его доводка до совершенства требуют значительных усилий и времени, что неизбежно убивает первичное впечатление или мысль — кусочки непосредственного бытия, положенные в основу стиха. Мучительный поиск подходящих слов приводит к потере свежести мысли или чувства, спровоцировавших написание стихотворения. Стих хайку должен быть аналогом скорой зарисовки, эскиза, а не совершенной картины, писавшейся годами. «Стихотворение [хайку] возникает спонтанно, в результате единого творческого порыва и редко подвергается дальнейшей обработке». (Предисловие Т. Л. Соколовой-Делюсины к сборнику Кобаяси Иссаки «Ливень пятой луны».) Однако здесь от себя хочу указать на то, что литературоведы требуют от поэтов хайку ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ отсутствия ритма и рифмы. Хайкуист это может не соблюдать, так как, если стих спонтанно родился в голове уже с ритмом и рифмой, то терять время и силы на устранение этих «недостатков» с целью приведения в соответствие литературным канонам я

считаю психологической ошибкой. Хайкуист ведь пишет свои стихи не для публикации в печати, а прежде всего для самого себя. Все это верно и в отношении количества строк или слогов в стихе. Три строки можно воспринимать лишь как не слишком строгий ориентир. А соблюдение японского стандарта в 17 слогов для одного стиха в русском языке просто неразумно, если учесть огромные различия между японским и русским языком. Тем более, что русский слог далеко не эквивалентен японскому аналогу. Вообще, в психотехнике хайку значительно важнее не формальные требования, а смысловые.

«Басё в качестве основных эстетических принципов обновленной поэзии [хайку] выдвинул «саби» (изысканная строгая простота, возникающая в результате отстранения души поэта от суетности и пестроты повседневной жизни), «сиори» (выражение красоты «саби» непосредственно в словесной ткани стиха, в его содержании), «хосоми» (изысканность и тонкость внешнего облика стиха, которая помогает раскрыть красоту «саби»), «каруми» (красота простоты и непритязательности, выражение глубокого смысла в простой и понятной форме). (Предисловие Т. Л. Соколовой-Делюсины к сборнику Мацуо Басё «Избранная проза».)

В хайку желательно не применять классические для западной поэзии приемы, которые слишком сильно убивают непосредственность восприятия. Например, одним из таких приемов является использование эпитетов — слов, обозначающих эмоции автора: «любовь», «красивый», «очарова-

Не знаю, что за люди здесь,
Но птицы пугала в полях —
Кривые, все до одного!

(Исса)

Так я и знал наперед,
Что они красивы, эти грибы,
Убивающие людей!

(Исса)

Снова весна.
Приходит новая глупость
Старой на смену.

(Исса)

Пчелка в траве,
И в следующий раз родись
На меня непохожей.

(Исса)

ние» и др. Дело в том, что когда человек вешает на свою эмоцию какой-то затасканный ярлык в виде всем понятного названия или устойчивого сравнения, он загоняет свои неповторимые образы в стандартные рамки словесных значений. Точно так же электронщик, преобразовывая аналоговый сигнал в цифровой, теряет тонкие нюансы, обертоны, в результате чего сигнал перестает быть неповторимым.

С другой стороны, запрет в классическом хайку на антропоморфизм, когда происходит одушевление неодушевленных предметов или животным проецируются психические способности человека, мне представляется не всегда оправданным. Одно дело, когда этот прием служит все той же стандартизации воспринимаемого образа. И совсем другое, когда с помощью образа животного или неодушевленного предмета автор передает свои отношения с другими людьми, окажись они в данной описываемой ситуации. Так, например, в следующем своем стихе я допустил откровенный антропоморфизм:

Снова встал я с кровати
Стих в ночи записать.
«Идиот!» — подумала кошка.

Но, если воспринимать его не поверхностно, можно уловить, что на самом деле кошка в нем служит образом постороннего человека, чуждого моему миру. «Идиот!» — так, увидев мой поступок, подумал бы любой типичный человек толпы, содержание жизни которого ограничивается простым набором удовольствий: секс, пьянка, мордобой. Данный пример показывает, что если рассматривать хайку не как вид поэзии, а одно из проявлений определенной жизненной позиции, то строгое следование стихотворным правилам не всегда оказывается адекватным.

Еще одним важным принципом психотехники хайкуизма являются юмор и парадоксы. Жанр хайку вообще по

своему происхождению многим обязан этим сторонам японской культуры. Это, кстати, также роднит стихи хайку с дзеновскими коанами. Юмор, так же как и парадоксы, позволяет взглянуть на некоторые явления с неожиданной стороны, что дает возможность внезапным озарением постичь какую-то скрытую от «зашоренного» взгляда истину, обратить внимание на ускользавший ранее аспект, уловить тонкую связь между казавшимися абсолютно чужими друг другу явлениями или вещами. Поэтому хайкуисту следует учиться умению очищать свое восприятие от всевозможных шаблонов и стереотипов. В связи с этим мне вспоминается один интересный феномен психологии восприятия. Как-то в исследовании зрения психологи надели испытуемому специальные очки, которые полностью переворачивали изображение «вверх тормашками», в результате чего человек видел все так, словно он был подвешен вниз головой. При этом обнаружилось, что цветовая окрашенность воспринимаемой картинки у испытуемого резко усилилась. Он все видел перед собой в необычно ярких, «сочных» красках. Необычная точка зрения позволила ему взглянуть на привычные для себя предметы свежим взглядом. Такой эффект дает возможность человеку обнаружить в окружающем мире какие-то новые аспекты, сделать интересные наблюдения, обычно недоступные взгляду, опосредованному культурными стандартами восприятия, усвоенными им в период обучения и психического развития в детские и юношеские годы. Для такого освобождения от штампов своего восприятия и сознания вовсе не обязательно прибегать к таким инструментальным хитростям. Этого можно достичь и психотехническими средствами, одним из которых является хайку.

Хочу особо подчеркнуть, что излагаемое мной понимание хайку очень субъективно. Это мой личностный опыт вплетения элементов чужой культуры в свою частную жизнь. Я его ни в коем случае не собираюсь никому навязывать как образец для подражания. Но надеюсь, что мой

опыт поиска своего жизненного пути поможет кому-нибудь в его неповторимых блужданиях.

Деньги кончаются —
Не на что жить.
А как неохота работать!

Мелькание сосен
в окне электрички
Осенняя морось
Блевотная вонь

Проснулся под утро.
Жена сладко спит.
Пришлось сочинять стихи.

Жмется кошка
К спящей жене.
Холодно в доме.

Мерзнут колени,
завидя брюху:
«Вот бы и нам столько жиру!»

Пукнул я громко
В ночной тишине.
Жаль, что никто не услышал.

Праздничное утро —
Везет дуракам:
Соседи опять напьются...

Наконец-то похудел я.
Стон суставов сразу смолк —
Жить им стало легче...

Поникла комнатная пальма,
Не вынеся предательства хозяев.
Ее собирались продавать.

Над нами новые соседи.
Приехали, наверно, из деревни —
Уж сильно шумные они.

Ура! Идем мы на халяву.
Нас в гости пригласили те,
Кто рад радушием прослыть.

Прервался сон от грохота внезапно.
Недоумение во тьме...
А это кошка, разомлевши,
На пол свалилася во сне.

Не спится мне. Наблюдаю
Как борются сонные кошки с женой
За лучшее место в кровати.

Терплю морозы из последних сил,
Не доставая зимнюю одежду:
Поддамся — хитрая зима
В момент ослабит хватку.

Что за странная у кошек любовь
Всюду путаться под ногами!
Может, они мазохистки?

Сходив пописать я в ночи,
Подумал о рацихе:
Поставить на колени от мочи
Брызговики иль «дворники» попроще.

Скоро спиливать ножки у мебели
Мне придется от безысходности:
Пальмы выросли до потолка.

Дряхлым мужьям на заметку:
Поникшие растения после полива
Встают как по команде.

Не слыхать соловьев
В мегаполисе ночью.
Автосигнализация.

Домосед в езде по городу
Уязвим как никогда.
Не привык в себе подолгу
Он носить свою нужду.

Поздний рассвет декабря
Освещает метель за окном.
Никуда не идти мне сегодня с утра!
Люблю ненастье,
Сидя дома.

Кошка идет по комнате прочь,
Брезгливо дрыгая лапами.
Намек откровенен: «Пора прибирать
Загаженную квартиру».

Спать пора. Верчусь во тьме,
Съестные мысли отгоняя.
Давлюсь слюной, но снова мне
Соблазнов образы сияют.

Чуткий сон в ночной тиши
Караулит подлый враг:

Дикий вопль чужих авто
На сигнализации.

Наконец-то выгнал
Жену на работу.
Теперь буду по ней скучать.

Так и не распустившись,
Погиб цветок орхидеи:
«Холодно тут у вас!»

Грибной комарик докучает,
Тычясь в ноздри и глаза.
Ничтожество, а гриб роскошный
Испортить может, съев чуть-чуть.

Камикадзе-пешеход
Бьется с хамом на авто,
Отвоевывая право
На передвижение.

(подражая японцам)
Все труднее разогнуть поясницу,
Вставая со стула.
Вот и лето прошло...

Наглая кошка
Требует пищу,
Сидя над полной миской.

В ведре отмокает,
наливаясь блаженством,
пересушенный кактус.

Тетка в роскошной дубленке
Не поленилась нагнуться
За мелкой монетой в грязи.

Машина тоскливо под снегом
Глазеет фарами в окна,
Мечтая о мести скорой:
«Помучишься ты со стартером!»

На улице свежий снег.
Недолгая красота —
Сейчас поташат ковры
Соседи во двор выбивать.

Снова кошка просит ласки,
Преследуя по квартире
С мольбою во взгляде и писке.

Обмер ночью я спросонья:
Висельник под потолком.
Снова дал себе зарок
Не сушить одежду в спальне.

Пакет валяется в углу.
Заглянул внутрь — там кошка спит,
Скрутившись в бублик волосатый.

Завидую одежде,
Что парится под утюгом жены.
Холодная зима.

Как приятен мороз,
Когда спрятался весь
От него я в огромную шубу.

Захотелось гулять мне с утра под дождем.
Но на улице мерзко, темно, неуютно.
Ничего не поделать — полезу под душ.

Я спать хочу настолько сильно,
Что, опасаюсь, не засну.

Под окнами слышится
Рык блюющего, пьяный говор
— это народ...

Поймал себя на мысли, что я ем,
Вполне возможно, лишь затем,
Чтоб насладиться прохождением еды
Последней лишь инстанции во мне.

Опять «продули» наши футболисты!
Пойду на кухню.
Зажую проблему.

С тоской изучаю
Я плесень в немытой кастрюле...
А ну ее на фиг! Пойду полежу.

Позвонил приятель мне нежданно.
Сообщил приятное вполне:
Заработал я немного денег,
Лежа на диване в дремоте.

Как раздражает скрип кнопок
На старой клавиатуре!
А денег на новую нет...

Первый снег
От ветра косой.
Тоже, видно, заяц.

В дверь балкона стучит синичка.
Кошка просит впустить ее.
Морозное утро.

Синичка стучала — просилась к нам в дом.
Увидела кошку и прочь улетела.
На улице холодно. Жаль мне ее.

Наглец получил свое счастье второе.
Желаю ему повстречать на пути
Еще более наглого хама.

Холодное утро.
Корячится кошка,
Пытаясь улечься на теплой трубе.

Друг похвалил мою книгу.
Не знают они, что писал я ее,
Лежа в кровати, толстя от лени!

(наконец-то появилась возможность пописать)
Хлынул дождь как из ведра.
Что ж моя нужда не так же...

Бедняжка оса
Залетела в автобус
Куда он теперь ее увезет

Откуда столько пьяных
вокруг меня в метро?
Пятница вечером

Вопли соседей.
Они свято верят,
что их свадьба — праздник для всех.

Бессонна ночь.
Блуждают мысли.
И вновь приходит аппетит.

Пукнул дядя,
Вотте на!
Запах сытой жизни.

Что за звуки странные?
Смачно кошка хрюкает,
Выкусывая шерсть.

Расслаблен мозг.
Блуждают мысли.
Размер ноздри как раз под палец.

Обиженная монстера плачет —
Ее листья отвернули от света.
Ну, как тут не стать
Террористом или мизантропом —
Опять в туалете бумага
Не рвется, как ей положено...

Топчет усердно кошка
Мягкое одеяло,
Страстно урча от ласки.

У нас под балконом заросли.
Райский уголок,
Служащий всей округе
Публичным сортиром.
Как хорошо летом на рассвете
Выйти на балкон!.. Так было.
Построили мусорный завод.

Скоро Новый год!
Опять страна
Уйдет в запой...

Текущая кошка
Призывно орет.
Бессонная ночь.

Холодная зима.
Пора копать траншеи.

Привычная глазу картина:
Аварийщики вскрыли теплотрассу.
Один ковыряется в яме,
Дюжина стоит вокруг.
Наблюдают. Советуют.
Холодная зима. Россия.
Мать вашу!..

Опять проехал «металлист» —
Мусоровоз, гремя цепями.

Наша кошка словно струна —
Отзываются писком
На любое к себе касание.

Что за странная связь:
Нашей кошке, чтобы посрать,
Обязательно надо замерзнуть.

Как сухо в зимней квартире!
Пора побрызгать на цветы.

Лысеет пальма,
Сбрасывая к зиме нижние листья.
А жаль!

Прижалась кошка
К батарее под пальмой.
Мороз на дворе.

Опять потягивается кошка
Выставляя зад
Словно выпрашивая пинка.
Тихо в доме.
Только кошка
Хрюкает «Вискас».

Пришел я на кухню
Удавить червячка.
«Опять овсянка...» —
Хмуро буркнуло брюхо.

Как трудно удержаться от пинка,
Когда кошка, попросившись на зимний
балкон, «застревает» в двери,
принюхиваясь к улице.

Опять у кошки весь лоб в молоке.
Сколько раз это видели,
А все равно смешно.

Высморкался бурно и к зеркалу сразу -
Не повесил ли снова себе я «медаль».

Жаркое лето. И кошка по полу
Ползает в поисках холодного места,
рея его своим телом.

Снопа у кошки течка —
Предлагает себя всем подряд.
Плохой у нее глазомер.

Дуэтом будильники
перестукиваются в тишине.

Забавная рожица
из трещин на потолке.
Облом вставать.

Евромодный унитаз придумал явный идиот.
Чтоб не забрызгать задницу свою
Я ею внутрь тянусь к воде.

А ведь облако может и освещать,
Отражая солнечный луч
В северное окно.

Кошка идет по свежему снегу.
Дрыгает лапами
На каждом шагу.

Села кошка в свежий снег
И тут же вскочила.
Снова села, но уже на хвост.

Раннее утро.
Тяжелый подъем.
Ну, почему будильник
Всегда звенит невовремя?!

К кошке не притронешься —
Трещит разрядами.
Сухо в зимней квартире.

Дворники убирают снег
Бабы ворочают глыбы
Мужики подгребают крошки

Часть 4

С КОЛОКОЛЬНИ МАРГИНАЛА

Если вы читаете данную книгу исключительно ради поиска практических советов для решения своих конкретных жизненных проблем, то эта ее заключительная часть может оказаться бесполезной. В отличие от предыдущей части книги, где была преимущественно практика, здесь в основном умничанье автора на некоторые отвлеченные от непосредственной жизни психологические и социальные вопросы. Поэтому прагматично настроенные читатели могут свое знакомство с книгой закончить на этих строчках без боязни пропустить что-либо полезное для себя. Любителя же поразмышлять над сложными вопросами существования человечества впереди ждут некоторые мысли, которые, возможно, покажутся ему неожиданными и далеко не бесспорными.

Вообще, философское осмысление своей маргинальной позиции формирует нетипичный для общественного мнения взгляд практически на все социальные, культурные и иные вопросы. Общеизвестные проблемы существования и развития человечества могут перестать восприниматься таковыми. Или же кардинально меняется понимание их детерминации. В то же время очевидными становятся совершенно иные проблемы, которых большинство людей про-

сто не способно увидеть. В данной части книги я излагаю свое видение нескольких серьезных вопросов природы человеческого общества с точки зрения маргинала. Понятное дело, что типичные представители толпы, прочитав последующие главы, скорее всего, просто покрутят пальцем у виска. Кто-то, возможно, попытается получить удовольствие от бескомпромиссной критики отдельных положений прочитанного. При этом его поведение с научной точки зрения будет не совсем корректным, так как критиковать он будет с позиции совершенно иной парадигмы, в корне отличающейся от авторской. Если уж критиковать, то начинать этот процесс надо на методологическом уровне с критики самой парадигмы маргинальности. Если удалось доказать ее несостоятельность, то переходить на разбор отдельных положений уже бессмысленно. Если же опровергнуть альтернативную парадигму не удалось, то критику в этом случае ничего не остается, кроме как анализировать обоснованность высказанных мыслей с позиций парадигмы автора. Но подобную строгость критиков к своей позиции редко удается встретить, поэтому квалификация представителями толпы мыслей маргинала как систематизированного бреда сумасшедшего уже не удивляет и вполне ожидаема.

Глава 14. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ КРИЗИСА ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В странах Запада (к которым в значительной степени я отношу и Россию) на протяжении как минимум полутора столетий не смолкают разговоры о кризисе цивилизации во всех аспектах: культурном, этическом, психологическом, геополитическом, экологическом и др. И острота этого

вопроса со временем только нарастает. Нарастает вплоть до того, что многие умные люди начали достаточно аргументированно поговаривать о надвигающейся гибели цивилизации под очередным натиском «варваров».

Для природы маргинальности этот вопрос имеет прямое отношение тем, что когда этическое и культурное ядро толпы, являющейся основой общества, подвергается коррозии, маргинализация все большей части населения начинает прогрессировать. Доля маргиналов в обществе становится все больше, и нарастают величина отклонений от среднесоциальной нормы в поведении и взглядах у наиболее ярко выраженных отщепенцев. Получается, что маргинальность как социальное явление как по количеству, так и по качеству зависит от благополучия толпы в культурном, этическом, психологическом и иных аспектах. Анализ кризисных явлений в обществе позволяет четче понять позицию многих маргиналов, не желающих придерживаться групповых норм. Само существование многих маргиналов является проявлением социального несогласия части общества, неким поведенческим вариантом критики идеологического ядра толпы. Поэтому содержание данной главы фактически вскрывает глубинную основу протesta многих маргиналов против навязываемых им образцов поведения и мировоззрения.

Итак, кризис цивилизации проявляется как противоречиями внутри системы ценностей, внутри западной идеологии, так и нарастающим несоответствием действительности в западном мире этим декларируемым идеям и ценностям. Но неразрешимые проблемы в странах Запада накапливаются не только в области общественного устройства или идеологии — все более неблагополучной становится сфера личной и семейной жизни. Типичный представитель западной цивилизации, или атлант, все в большей степени начинает походить на психически больного человека, а западное общество — на сумасшедший дом. И внешний лоск западно-

го мира обманывает все меньшее число людей как внутри него, так и за его пределами,

Поиск факторов, детерминирующих этот кризис западной цивилизации, вывел меня к двум первопричинам. Одной из них оказалась некоторая отличительная особенность западной философии, являющаяся одной из наиболее значимых в построении всей западной идеологии. Таким краеугольным камнем в фундаменте западной цивилизации, породившим значительную часть кризисных явлений настоящего времени, является абсолютизация добра и зла. Не углубляясь далеко в философские дебри этого вопроса, я тем не менее пришел к убеждению, что ни одна цивилизационная философия не достигала такой степени абсолютизации добра и зла, как христианская религиозно-философская традиция. Выяснение вопроса, почему и как это произошло, не входило в круг моих интересов. Свой экскурс в область философии я старался ограничить лишь констатацией факта, суть которого сводится к тому, что западные философы добро и зло, хорошее и плохое выделили в отдельные категории, оторвав их, во-первых, от субъективной позиции оценщика в ситуации, а во-вторых, от конкретной ситуации проявления добра и зла. То есть, по мысли западной философии, существуют абсолютные добро и зло вне всякой связи с человеческим опытом.

Альтернативой такой позиции является рассмотрение добра и зла как субъективной (неразрывно связанной с конкретным человеком) ситуативной (также связанной с конкретной ситуацией) моральной оценки какого-либо явления. Подобное отношение к проявлениям добра и зла допускает восприятие одного и того же явления в зависимости от ситуации и места в ней оценщика либо как добро, либо как зло. При этом между этими двумя крайними и поэтому практически недостижимыми оценками — только зло или только добро — существует ряд промежуточных оценок, в которых добро и зло перемешаны в различных пропорциях.

Абсолютизация же добра и зла не допускает «серых оттенков» в оценке конкретных явлений: между этими полюсами — непреодолимая пропасть.

В психологическом плане абсолютизация добра и зла порождает определенную мотивационную настройку поведения. Проявляется это прежде всего в резкой поляризации восприятия жизни в целом и себя в ней в частности. Все явления действительности делятся на два класса. В один из них попадает все то, что подлежит немедленному и бескомпромиссному уничтожению. В другом оказываются ценности, требующие скорейшего насаждения в себе и мире любыми способами вплоть до насилия. И жизнь представителя западной цивилизации, в основы которой заложен этот философский постулат об абсолютном добре и зле, становится нескончаемой чрезвычайно активной борьбой. Борьбой бессмысленной и безнадежной, так как, во-первых, часть природы, называемую злом, полностью уничтожить невозможно, а во-вторых, другая часть («добро») при насильтвенной экспансии трансформируется в искусственного уродца. В итоге насаждаемое добро нередко содержит в себе злого аспекта намного больше, чем замещаемое им официальное зло.

И ладно, если бы западная цивилизация этот абсурд сделала только своей внутренней проблемой. Но абсолютизация добра и зла достигает вселенского масштаба, т. е. свои стандарты плохого и хорошего атланты считают универсальными для всего мира, что побуждает их к цивилизаторской миссии переделки всего мира по своим лекалам. В итоге, насилию Запада подвергается все человечество без какого бы то ни было исключения.

Вторым обнаруженным мною фактором, виновным (по моему убеждению) в кризисе западной цивилизации, оказался некоторый патологический механизм в мотивации атлантов, ставший со временем частью национального характера европейских, а затем и североамериканских народов. В настоящее время для подавляющего большинства

населения стран Запада характерно неумение довольствоваться в своей жизни наличными благами. И, вместо того чтобы научиться довольствоваться малым, типичный атлант приходит к выводу, что причиной его неудовлетворенности текущей жизнью является не его внутреннее несовершенство, а внешний фактор в виде недостачи определенного ресурса счастья. (В психологии мотивации такая позиция называется «внешний локус контроля», когда человек причины своих неудач ищет вне себя.) И получение этих «ресурсов счастья» (как он себе это представляет) в большом, объеме становится главной целью для человека на значительный период его жизни. А так как он цель свою определил неправильно, то и ее достижение ему реально счастья принести не может. Во-первых, неумение довольствоваться наличным распространяется и на отдаленную цель. Ведь когда человек получает вожделенный ресурс счастья, он — ресурс — тут же становится **НАЛИЧНЫМ(!)**, а довольствоваться им, я повторяю, он не умеет. В этой ситуации неудовлетворенности достигнутой целью человек решает, что и прошлом он ошибся в постановке цели (не за тем ресурсом гонялся) и выбирает себе новую, которая на этот раз уж точно принесет ему счастье. И снова бросается в погоню за ней. Так он втягивается в бесконечную погоню за миражами.

А во-вторых, состояние неудовлетворенности достигнутой целью усугубляется усилившимся неумением довольствоваться наличным. Дело в том, что активная деятельность ради получения большого «ресурса счастья» в отдаленном будущем неизбежно связана с самоограничением себя в удовольствиях от текущей жизни. Эта самоотверженная активная деятельность становится устойчивой привычкой. В результате, когда человек, достигнув желаемого, прекращает суэту и, расслабившись, пытается получить долгожданное удовольствие, он вместо этого испытывает невыносимый психический дискомфорт от непривычности пассивного образа жизни, что перекрывает возможное

наслаждение достигнутым. И спасается он от такого неудовольствия все в той же привычной суete.

В итоге жизнь таких людей превращается в нескончаемый лихорадочно-изнурительный труд ради получения различных благ, которые, попадая к таким несчастным страдальцам, тут же отбрасываются за ненадобностью. Наиболее успешные в такой бессмысленной гонке имеют огромные особняки, в которых не живут, а лишь noctуют, гаражи, забитые роскошными автомобилями и иными средствами передвижения, которыми они не пользуются, если не считать дорогу на работу и домой, которая заполнена не наслаждением от езды, а все той же работой, красивых жен и любовниц, к которым прикасаются от силы раз в месяц, и прочее, и прочее.

Главными «ресурсами счастья», за которыми гоняются описанные трудоголики, являются богатство, слава и власть, способные дать промежуточный ресурс — социальный статус. Именно эти ценности становятся определяющими в жизни атлантов, квалифицируясь при этом, как это ни парадоксально, официальной идеологией западной цивилизаций как проявления абсолютного зла, стремление к которым признается христианством одним из самых тяжких грехов. Это лишний раз подчеркивает серьезность внутренних противоречий в смысле жизни атлантов, породивших рассматриваемый кризис их цивилизации.

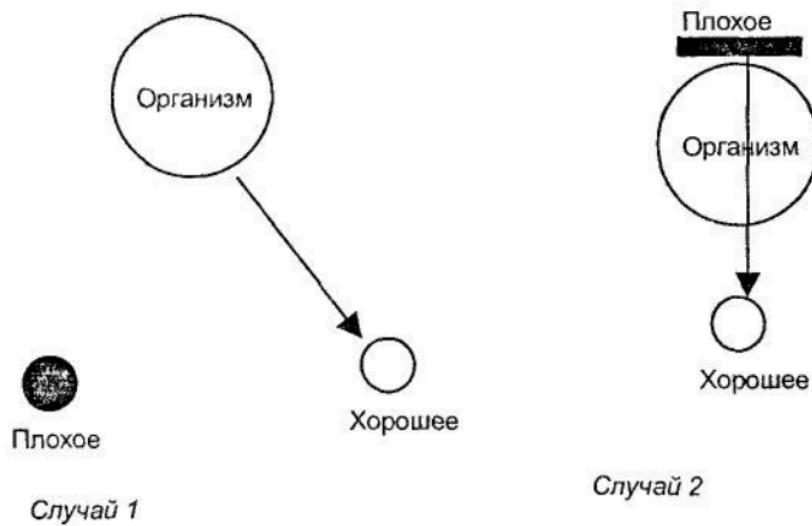
НАВЯЗЧИВОЕ ЖЕЛАНИЕ ПЕРЕДЕЛЫВАТЬ СЕБЯ И МИР

Для того чтобы понять детерминацию поведения современного человека его отношением к добру и злу, нам придется сделать небольшой экскурс в философию биологии.

Активные формы жизни, т. е. те, которые способны передвигаться в пространстве или преобразовывать окружающую среду, нуждаются в нервной системе для ориентации

своей активности. Таким образом, нервная деятельность по своей сути есть ориентация активности организма, направленной на обеспечение его жизни и размножения. Понятие ориентации предполагает наличие направления. Так как мы имеем две формы активности организма — передвижение в пространстве и преобразование окружающей среды, то и направление должно быть двух видов: направление передвижения в пространстве и направление преобразования среды от одного ее состояния к другому.

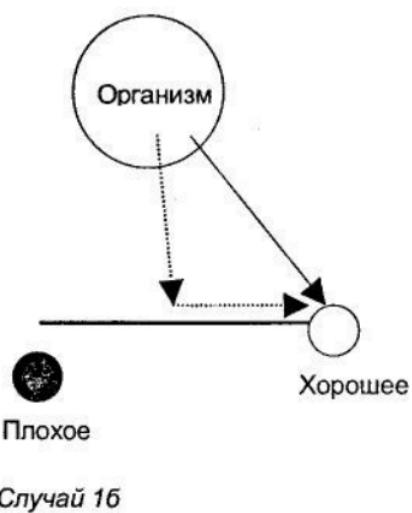
Ориентация активности организма состоит из двух процессов: восприятия действительности с целью определения направления активности; организации этой активности, выражающейся в определенных действиях в выбранном направлении. Определение направления движения всегда условно можно свести к выбору из двух вариантов — хорошего и плохого. Либо это две неравноценные, но приемлемые альтернативы, либо один приемлемый вариант, который выступает в роли хорошего по сравнению с неудовлетворительной исходной ситуацией, в которой организм находится в момент определения направления активности. Эти случаи графически можно изобразить следующим образом:

Ситуация выбора между двумя альтернативными вариантами может быть несколько иной, когда наше существо уже добралось до менее привлекательного варианта и имеет в поле восприятия его альтернативу:

Кроме того, движение в первом случае можно спроектировать на линию, соединяющую альтернативные варианты, и тогда его можно рассматривать как последовательное движение вначале к этой линии соединения, а затем вдоль нее к хорошему:

Таким образом, во всех рассмотренных вариантах любая активность может быть представлена как движение в направлении от плохого к хорошему. Теперь проанализируем силу мотивации этого движения. Зависит она от субъективной оценки выбираемых вариантов, т. е. от того, насколько они хороши или плохи, по мнению нашего существа. Если использовать математический язык, то силу мотивации можно было бы выразить формулой

$$y = f(x),$$

где y — сила мотивации, а x — субъективная моральная оценка альтернативных вариантов. При этом точка зрения на вопрос, какие значения может принимать независимая переменная X , сильно различается у атлантов, абсолютизирующих добро и зло, и других людей, рассматривающих добро и зло как относительные явления. Атланты, считая, что изначально существуют абсолютное добро и абсолютное зло, допускают только два значения переменной x — 1 и 0 соответственно. А человек, не разделяющий такой точки зрения, считает, что абсолютных добра и зла в мире не существует, следовательно, значения переменной X никогда 0 и 1 не достигают, а могут быть любым числом между ними, т. е. $x \in]0,1[$.

Говоря языком попроще, можно представить точку зрения атлантов, как признание в мире только черного (плохого) и белого (хорошего) без каких-либо серых оттенков. Точка зрения неатланта тогда будет признанием возможным только серого цвета различных оттенков. При этом нельзя считать атлантов настолько тупоголовыми, что они неспособны увидеть в каждом реальном явлении сочетания добра и зла в различных пропорциях. Разница между атлантами и другими людьми заключается как раз в отношении к этому смешению. Атланты считают такую смесь добра и зла в одном явлении как непорядок, как сбой в природе мироздания, а неатланты воспринимают это как проявление

естественного порядка вещей и явлений. Такое различие в философских позициях приводит и к различию в природе восприятия у атлантов и других людей. Атланты, воспринимая явление как смесь добра и зла, трансформируют его до одной из крайностей: если в нем больше добра, то они сводят к абсолютному доброму, испачканному некоторым злом; если же в нем больше зла, то механизм тот же с точностью до наоборот. А позиция относительности добра и зла дает субъективную оценку явления, более или менее объективно отображающую пропорцию этих двух аспектов в нем.

Таким образом, мы получаем следующую картину. Когда атлант сталкивается с выбором между двумя неравноценными альтернативами, то он сводит свою ситуацию к движению от абсолютного зла к абсолютному доброму. И сила его мотивации при этом всегда будет максимальной

$$y = f(1) - f(0) = \max.$$

А его оппонент с адекватной оценкой альтернатив получит силу мотивации своей активности значительно меньшую, например

$$y = f(0.7) - f(0.45).$$

Это приводит к тому, что атланты в своей жизни проявляют себя значительно более активными людьми по сравнению с остальным человечеством. Если нормальный человек, предпочтя более привлекательный вариант развития событий, проявит умеренную мотивацию к его достижению, то атлант в каждой своей деятельности проявляет максимум усердия, которое только возможно в данной ситуации. Мало того, нормальный человек, получив желаемое, тут же успокаивается, удовлетворившись достигнутым, а атлант на этом не останавливается. После реализации выбранного варианта в том виде, каким он был изначально, атлант продолжает свое движение к абсолютному доброму, прилагая максимум усилий к «очищению» достигнутого объекта от содержащегося

в нем зла, стремясь к совершенству. Примером такого поведения может служить ситуация с яблоком. Допустим, выбор альтернатив был следующим: чистое, но незрелое яблоко на ветке или спелое, но упавшее на землю. Нормальный человек в такой ситуации подберет спелое яблоко и съест его довольноый, а атлант весь изведется, пока не доведет его до идеальной чистоты. Но и это еще не все. Нормальный человек, отказываясь от менее привлекательной альтернативы, не станет ее уничтожать, так как более привлекательного варианта можно и не достичь. В этом случае поначалу отвергнутое может стать приемлемым удовлетворением по принципу «на безрыбье и рак — рыба». Атлант в подобной ситуации менее привлекательный вариант рассматривает как абсолютно не-приемлемый и тут же его старается уничтожить, как и любое зло на земле. Например, нормальный человек, собирая в лесу грибы, в своих поисках пройдет равнодушно мимо какой-нибудь малоценней свинушки, исходя из того, что и этот гриб кого-то может обрадовать — зверя или человека, знающего в нем толк. Атлант же в такой ситуации со злостью разстопчет этот ни в чем не провинившийся перед ним гриб как зло, отнимающее жизненное пространство у абсолютного добра — белого гриба. Но и на этом он не успокоится — будет шастать по лесу до потери сил, срубая палкой и растаптывая ногами все грибы, которые он считает абсолютным злом в виде поганок и мухоморов. Невдомек ему будет, что по своему незнанию он уничтожит много полезного в природе, так как все в этом мире он стремится привести к своему образу абсолютного добра.

Подводя итог данного раздела, мы получаем понимание особенности мотивационной сферы атлантов, заключающейся в чрезмерной, совершенно неадекватной жизненной ситуации, активности, содержанием которой являются борьба с абсолютным злом везде и во всем (в том числе и в себе) и насаждение абсолютного добра в том виде, как они его себе представляют.

ГРУППОВОЙ ПРЕССИНГ

Стремление переделать окружающих людей, свойственное всем членам общества, приводит к формированию в нем группового давления на любого, кто рискнет отклониться в своем поведении от общепринятых образцов абсолютного добра. Механизмы приведения членов общества к единобразию, задаваемому доминирующему в нем большинством, мы достаточно подробно рассмотрели в предыдущих главах этой книги. Здесь же хочу лишь направлять внимание читателя на наиболее яркий пример такого механизма в виде «плавильного котла» американского общества, в котором, по замыслу атлантов, должно «переплавляться» в универсальных и единообразных американцев все разношерстное эмигрантское пополнение США. Самое интересное, что подобный механизм фактически действует в Западной Европе последние десятилетия, хотя и без такой откровенной, свойственной американцам, декларации. В то же время на Западе нормой публичного поведения стала так называемая политкорректность, которой атланты любят козырять перед другими народами как примером своей цивилизованной толерантности, подчеркнутого уважения индивидуального и группового своеобразия отдельных членов своего общества.

Эти явления — «плавильный котел» и политкорректность — вроде бы несовместимы: с одной стороны, тебя довольно грубо и бесцеремонно заставляют отказаться от своей индивидуальности, а с другой, — всячески подчеркивают уважение к твоим правам на своеобразие. В этой коллизии есть два аспекта. Один из них заключается в том, что политкорректность — это профилактика возможной реакции на «плавильный котел». Дело в том, что если обижать публично чьи-то групповые (именно групповые, а не индивидуальные!) отличия от большинства, то это способствует ответному сплочению этого меньшинства в группу, оппозиционную

доминирующему большинству. То есть действует негласная договоренность: ты усиленно «переплавляешься» под общепринятые стандарты, а я воздерживаюсь от критики твоего временного несоответствия им. Подтверждением такого правила могут служить факты, что, если человек (или группа людей) демонстрирует устойчивую инакость (тем самым проявляя свое либо нежелание, либо неспособность «переплавляться»), то первоначальная политкорректность общества по отношению к нему сменяется обвинениями его же в неполиткорректности. Ведь устойчивое проявление инакости есть противопоставление себя другим, подчеркивание своих отличий в сочетании с чувством превосходства. То есть я не просто не такой как все — я горжусь своей непохожестью. А это уже оскорбление других, проявление неполиткорректности. Таким образом, политкорректность по своей сути — это скрытая под благостной оболочкой дубина группового подавления инакости.

Вторым аспектом политкорректности, делающим ее удобным инструментом в идеологической борьбе атлантов с другими народами, является избирательность ее действия. Дело в том, что в способности человека «переплавиться» в единообразную единицу западного общества есть природные непреодолимые ограничения: цвет волос и кожи, строение черепа, пол и многое другое. Так вот, атланты любят демонстрировать свою политкорректность именно в отношении этих констант, выводя их из-под общественного пресса. В самом деле, глупо третировать человека за неспособность изменить свой генетический код, свое тело. На этом поле общественных отношений его можно и «погладить», обрушив всю свою мощь группового давления на наиболее значимые объекты переделки: сознание, поведение, систему ценностей, на душу в целом.

И в этом стремлении привести переделываемого человека в соответствие общепринятым стандартам добродетельного атланта западное общество часто демонстрирует

очень интересный социально-психологический феномен, как нельзя лучше показывающий негативные последствия абсолютизации добра и зла. Когда атлант берется за преобразование человека (людей) в сторону улучшения, он видит в нем преобладание добра над злом (в противном случае он принимает решение о немедленном проведении гуманитарных бомбардировок). Но если перевоспитываемый в ответ на насилие над собой начинает бороться за сохранение своей природы неизменной, атлант меняет свое отношение к нему: «Ну, раз ты так цепляешься за зло в себе, то, значит, именно оно определяет твою сущность. А коли так, то и ты в целом подлежишь уничтожению». Этот феномен известен как маратовская любовь и запечатлен в афоризмах великих: «Когда хотят сделать людей добрыми и мудрыми, терпимыми и благородными, то неизбежно приходят к желанию убить их всех» (Максимилиан Волошин).

ВЕРТИКАЛЬНАЯ ШИЗОФРЕНИЯ

Рассмотренные выше механизмы переделки западным обществом человека исходя из своих представлений об абсолютном добре и зле не всегда встречают сопротивление личности переделываемого. Как правило, в этом процессе переделки личности активное участие принимает и сам объект, самозабвенно насилия свою душу. В результате такого дружного воздействия как извне, так и изнутри получается искалеченная особым образом психика, типичная для любого атланта.

Чтобы понять ее природу, представим себе естественно-нормальную (т. е. такую, какой она должна быть по своей внутренней природе, а не исходя из нашего выдуманного представления о среднестатистической норме) человеческую психику в виде круга. Когда она оказывается в условиях жесткого давления извне, требующего от нее соответствия стро-

го определенным стандартам — нравственно-этическому кодексу, построенному на абсолютизации добра и зла, возникает проблема несоответствия ее содержания этим искусственным нормам. То есть далеко не все в этой психике оказывается устраивающим внешнего оценщика. И все то, что этим цензором в нашей психике признается недопустимым как воплощение зла, должно быть ею уничтожено. Психика, не желающая оспаривать правомочность таких требований, вынуждена создавать в себе внутреннего контролера, которому предстоит произвести сортировку содержания на добро и зло и изгнание второго. После того как этот внутренний контролер начинает самоедство, пытаясь уничтож-

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

жить в себе жизненно необходимые части, эти изгои с ярлыком «Зло» сосредотачиваются в пространстве психики от него (контролера) подальше. Контролер, поняв свое бессилие в попытках выполнить поставленную перед ним внешним цензором задачу, делает вид, что изгоев не замечает, а значит, добился того, что от него требовалось.

В итоге мы получаем деформированную психику, в которой со временем образуются три четко выделенные части: внутренний контролер; разрешенное «Добро», постоянно присутствующее в поле зрения контролера; запрещенное «Зло», старающееся держаться подальше от глаз контролера. Это устойчивое деление психики на части и является тем, что я называю вертикальной шизофренией, в отличие от классической, описанной психиатрами, которую можно представить как деление психики по горизонтали.

Рис. 5

Вот такую психику, больную вертикальной шизофренией, лет сто назад у европейцев обнаружил один талантливый исследователь, которого звали Зигмунд Фрейд. Внутреннего контролера души он назвал Супер-Эго (Сверх-Я, сверхсознание), отфильтрованное «Добро» — Я (то, что мы привыкли называть сознанием), а отфильтрованное «Зло» он обозвал «Оно», или подсознанием. А когда Фрейд и его последователи накопили достаточно экспериментального материала, то

оказалось, что такая структура психики является наиболее типичной для стран Западной Европы и Северной Америки. На основании этого открытия ученые сделали вывод, что раз такая психика наиболее распространена среди населения, значит, она является нормой. Через некоторое время всевозможные исследования психики других народов мира показали, что далеко не везде описанный тип трехчленной души является преобладающим среди населения. Наоборот, значительно большая часть человечества обладает необычной для этих ученых психикой, в которой не удается обнаружить привычного деления ее на части. Тогда западными учеными было сделано уточнение в их теории: трехчленная психика является нормальной для современного цивилизованного человека, отсутствие же вертикального деления души на части есть свидетельство психической незрелости человека. Что и было принято всей западной цивилизацией как окончательная истина.

ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЛИЧНОСТИ И ОТНОШЕНИЙ С ОКРУЖАЮЩИМИ ЛЮДЬМИ

Рассмотренные выше внешние и внутренние механизмы насилиственной переделки личности порождают самые разнообразные нарушения в психологической сфере атлантов. Здесь я хочу уделить внимание рассмотрению лишь некоторых наиболее ярких из них: потеря непосредственности в поведении; эмоциональная выхолощенность; лицемerie; скрытое лукавство.

Непосредственность страдает из-за наличия в искалеченной вертикальной шизофренией психике внутренней цензуры: любое возникающее в душе спонтанное желание тут же подвергается проверке на чистоту от зла, от плохих

побуждений. Подобное обращение с непосредственными движениями души постепенно приводит к тому, что она начинает работать и все тише подает голос о своих желаниях. Но этим процесс обуздания души не ограничивается, так как она подвергается насилию, побуждающему ее продуцировать социально одобряемые желания, соответствующие общепринятым понятию абсолютного добра. Примерно то же самое происходит и с его эмоциями. Эти три вида насилия над душой (полный запрет на спонтанные желания и эмоции; препарирование их, когда надо хотеть и чувствовать ПРАВИЛЬНО, а не абы как; принуждение к социально одобряемым желаниям и эмоциям) превращают атланта в робота, способного в своем поведении действовать только по заложенной в него извне программе и изображать некое подобие человеческих чувств.

В отношениях между атлантами, а также между Западом и остальным миром это порождает повсеместное лицемерие и лукавство. С лицемерием все и так понятно, а вот на лукавстве мне хочется остановиться поподробнее, так как у нас в России, а также и в других развивающихся странах часто слышны разговоры о несправедливости, которую постоянно допускает Запад по отношению к нам практически во всех сферах жизни: политике, экономике, культуре, науке, спорте и др. Нам на каждом шагу хочется обвинять атлантов в постоянном лукавстве. Лукавстве недобром, корыстном, хищническом. Но все время такие обвинения, готовые сорваться с языка, останавливает какой-то внутренний тормоз. В лукавстве Запада есть что-то такое, что отводит от них открытую критику. Как раз в этом и проявляется вертикальная шизофрения атлантов.

Вначале разберемся с сутью лукавства как психологического явления. Обычно лукавым называют человека,

Лицемерие — неискреннее поведение с людьми, не содержащее в себе недоброго в отношении них замысла. Лукавство — то же, что и лицемерие, но с интригой.

который говорит одно, а думает и впоследствии делает совсем другое, никак не согласующееся со сказанным. Центральным в этой связке является несоответствие слов именно мыслям, а не поступкам, так как иногда бывает расхождение дел со словами из-за забывчивости или, скажем, по причине интеллектуального дрейфа. То есть вначале высказал свое мнение, а через некоторое время подумал-подумал, признал про себя свою исходную неправоту и сделал все не так, как планировал. Лукавый человек хорошо осознает несоответствие своим словам мыслей и дел, обусловленных этими мыслями. И обвиняют мы такого человека в лукавстве только тогда, когда нам становятся известны его высказывания, противоречащие тому, что говорилось нам, но хорошо согласующиеся с реальным поведением этого человека.

С атлантом получается все по-другому. Дело в том, что в его моральном кодексе лукавство обозначено как откровенное зло, недопустимое для него в поведении. Для того чтобы не мучиться от осознания своего лукавства, человек вытесняет свои истинные мысли в подсознание. Эти мысли не уничтожаются, находясь в подсознании. Мало того — они продолжают определять его реальное поведение. А в сознании такого человека устанавливается лад — он убеждает себя в том, что говорит именно то, что и думает. И говорит он эти искусственные мысли ВСЕГДА, несмотря на то, что ведет себя совершенно по-другому. Но так как окружающим его людям не удается поймать его на противоречии в словах, то и в лукавстве никто его не обвиняет.

Вот одной из особенностей такой трехчленной психики атланта, страдающего вертикальной шизофренией, и является легкость вытеснения из сознания истинных мотивов его поведения, толкающих его к таким поступкам, которых он сам стыдился бы, если бы осознавал их суть. Но атланты чувствуют себя довольно хорошо, так как фактически не ведают, что творят, пребывая в мире выдуманных иллюзий,

где они себя представляют святыми ангелами, благородными рыцарями, учтивыми джентльменами, окружеными толпой невежественных и неблагодарных дикарей. С чем мы их и поздравляем. А нам остается лишь смиренно вздохнуть и развести руками: «А что с них, больных душой, возьмешь?! Бедненькие они...»

БОРЬБА С ПРИРОДОЙ

Если уж атланты взялись переделывать мир по своему разумению абсолютного добра и зла, то, естественно, они не могли пройти мимо природы! Начинается все обычно с устранения элементарной бытовой грязи из жизненного пространства, на что атланты готовы тратить чуть ли не половину своих сил, времени и средств. А так как согласно одному из законов Мэрфи «чтобы что-то почистить, нужно что-то испачкать», то Запад довольно быстро загадил всю планету.

Устранением бытовой грязи атланты в своем поиске совершенства окружающего мира не ограничиваются, и наступает черед сорняков и животных-вредителей — грязи биологической, по мнению атлантов. Уничтожение биологического воплощения абсолютного зла вкупе с процессом облагораживания природы, выражаящимся, например, в уничтожении подлеска в парках, довольно быстро разрушает экологические системы, складывавшиеся миллионы лет.

Помучившись с тонкой настройкой нарушенного экологического равновесия, атланты довольно быстро приходят к радикальному решению всех проблем — заместить природу искусственной средой. То есть атланты считают, что лучший вариант добиться совершенства окружающего мира — это все создать своими руками. И ведь что интересно, почему в христианстве осуждается вмешательство в «божий промысел» в плане медицины, генетики, но игнориру-

ется переделка дикой природы? Ведь не только человек создан Богом, а весь мир! Тогда почему человеку сходит с рук переделка этого мира? Разве Бог давал ему на это лицензию? Вот вам и богочеловеки!.. В своем маньячном упорстве совершенствования природы они никогда не остановятся, даже если улучшать на планете больше будет нечего, так как все вокруг превратится в отходы процесса улучшения. Приходит на ум аналогия с мутировавшим вирусом, который после миллионов лет безвредного паразитирования в организме животного, вдруг превратился в чрезвычайно плодовитого и прожорливого завоевателя, погубив в итоге своего носителя и сам сдохнув вместе с ним. Вот и атланты ведут себя так же на планете, обрекая и себя, и остальное человечество на скорую кончину.

РЕФОРМЫ И РЕВОЛЮЦИИ

Еще одним объектом приложения усилий атлантов в преобразовательном зуде оказывается общественное устройство. Вообще, при рассмотрении социальных вопросов обычно придерживаются одной из двух парадигм. В первом случае обществовед отталкивается от иллюзорного общества. Человек «изучает» не объективную общественную реальность, а идеальный образ общества, которым, по его разумению, оно должно быть. Должно быть в том смысле, что общество таким БЫЛО БЫ, если бы оно не «болело» всякими отклонениями от идеала. Поэтому ученые работают над «природой» выдуманного общества и «медициной общественных болячек».

Другая парадигма строится на действительно объективном рассмотрении настоящего общества таким, какое оно есть, без всяких прикрас. Ученые, придерживающиеся этой точки зрения, обычно не страдают желаниями общество улучшить, ибо убеждены в бесплодности подобных усилий,

а стараются прогнозировать ход его естественного развития и строить свои планы исходя из этой модели.

Естественно, что атлантам, стремящимся к абсолютному доброму и в общественном устройстве, свойственна первая парадигма. Следствием такой позиции являются непрерывные попытки элиты общества улучшить его во всех аспектах, что порождает так называемые «реформы сверху». Само название таких преобразований указывает на то, что большинство членов общества еще не готово к их принятию. Поэтому проведение реформ сверху обычно сопряжено с каким-либо видом насилия над обществом в целом. Но это оказывается не единственным недостатком реформ сверху.

Когда инициаторами преобразований оказывается небольшая группа во власти, исходящая при этом из своих умозрительных схем, затеваемые ими реформы обычно извращаются рядовыми исполнителями. Происходит это, обычно, по самым различным причинам. Одной из них является непонимание простыми чиновниками и мелкими политиками сути реформ, механизмом проведения которых они оказываются поневоле. Другой причиной оказывается неистребимое желание обычного человека извлечь из управляемого им процесса какую-либо пользу для себя лично. В итоге, реальная реформа сверху оказывается не только преждевременной для простых членов общества, но еще и отвратительной по исполнению, что только усиливает ее неприятие обществом в целом. В результате благие затеи элиты часто вызывают сильнейший откат социальной реакции, загоняющий общество в такую форму организации, которая оказывается более незрелой и примитивной по сравнению с предреформенным состоянием. Именно такой социально-политический механизм привел к созданию в Европе (в том числе и в СССР) в 20 веке кровавых тоталитарных режимов. Наиболее характерным процессом возникновения тоталитарных режимов в последнее столетие

была ускоренная либерализация общества (более подробно см. гл. «Возврат в тоталитаризм»).

На Западе лишь в США элита обычно воздерживается от насилия над обществом. Это результат исторических традиций национальной политики, основой которой является создание власти снизу. Чего не скажешь про Европу, до сих пор руководствующуюся в общественном устройстве умозрительными схемами. Но если американская элита не насищает свое общество, то вся ее энергия создания абсолютного добра в организации общества направляется вовне на переделку устройства всего остального человечества.

СИНДРОМ МИССИОНЕРА

Представление об абсолютном добре и зле у атлантов является органичной частью западной цивилизации, всего их мировоззрения. А так как современные цивилизации базируются на этнических культурах, корнями уходящих во времена 2-4 тысяч лет назад, когда еще культурный обмен между основными центрами развития человечества практически отсутствовал, то они (цивилизации) в настоящий момент демонстрируют очень высокую степень несовместимости.

Помимо этого, исходя из того, что понятия добра и зла опираются на моральную оценку непосредственной реальности, мы получаем, что абсолютизация добра по своей сути является идеализацией жизни. И идеалы атлантов естественным образом отображают этнокультурное своеобразие западной цивилизации, наследуя от него несовместимость с реальностью других цивилизаций. Это приводит к тому, что при столкновении цивилизаций (западной с какой-нибудь иной) атланты проявляют склонность любой элемент иной цивилизации, не совпадающий с их представлением абсолютного добра, квалифицировать как проявление зла

со всеми вытекающими из этого последствиями. В итоге представители Запада в иных частях планеты занимают позицию миссионеров, несущих в дикий мир свет цивилизации. А так как этот остальной мир демонстрирует «редкостное невежество», то его приобщение к «правильной» цивилизации Запада должно носить характер тотального перепрограммирования, когда «примитивную» культуру «отсталых» народов надо полностью уничтожить, а в головы «дикарей» инсталлировать культурный «золотой» фонд атлантов. После этого аборигенов надо полностью переучить вплоть до рефлексов западному образу жизни и организовать их общества по западным образцам. А если кто-то из «варваров» окажется недостаточно продвинут в интеллектуальном плане, чтобы оценить привалившее ему счастье в виде этого перепрограммирования, и станет, «дурашком», сопротивляясь, тогда по отношению к нему придется применить насилие для его же блага.

ЯРМАРКА ТЩЕСЛАВИЯ

Возвращаясь в данном разделе к сюжету в мотивации счастья атлантов, напомню, что суть его заключается в сдвиге мотива на цель, когда вместо попыток научиться довольствоваться наличным в жизни, человек бросается в погоню за ресурсами счастья, наивно полагая, что, получив их в большом количестве, счастливым станет автоматически. При этом, когда атлант все-таки получает СТОЛЬ вожделенные ресурсы счастья, он забывает ими воспользоваться, потому что, во-первых, так и не научился получать удовольствие от такого бы то ни было количества ресурсов, а во-вторых, настолько привык к изнурительной погоне за ними, что не в состоянии вынести спокойствие, являющееся обязательным спутником счастья.

То, что подавляющее большинство населения Запада несчастно в своей суэтной жизни, само по себе является серьезным кризисом этой цивилизации. Цивилизация несчастных людей — это ужасно! Если же вспомнить, что атланты навязывают свой образ жизни и систему ценностей всему остальному миру, а значит, и лишают тем самым все человечество счастья, то содрогаешься при мысли о будущем нашего мира. Но и это является не единственным негативным последствием данного мотивационного сбоя атлантов.

Конкуренция за ресурсы порождает соревнование атлантов за первенство в обладании наибольшего количества ресурсов. В результате этого мы получаем уже второй порядок сдвига мотива на цель: целью становится не счастье, как таковое, и не ресурсы его получения, а первенство в соревновании за обладание наибольшим их количеством. Психология такого поведения может быть выражена фразой: «Если уж не получается стать счастливым, так хоть создам у всех окружающих иллюзию, что я самый счастливый благодаря обладанию самым большим набором ресурсов счастья». И удовольствие от победы в этой гонке иллюзий становится суррогатным «счастьем» западной элиты. Жизнь превращается в ярмарку тщеславия. А ценой этому оказывается процесс перемалывания природных ресурсов в неиспользуемые вещи.

СМЕРТЬ ОТЛОЖЕННОГО СЧАСТЬЯ

События последних лет показывают, что в мире назревает схватка цивилизаций на уничтожение. Основной движущей силой такого развития событий является уверенность одной стороны (радикальные течения ислама, которые назовем для краткости условным термином «варвары») в своей способности «замочить» западную цивилизацию,

видящую себя непобедимым монстром. Уверенность «варваров» опирается на знание «ахиллесовой пяты» атлантов. Этим слабым местом является страх смерти, ставший отличительной особенностью психологии западной цивилизации.

Природа этого психологического явления обусловлена ориентацией жизни атлантов в отдаленное будущее. То есть суть жизни атланта — это отложенное счастье, когда в настоящем только труд и самоограничение, а ожидание радости связано с будущим. Поэтому и обидно атланту умирать, так этого счастья и не дождавшись, нахлебавшись по своей собственной инициативе одних лишений в текущей жизни.

Рациональный атлант к жизни подходит как к бизнес-проекту, когда в первой половине одни инвестиции и убытки, а прибыль появляется значительно позже. И как глупо закрывать неликвидный проект (совместимый только с твоей личностью, а значит, неспособный заинтересовать кого бы то ни было в плане его покупки у тебя. Именно таким свойством непродаваемости обладает человеческая жизнь.), не дождавшись прибыли, так же и преждевременная смерть для атланта оказывается неприемлемым вариантом развития ситуации.

Сверхсильная мотивация достижения в будущем отложенного счастья приводит к массовому умопомрачению атлантов, на котором процветает западный страховой бизнес. Подавляющее большинство атлантов, приобретая страховые услуги, даже не задумываются о том, что покупаются на подмену, мастерски скрытую в рекламе страховых компаний. Получая полис, они пребывают в иллюзии, что защитили себя от наступления страхового случая (например пожара), хотя на самом деле получили защиту всего лишь от разорения, вызванного этим пожаром. Привычка к такому самообману, всячески провоцируемому и поддерживаемому страховщиками, приводит их к страхованию жизни с надеждой защитить себя от преждевременной смерти. И как не может страховая компания защитить их от пожара, так не сможет уберечь от терроризма.

Как бы Запад ни боролся с терроризмом, как бы он ни закрывался от «варваров» всякими «зонтиками», глобализацию назад уже не отыграть. Любой камикадзе, не боящийся смерти, окажется сильнее всей финансовой и технологической мощи атлантов, так как в настоящих войнах, как правило, победитель определяется на психологическом фронте. Побеждает обычно не тот, кто сильнее физически, а тот, кто готов на большие жертвы ради победы. Даже если каждый камикадзе разменяет свою жизнь на одну лишь жизнь атланта, «варвары» из своих рядов смогут столько выдвинуть смертников, что нанесут Западу непоправимый психологический ущерб, в результате чего он развалится как «коллосс на глиняных ногах».

Чтобы перестать бояться смерти, надо научиться жить сегодняшним днем. Сам факт, что терроризм, направленный против населения вообще, появился лишь в последние десятилетия, говорит о том, что отложенное счастье, как образ жизни, является поздней находкой атлантов и не свойствен природе человечества. И даже если атланты изменят свою психологию настолько, что перестанут бояться смерти, следует признать, что западная цивилизация обречена. Ибо люди, живущие сегодняшним днем, — это уже иной мир, иная философия, новая цивилизация на могиле западной.

БОРЬБА БУЛЬДОГОВ ПОД КОВРОМ

Жизнь по плану — это неспонтанная жизнь. Если хочешь реализовать свой план — насилий свою природу. Поэтому атлант, живущий в режиме отложенного счастья, формирует в своей душе внутренний конфликт. Одна часть личности, ставящая цели и разрабатывающая план ее достижения, требует от другой — естественного лентяя и гедониста — самоотверженности и мобилизации всех сил для своего трудового подвига.

Эта требовательность к самому себе придает внутреннему психологическому конфликту форму трудовых отношений. В душе атланта формируется личность жестокого и неумолимого начальника, эксплуатирующего свое естество как какого-нибудь батрака. А если человек столь безжалостен к самому себе, то почему он должен относиться лучше к окружающим?! В итоге, атлант превращается в тирана своих близких, лишая их своей требовательностью возможности наслаждаться текущей жизнью. Такое перекрестное поклонение превращает западное общество в сортире трудоголиков, в котором человек, умеющий жить сегодняшним днем и не «рвущий жилы» ради отложенного счастья, становится презренным маргиналом. Атланты уподобляются собаке на сене — сами не умеют наслаждаться жизнью и другим не дают.

Такое отвержение атлантами своей природы оказывается несовместимым с любовью к себе, место которой неизбежно заполняется эгоизмом. Понять, что такая любовь к себе, человеку, воспитанному в духе западной цивилизации, трудно. Происходит это потому, что христианская традиция строилась на самоотвержении. Любовь к себе всегда в западном обществе считалась грехом, так как любящий себя обычно проявляет психологическую независимость от окружающих, от общества, что последних никак не устраивало (не говоря уже о христианских жрецах, ревниво требовавших от прихожан приоритета любви к Богу над всем прочим). Общество не могло допустить ослабление потребности людей в себе (обществе). Поэтому любовь к себе отождествлялась с эгоизмом в самой неприглядной форме и предавалась осуждению как проявление абсолютного зла.

На самом же деле любовь к себе и эгоизм есть проявления разных жизненных позиций. Любовь к конкретному человеку по своей сути есть стремление сделать для него приятное, удовлетворить любое его желание, каким бы оно ни было. Любовь к себе ничем от этого чувства не отличается.

ется. Любящий себя должен уметь улавливать любые свои желания и потребности и быть способным их удовлетворять. При этом любовь к себе никак не связана с отношением к окружающему миру, так как это явление внутреннего мира человека. Внешние обстоятельства могут помешать человеку удовлетворить свои желания, но настоящая любовь от этого не пострадает. Так же и в любви между людьми — если один любящий всеми силами своей души стремится сделать счастливым другого, но внешние обстоятельства этому препятствуют, объект любви, если он любит первого не меньше, никогда не будет обвинять его в своей неудовлетворенности.

Природа эгоизма совершенно иная (см. гл. 2, разд. «Отношение к себе и людям»). Здесь все замешано именно на позиции человека относительно внешнего мира. Эгоизм вкупе с повышенной требовательностью к окружающим порождает отношения собственности между людьми. То есть атланты на других смотрят не как на людей, а как на источник ресурсов счастья. Но ресурсы нужны всем атлантам — с ними добровольно никто расставаться не собирается. Поэтому население западных стран соревнуется в мастерстве относительно честного (и не очень!) отъема чужих ресурсов. Непрерывное мошенничество, интриги и подковерная борьба становятся основой отношений между атлантами. Боясь стать жертвой, атлант все время настороже и оказывается неспособен на искренние эмоциональные отношения с окружающими — любовь и дружбу, на получение удовольствия от общения с интересным человеком.

ВЫСШИЕ ЦЕННОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ГРАБЕЖА

Рассматривая людей как источник ресурсов счастья, атланты быстро обнаруживают в этом плане настоящий

Клондайк — страны остального мира, заселенные, как правило, наивными простаками, словно просиявшими на роль жертв грабителей с Запада. Какой же это кайф для атланта — выменять за стекляшки у индейца или папуаса мешок золота или земли размером с европейское графство! А через некоторое время атланты выясняют, что таких два, на первый взгляд, разнородных процесса, как вестернизация «варваров» и их ограбление, очень даже совместимы. Под разговоры на тему «общечеловеческих» ценностей оказывается так ловко «чистить» карманы лохов-абorigенов! Получается, что понятия абсолютного добра и зла могут быть неплохой отмычкой кладовых незападного мира, делая их хозяев бесплатными рабами атлантов. Вот так сошлись два рассмотренных нами фактора в одном процессе, когда атланты в своей бессмысленной погоне за ресурсами счастья используют свои высшие ценности как инструмент для грабежа всего человечества. Правда, тут у атлантов проблемка получается. Хоть «варваров» до поры до времени и удавалось грабить под лозунгом приобщения их к истинным ценностям, они оказались не настолько глупы, чтобы заблуждаться в сути происходящего процесса. В итоге атланты, дискредитировав своими неправедными действиями свое миссионерство, в последнее время все в большей степени начали сталкиваться с тотальным отторжением своей цивилизации остальным человечеством, не говоря уже о нарастающем бунте людей Запада, не желающих быть типичными атлантами и занимающих все более откровенно маргинальную позицию. Чем разрешится этот глубочайший кризис западной цивилизации, можно только гадать, но, сдается мне, что последние годы ее существования уже сосчитаны в мастерской демиурга. Либо Запад сам переродится в новую более здоровую цивилизацию, либо рухнет под нашествием «варваров», либо повергнет весь мир в хаос, погубив своей разрушительной мощью и себя, и все человечество.

Глава 15. ВОЗВРАТ ТОТАЛИТАРИЗМА

Мировая история 20 века фактически определилась возникновением, деятельностью и крахом четырех тоталитарных государств: СССР, Германии, Италии и Японии. Человечество до сих пор не может до конца оправиться от всех ужасов этих чудовищных политических режимов, сделавших прошедший век самым кровавым в мировой истории. И большинство людей постепенно начинают расслабляться в надежде, что этот земной ад уже никогда не повторится, хотя бы в странах западной цивилизации. Однако внимательные специалисты в области социальной психологии и политологии в последнее время наблюдают пугающее сочетание некоторых факторов, делающих реальную вероятность возврата тоталитаризма практически повсеместно в мире.

Для того чтобы понять природу этого пугающего социального явления, называемого тоталитаризмом, надо отталкиваться от психологического феномена, названного Эрихом Фроммом «бегством от свободы» и описанного им в одноименной книге. Суть его сводится к тому, что человек, обладающий недостаточно сильной психикой, оказывается не в состоянии вынести бремя личной свободы во всех ее аспектах и проявляет склонность к отказу от нее в пользу существования в обществе, жестко регламентирующем все стороны его жизни. Рассмотрим это графически. Если по горизонтальной оси координат обозначить свободоспособность человека, а по вертикальной — количество людей в обществе, обладающих соответствующим уровнем свободоспособности, то с грубым приближением получим типичную кривую распределения. Бремя свободы для каждого человека различно в силу как ситуативности, так и субъективности его восприятия. Но допустим, что нам удалось вычислить усредненное для рассматриваемого общества и

более-менее объективное значение бремени свободы. Отметив его на шкале свободоспособности как критическую точку, отделяющую отказ от свободы из-за ее непосильности для субъекта от готовности бороться за нее, получим деление общества на две группы людей: склонных к бегству от свободы в тоталитаризм и дорожащих ею. На рисунке первые люди оказываются под кривой распределения левее линии бремени свободы, а вторые — правее.

На рис. 1 и 2 мы получаем два варианта общества в зависимости от местонахождения разделительной линии бремени свободы относительно кривой распределения людей в обществе по свободоспособности. Причем в тоталитарном обществе свободоспособность как психологическая характеристика фактически оказывается признаком маргинальности. Поэтому все рассматриваемое в данной главе так или иначе определяет жизнь маргиналов в обществе. Понятно, что в обществе, где большинство составляют свободоспособные люди, маргиналам в силу их имманентной свобо-

Рис. 1. Вариант свободного общества, когда определяющее большинство его членов справляется с бременем свободы

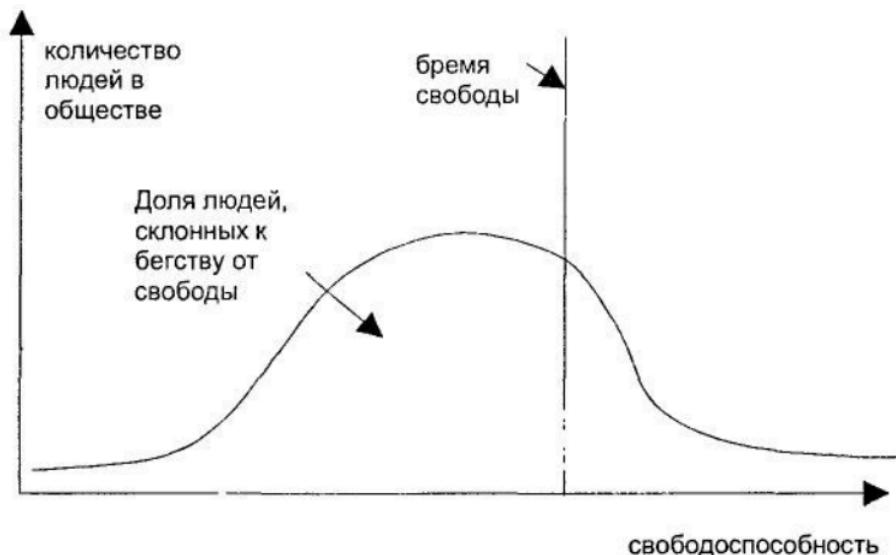

Рис. 2. Вариант тоталитарного общества

доспособности живется комфортнее. В тоталитарном же обществе маргиналы оказываются в одиночестве перед толпой, организованной в жестокую и беспощадную систему, не склонной мириться с их существованием.

А теперь вернемся к конкретике. Фромм показал на примере Германии, как в стране возникает тоталитарное (нацистское) государство в ситуации, когда большинство населения оказывается готовым к бегству от свободы. Россияне могут по аналогии обнаружить подобные механизмы в истории формирования сталинизма. Главным фактором, объединяющим Германию и СССР 20-х гг. 20 века в социально-политическом аспекте, является то, что эти страны в данный период находились в стадии постреволюционного хаоса, когда старые многовековые общественные структуры были сломаны, а им на замену пришла социальная стихия свободы всех видов, жить в условиях которой оказалось не готово большинство населения. Средние люди общества за считанные годы потеряли привычный для себя социальный статус и образ жизни. После стабильной и хорошо понятной

им жизни, в которой у них было четко очерченное и незыблемое место, эти люди оказались полностью дезориентированными в водовороте быстроменяющихся преобразований общества, в которых они не могли найти хоть какой-нибудь якорь для создания новой своей самости. Они вдруг обнаружили, что в новой ситуации в социальном плане являются нулями, ничтожествами, неспособными по новым меркам общества устроить себе достойную жизнь.

Но если в Германии основными поставщиками людей, желающих поскорее расстаться с такой психологически неприятной свободой, был средний класс мелких предпринимателей и ремесленников, то в Советском Союзе социальная ситуация была несколько иной. Основную массу городского населения в 20-е гг. прошлого века составляло вчерашнее крестьянство, которое мощным пылесосом засосала на фабрики и заводы ускоренная индустриализация в условиях, когда прежний психически сильный и уверенный в себе дореволюционный пролетариат практически полностью был выбит гражданской войной, а жалкие его остатки переродились в партийную бюрократию. После стабильной жизни в условиях маленькой крестьянской общины многих новоиспеченных горожан хаос огромного людского муравейника сильно напугал. А здесь еще на психику этих растерянных людей стала давить показная роскошь жирующих нэпманов, подчеркивающая убогость их нового социального положения. Все это наложилось на гипертрофированные ожидания этих «гегемонов» скорого социалистического счастья, когда им было обещано, что отныне в стране никто лучше их жить не будет. Разочарованность и смятение от полученной свободы быстро сформировало желание сбыть ее кому-нибудь в обмен на новый успокаивающий порядок. И когда появилось политическое предложение «железной руки» от «отца всех народов», эти слабые люди с радостью оказали ему социальную поддержку.

Таким образом, получается, что любая революция, кардинально ломающая прежние социальные структуры, несет в себе угрозу отката в тоталитаризм, если в обществе люди, для которых бремя новой свободы окажется непосильным, составят большинство. Именно в таком состоянии выбора до сих пор находится российское общество, но оно в мире не одиноко. Угроза возврата в тоталитаризм актуальна в настоящее время для целого ряда стран третьего мира. Это является следствием международной политики США, которые предпочитают вскрывать страны третьего мира как консервные банки. Свергая существующие режимы, которые американцы квалифицируют как недемократичные, и разрушая старые общественные структуры, Штаты пользуются временной неразберихой в «открытой консервной банке» и вылавливают из нее куски пожирнее. Естественно, что американцы при этом стараются «продлить удовольствие» с помощью марионеточных правительств, но чаще всего политические процессы в таких странах выходят из-под их контроля. Типичным примером неудачной демократизации является Иран, когда на смену шаху, ориентирующемуся на развитые страны западной цивилизации, пришел религиозный вариант тоталитаризма.

Однако более важным является то, что откат в тоталитаризм начинает угрожать не только странам третьего мира, но и тем, население которых привыкло кичиться своей развитой демократией. Дело в том, что если человечество внимательно следит за тоталитарными тенденциями в третьем мире, то в отношении стран Северной Атлантики все пребывают в состоянии благодушной уверенности в невозможности ренессанса подобного социального явления в Западной Европе. И уж тем более никому не приходит в голову подозревать эту «заразу» в «самой свободной стране мира». А зря!..

Социальные механизмы развития тоталитарных тенденций в развитых странах сильно отличаются от постреволюционного синдрома, который мы рассматривали выше.

Здесь присутствует несколько взаимосвязанных факторов. Но сначала следует понять одну старую ошибку обществоведов. Дело в том, что социальную ситуацию обычно рассматривают статично, когда условия существования человека на протяжении его жизни серьезно не меняются. В таком статичном обществе предполагается постепенное увеличение доли свободоспособных людей за счет их психологической и культурной адаптации к свободе. В такой ситуации со временем угроза возникновения тоталитарного режима постепенно уменьшается, так как снижается его социальная база (см. рис. 3).

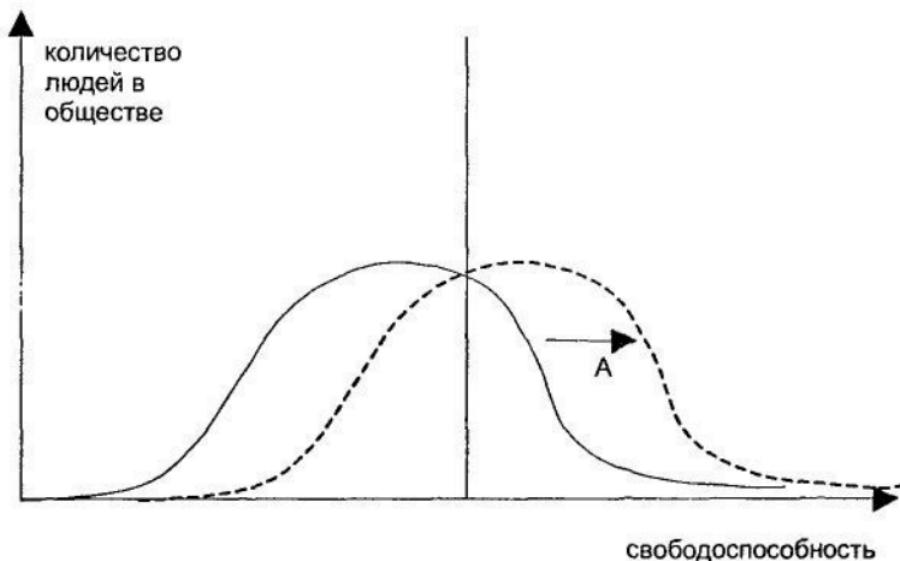

Рис. 3. Развитие общества в сторону повышения свободоспособности его членов — вектор А

В настоящее же время динамический аспект развития общества стал настолько сильным, что подобная общественная модель уже стала неадекватной. Для анализа общественных явлений необходимо использовать уже принципы динамических систем, а они как раз приводят к выводу о

постепенном снижении доли свободоспособных людей и постепенном нарастании социальной базы тоталитарных тенденций даже в странах развитой демократии. Происходит это по нескольким причинам.

В настоящее время резко усилилась скорость изменений условий жизни человека. Жизнь настолько быстро меняется, что средний человек уже не успевает за ней в своем личностном развитии. В усиление бремени свободы вносит свой вклад и глобализация, раздвигающая рамки жизненно-го пространства человека до размеров планеты. Теперь уже человеку для принятия основных жизненных решений приходится ориентироваться в ситуации, имеющей не масштабы своего небольшого городка, а всего мира. Справиться с таким усложнением когнитивной карты не всякая психика способна безболезненно. А если учесть и изменение из-за глобализации структуры ценностей, когда в своих жизненных устремлениях человеку уже приходится ориентироваться не на местных авторитетов, чей пример вполне реален, а на суперзвезды всего человечества типа Билла Гейтса или Арнольда Шварценеггера, то состояние его души начинает вызывать серьезные опасения.

Человек оказывается в ситуации фрустрации, когда понимает нереальность своей мечты. Ведь в экономическом плане от глобализации выигрывает лишь высококвалифицированный персонал транснациональных корпораций, чья зарплата растет как «на дрожжах». И хотя средний человек в развитых странах в абсолютном значении в зарплате не теряет, на фоне счастливчиков из ТНК его социальный статус — относительное явление — падает. В этой ситуации его может спасти покупка акций ТНК, но спекулятивный характер фондового рынка делает его жизнь нервной, усиливая психологическое бремя свободы. Из-за этого свобода для него становится с годами все тяжелее, и он начинает склоняться к отказу от нее ради жизни в жестко регламентированном обществе (рис. 4). Бремя свободы повышается

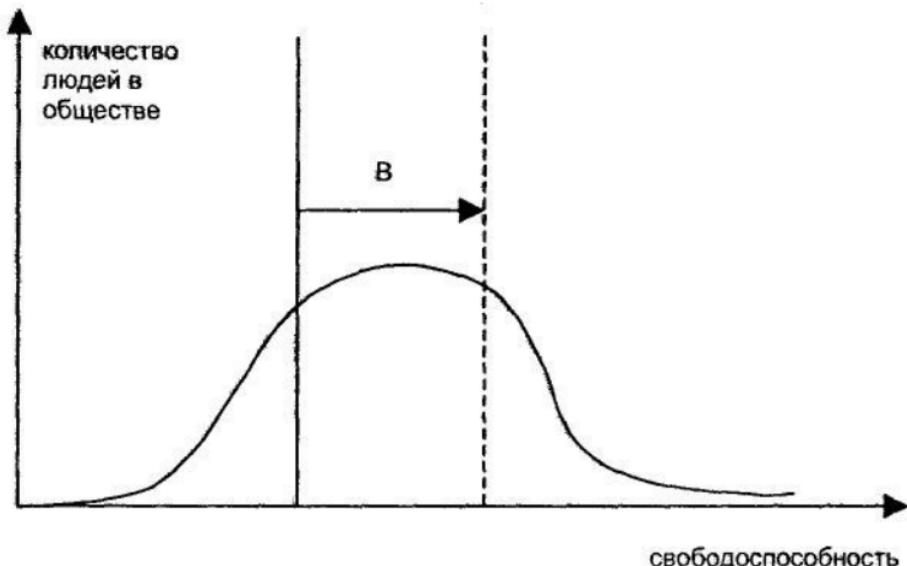

Рис. 4. Относительная деградация общества из-за увеличения бремени свободы — вектор В

обычно постепенно, но бывают и резкие скачки. Так, например, на чашу весов, меряющих тяжесть свободы, 11 сентября 2001 г. грохнулась чудовищная гиря, в результате чего по западному миру буквально прокатилась волна отказа от свободы.

Это происходило бы даже в том случае, если бы скорость личностного развития среднего человека (вектор А) оставалась прежней. Но она начинает заметно снижаться. Обусловлено это двумя факторами. Во-первых, нарушается воспитательный процесс в семьях, когда значительную часть подготовки к свободной жизни человек в детстве получал от своих родителей. Теперь из-за ускорения темпа жизни становится социальной нормой трудоголизм родителей, мешающий им быть воспитателями своих детей. Новое поколение свободного общества все чаще оказывается предоставленным самим себе и постепенно сваливается в бегство от жизни через химические и сенсорные (ритмичная музыка и танцы, часто мелькающая картинка музыкальных видеоклипов, бессмыс-

ленные компьютерные игры, блуждание в Интернете, общение в сетевых чатах, культурный и интеллектуальный уровень которого на несколько порядков ниже живого разговора, эскейпистская литература «фэнтези») наркотики.

Во-вторых, в дебилизации населения оказываются заинтересованы основные манипуляторы общественным сознанием — высшая государственная власть и крупный капитал, так как толпой примитивных людей легче управлять с помощью универсальных рекламных и политических технологий. Через подконтрольные им СМИ информационная и культурная среда общества начинает сильно упрощаться. Все это приводит к тому, что население в своей основной массе сильно деградирует в психологическом и культурном аспекте. И на рис. 5 вектор А уже разворачивается в обратном направлении.

Таким образом, мы получаем сочетание встречных процессов — резко нарастающее из-за ускорения перемен в жизни и глобализации бремя свободы и психическая деградация основной массы населения, что приводит к катастрофичному падению доли свободоспособных людей в обществе (рис. 5).

Более тщательный анализ позволил бы привести еще несколько существенных факторов усиления тоталитарных тенденций в странах развитой демократии, но, на мой взгляд, и рассмотренных выше достаточно для того, чтобы понять серьезность надвигающейся социальной катастрофы. Первыми ее симптомами являются: рост популярности ультраправых политических движений; исламизация населения; нарастание расовой ненависти коренного населения Европы к иммигрантам из стран третьего мира. Все эти три явления взаимосвязаны и фактически образуют симптомокомплекс. Так, например, расовая ненависть становится основой идеологии ультраправых. Иммигранты в развитые страны из третьего мира, попав в условия необычно широкой свободы, становятся склонны к бегству от нее в тоталитарную религию — ислам (из наиболее распространенных тоталитарных религий — ислама, иудаизма и индуизма —

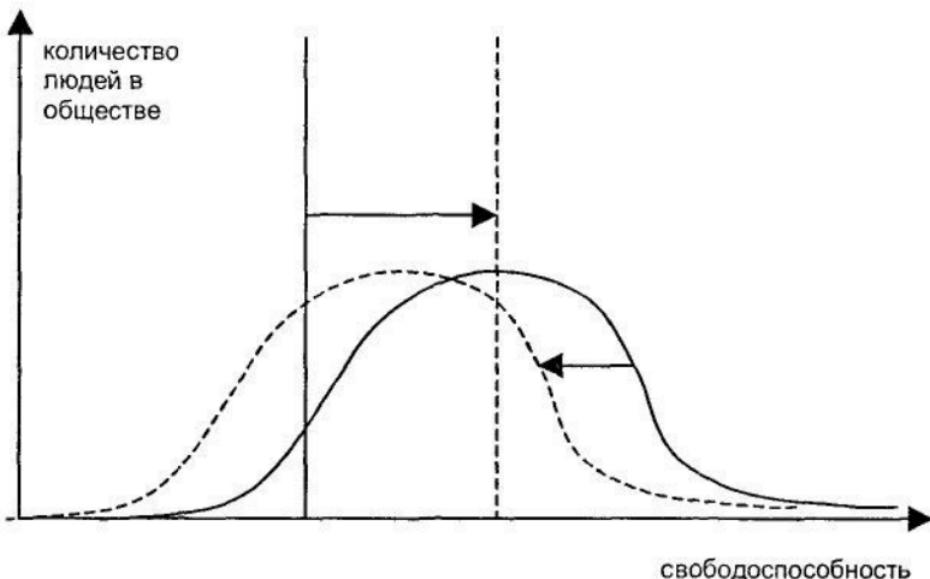

Рис. 5. Увеличение бремени свободы в сочетании с деградацией населения резко снижает долю свободоспособных людей в обществе

только первый имеет наднациональный характер). Именно ислам выступает силой, объединяющей различные нацименьшинства в единый фронт противостояния белым расистам. Помимо этого, небывалый расцвет получают различные тоталитарные секты. Таким образом, тоталитаризм уже начал свое шествие по странам западной цивилизации в своем религиозном варианте в виде ислама и сект и политическом в виде ультраправых движений.

Все это, напоминаю, сочетается с одновременной тоталитаризацией третьего мира в ответ на «консервный нож» глобализации. Чтобы повергнуть мир в ужас второй мировой войны, человечеству оказалось достаточным наличие четырех тоталитарных режимов (Италия, Германия, Япония, СССР). А когда тоталитарные режимы станут возникать повсеместно, то впору будет запасаться саваном всему населению планеты. Вот такой Апокалипсис!

Глава 16. ГЕТЕРОГЕННОЕ ОБЩЕСТВО

Проведенный в данной книге анализ механизмов самоорганизации общества показывает, что оно, как правило, стремится к максимальной унификации жизни каждого человека в нем. Оно и понятно, так как гомогенным (состоящим из однородных элементов) обществом намного проще управлять. Причем гомогенизация общества происходит как при тоталитарных режимах, так и в условиях демократической власти. Эти два варианта политической организации общества различаются лишь жесткостью социальных структур. В тоталитарном государстве все люди оказываются зафиксированными в «кристаллической решетке» жестких общественных структур, регламентирующих практически все стороны их (людей) жизни. Такое общество характеризуется очень низкой степенью личной свободы каждого его члена. Однако это может оказаться положительным моментом, если большинство общества составляют люди, не готовые психически жить в условиях значительной личной свободы. Но человек, нуждающийся в такой свободе, в тоталитарном обществе будет чувствовать себя словно в тюрьме. И тяжелая участь таких людей усугубляется репрессиями тоталитарного общества против таких «ненормальных» для него членов.

Жесткая структура общества может проявлять себя как положительными, так и отрицательными свойствами. История показывает, что тоталитарное общество оказывается легко мобилизуемым для решения в короткий срок масштабных задач (ускоренная индустриализация, победы в тяжелых войнах). Негативами такой формы организации общества оказывается сдерживание личностного развития его среднестатистического члена. Более того, исторические факты свидетельствуют, что в тоталитарном обществе

в первую очередь подвергается репрессиям из-за своего свободолюбия наиболее талантливая часть общества.

Демократическое общество, наоборот, характеризуется высокой степенью личной свободы каждого человека. Поэтому социальные структуры в нем оказываются «мягкими» в противоположность «жестким» структурам тоталитарного общества. Свободолюбивые люди в таких условиях чувствуют себя комфортно, следствием чего является их всестороннее интеллектуальное и культурное развитие. Но не всем членам демократического общества нравится существование в условиях мягких структур. Какая-то часть людей оказывается не в состоянии выдерживать бремя значительной личной свободы. Такие психически слабые люди начинают обнаруживать склонность к бегству от свободы. Проявляется это либо в их политической ультраправой ориентации, либо в поиске религиозных тоталитарных сект. Демократическому обществу такие социальные тенденции очень не нравятся, и оно всячески старается подавить их. И хотя средства при этом выбираются не столь деспотические, более свойственные тоталитаризму, но совокупное давление на людей, «предающих демократические ценности свободного общества», все равно оказывается достаточно сильным, чтобы отравить им жизнь.

Однако и мягкая структура общества может в определенных условиях проявить себя с отрицательной стороны. Дело в том, что она более адекватна существованию общества в благоприятных условиях. Прежде всего демократическое общество оказывается чувствительным к наличию угрозы внешней агрессии, способной погубить его. Общество с мягкой социальной структурой, как правило, оказывается менее жизнеспособным в условиях серьезной войны. (Именно поэтому в странах Запада после 11 сентября 2001 г. наметилась очевидная тенденция к ужесточению социальной структуры с целью повышения их обороноспособности. Но, сдается мне, Запад спохватился слишком

поздно, тем более, что в Европе надвигающуюся опасность еще до конца так и не осознали.) А тут еще общий кризис западной цивилизации серьезно подрывает способность атлантов противостоять очередному нашествию «варваров». Если же учесть объективное нарастание доли свободонесспособных людей в странах Запада, то будущее современных обществ с преимущественно мягкими социальными структурами мне представляется очень печальным. Либо они окажутся завоеванными «варварами» с соответствующими последствиями, либо выстоят перед этой внешней агрессией благодаря сильному ужесточению своих социальных структур, вернувшись в тоталитаризм.

Как быть в этой ситуации маргиналам? К жизни в каком типе общества следует им стремиться? При ужесточении социальной структуры доля свободоспособных людей в обществе может съежиться до числа маргиналов, и тогда они останутся один на один с монолитной толпой, организованной в безжалостную и нетерпимую Систему. Если же они попытаются создать гомогенное общество из одних маргиналов, то опять-таки из-за неизбежной мягкости (еще более рыхлой, чем у демократического общества, чему более подходит слово «жидкий») своей структуры оно будет еще более нежизнеспособным по сравнению с обычным демократическим. ТERRITORIALНОЕ общество (т. е. общество, включающее в себя все живущее на данной территории население и закрепившее данную территорию за собой в виде административно-правовых актов), состоящее только из маргиналов, окажется жизнеспособным только в том случае, если эта территория будет распространяться на всю планету. В противном случае локальному территориальному обществу не выстоять против международной агрессии. (Кстати, примером такого рыхлого общества маргиналов, погибшего под натиском толпы, организованной в армию, мне представляются Трансвааль и Оранжевое свободное государство. Каждый бур в условиях Южной Африки стоил нескольких английских солдат, но,

действуя в одиночку, они не смогли отстоять свою независимость). Поэтому положительная (для маргиналов) динамика увеличения доли маргиналов в обществе неизбежно будет снижать его сопротивляемость внешней агрессии «варваров».

Жизнеспособность территориального общества маргиналов мне представляется сомнительной в современных условиях еще и по другой причине. Дело в том, что существующие социальные технологии не позволяют маргиналам организовать жизнь своего общества на удовлетворительном для себя уровне. Ведь любое территориальное общество должно решать ряд организационных задач: налаживание инфраструктуры; поддержание правопорядка; регулирование экономики; ведение международной политики и др. А при существующих социальных технологиях выполнение таких функций требует участия профессиональных управленцев — государственных служащих. Маргиналам же такая работа неприятна и неинтересна. К тому же администрирование как социальное явление всегда имело свойство закабалять регулируемое общество. Поэтому здесь рождается противоречие: общество маргиналов, если доверит исполнение своих административных функций чужакам, может столкнуться с ущемлением своих свобод.

Теоретически для сообщества маргиналов в наибольшей степени подходит сетевая организация, объединяющая общину и отдельных маргиналов. Представить же себе территориальное общество, составленное преимущественно из маргиналов и организованное по сетевому принципу пока что очень трудно. Здесь можно попытаться промоделировать организацию жизни такого общества с помощью различных социотехнических и математических методов. Но мало придумать новые технологии социальной организации, развивающие сетевой принцип. Для их реализации необходима социально-психологическая зрелость самого общества и его отдельных членов, а также проверка эффек-

тивности новых методов организации социума жизненной практикой. Пока что реально можно говорить лишь о формировании экстерриториального сообщества маргиналов. Экстерриториальность предполагает возникновение связей между маргиналами, живущими поодиночке, семьями и общинами среди обычных людей.

А раз так, то следует признать, что толпа и маргиналы в настоящий период существования человечества нужны друг другу. Обе эти социальные составляющие общества являются механизмами его самосохранения. Толпа — в краткосрочной перспективе для отражения оперативных угроз (например внешней агрессии), а маргиналы как эволюционный авангард являются механизмом выживания общества в долгосрочной перспективе. Но как им ужиться вместе?

Для гармоничного существования обоих социальных типов людей в наибольшей степени подошла бы структура гетерогенного общества. Нельзя заставлять жить свободонеспособных людей в условиях свободы, а маргиналов — в толпе с жесткой организацией. Этим двум типам людей необходимо дать возможность найти в обществе варианты организации жизни, наиболее подходящие их психической природе. Для этого общество должно содержать в своей структуре два различных варианта организации жизни людей, т. е. быть гетерогенным. Это значит, что социальная структура общества должна в себе сочетать и жесткие, и мягкие элементы.

Основой такого общества, ее скелетом должна быть жесткая структура толпы. А в ее промежутках, на периферии могли бы существовать общины маргиналов, выполняющие две социальные функции: самоизоляция отклонений в поведении отдельных людей от стандартов толпы; инкубация творческих талантов.

Если с первой функцией все и так должно быть понятно читателю после чтения предыдущих глав данной книги,

то на вопросе инкубации хочу остановиться подробнее. Так получается, что главным предназначением этой книги является помочь маргиналу в том, чтобы он перестал считать себя Гадким утенком среди «добропорядочных уток» и смог осознать себя Лебедем, чье совершенство поднимает его над толпой домашней живности. А раз так, то общество должно начать понимать, что Гадких утят надо не тренировать, а холить и лелеять, надеясь вырастить из них великолепных Лебедей.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ИНКУБАТОР ГАДКИХ УТЯТ

В России в последние годы очень много ведется разговоров о поиске новой национальной идеи. Вот и я хочу подкинуть нашим обществоведам и политикам вариант такой идеи для обсуждения. Суть ее как раз и заключается в том, что Россию надо превратить в инкубатор маргиналов, способных своим творческим потенциалом монополизировать в мировом разделении труда сектор создания высоких технологий, произведений искусства и эксклюзивной ручной работы, которая все больше начинает цениться людьми, уставшими от безликости продукции массового производства. Я, конечно, понимаю нереальность осуществления этой затеи — чтобы толпа да вдруг начала «носить на руках» маргиналов, нянчиться с ними, как со своим главным национальным капиталом, этаким «золотым фондом» народа, — но почему бы и не подискутировать!

Для маргиналов общество в своем теле должно организовать заповедные островки мягкой структуры, в которых в условиях максимальной личностной свободы могли бы гармонично развиваться «курицы, несущие золотые яйца». А контакты между теми и другими были бы сведены до минимума к взаимному удовольствию всех членов общества. Чем не очередная утопия, которую стоит попробовать осуществить на практике?

Создание таких заповедников для маргиналов в теле жесткой структуры тоталитарного общества требует всего лишь (!) введения в параллельное действие двух юрисдикции. Внутри общин маргиналов должна существовать иная юрисдикция, отличная от той, по которой живет толпа. Нельзя сказать, что в общинах надо отменять действие всех законов общества. Но законодательно следует четко разграничить сферы полномочий между центральной властью и сообществом маргиналов. Должна быть сфера общественной жизни, в рамках которой каждая община маргиналов своим уставом могла бы устанавливать между своими членами отношения и нормы поведения, отличные от положений, прописанных в общих государственных законах. Например, общегосударственный закон может не допускать многоженство или гомосексуальные браки, а внутри отдельных общин это может быть нормой. Производство, хранение и употребление наркотиков для рядовых членов общества является уголовно наказуемым преступлением, а в общине маргиналов это может быть вполне законным явлением, если это будет записано в их зарегистрированном уставе.

Понятно, что действие таких локальных свобод должно распространяться только на членов соответствующих общин маргиналов. Маргин-одиночка, живущий среди обычных людей, обязан будет жить по обычным законам. Разработки отдельных правил потребует и регулирование поведения маргинала, являющегося членом какой-либо описанной общины, за ее пределами среди обычных людей. И если он будет их нарушать, отвечать за его проступки будет в том числе и вся община вплоть до ее расформирования с автоматической потерей всех локальных свобод, обеспечиваемых ее членам уставом общины.

Толпа как социальная группа и совокупность маргиналов в обществе должны иметь равный социальный статус. Две равные по социальному статусу группы с различной юрисдикцией. Для членов каждой из этих двух совокупно-

стей принадлежность к ней должна давать определенные выигрыши, в то же время сопряженные с соответствующими негативными сторонами. Для одних членов общества преимущества одной совокупности должны быть особо привлекательными, а связанные с ними ограничения не столь значимыми, то же самое должно быть верно в отношении другого типа людей, для которых будут более интересными условия жизни в другой совокупности.

Кроме предоставления дополнительных свобод в рамках отдельных общин для маргиналов, толпе придется смириться и с таким качеством сообщества маргиналов, как экстерриториальность и даже трансграничность. Воинственно настроенная толпа в таких случаях предпочитает употреблять слова «непатриотичность» и «космополитизм». Но, исходя из природы маргиналов, мне представляется естественным, что сетевое сообщество маргиналов будет игнорировать государственные границы и будет по своей сути наднациональным. В этой ситуации особое значение приобретает взаимоотношение между сообществом маргиналов и отдельными государствами. Те страны, которые будут развиваться в направлении формирования гетерогенной структуры, будут становиться привлекательной средой обитания для маргиналов. Это будет способствовать эмиграции в эти страны маргиналов, в том числе и творческой элиты, из стран, враждебно настроенных по отношению к сообществу Маргиналов. (В этом отношении маргиналам при воспитании детей особое значение следует придавать языковой подготовке для повышения их экстерриториальной свободы. Многоязычие маргиналов будет облегчать их международные связи и эмиграцию в страны с более терпимым к ним населением.) Таким образом, конкуренция между отдельными странами за наиболее талантливых маргиналов может подтолкнуть их к скорейшему реформированию своих социально-правовых структур в сторону введения гетерогенности общества.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
----------------	---

Часть 1. МАРГИНАЛ В ОБЩЕСТВЕ	8
---	----------

Глава 1. ТОЛПА И МАРГИНАЛЫ.....	8
---------------------------------	---

Маргинальность человека в обществе — это что:	8
Приговор, диагноз, судьба или миссия?.....	8
Механизм деления общества на толпу и маргиналов.	16
Природа толпы.....	27

Глава 2. ПСИХОЛОГИЯ РАЗЛИЧИЙ ЧЕЛОВЕКА
--

ТОЛПЫ И МАРГИНАЛА	40
--------------------------------	-----------

Невротичность	40
Смысл жизни и отношение к смерти.....	44
Естественность поведения.....	57
Отношение к себе и людям.....	66
Отношение к работе и отдыху.....	74
Отношение к богатству, славе и власти.....	79
Отношение к свободе.....	85

Глава 3. ПРИЧИНЫ КОНФЛИКТОВ ТОЛПЫ
--

С МАРГИНАЛАМИ	94
----------------------------	-----------

Глава 4. МЕХАНИЗМЫ ДАВЛЕНИЯ ТОЛПЫ**НА ЧЕЛОВЕКА.....108**

Социальные ожидания.....	108
Культурная и информационная среда.....	116
Ролевое принуждение.....	120
Угроза «желтым» домом.....	127
Формирование потребностей.....	130
Мода.....	134
Высмеивание.....	137
Официальная религия.....	139

Часть 2. ТРИ ФРОНТА БОРЬБЫ**МАРГИНАЛА С ТОЛПОЙ.....****144****Глава 5. БОРЬБА С БЛИЖАЙШИМ****ОКРУЖЕНИЕМ.....144**

Воспитание раба	144
Жизненные выборы	158
Человек как движимая собственность.....	165
Вся жизнь — игра.....	180
Главное — чтобы пиджачок сидел!.....	187

Глава 6. БОРЬБА С РЫНКОМ.....**198**

Религия прибыли.....	199
Общество пожирателей рекламы.....	208
Назойливые продавцы и навязчивый сервис.....	212

Глава 7. БОРЬБА С ГОСУДАРСТВОМ.....216

Государство и толпа: Имитация общественного договора.....	216
Без бумажки ты букашка, а с бумажкой — человек	221

Зона смерти.....	224
Часть 3. ПО ДОРОГЕ МАРГИНАЛА	226
Глава 8. НЕЗАВИСИМОСТЬ ЛИЧНОСТИ.....	227
Рефлексия.....	227
Непосредственность, спонтанность и включенность в настоящее.....	229
Самодостаточность.....	234
Культурная независимость.....	238
Религиозная независимость.....	241
Глава 9. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ МАРГИНАЛА	244
Пессимизм в отношении человечества.....	245
Непересекающееся сосуществование с государством	247
Отвращение к политике.....	249
Недоверие к власти.....	251
Изобретательное и аккуратное игнорирование закона	251
Поиск других маргиналов.....	253
Создание ассоциации маргиналов.....	253
Зрелость в браке.....	254
Ответственное отношение к детям.....	254
Готовность к разрыву с окружением.....	255
Поиск своей жизни перебором.....	256
Неучастие в регулярных процессах.....	257
Готовность к социальному неуспеху.....	258
Глава 10. КОНТАКТНАЯ ЗАЩИТА	258
Слушать себя.....	259
Нечувствительность к ожиданиям.....	260

Встречный огонь.....	263
Угроза жертвой.....	265
Тактика выживания души в зоне смерти.....	266
Правило поддержки меньшинства.....	268
Ставить перед фактом.....	269
Знать основные манипуляции.....	269
«Безусловный» рефлекс.....	270
Защита от близкого человека.....	271
Кодекс взаимодействия маргиналов.....	273
Глава 11. МАТЕРИАЛЬНАЯ И ИНФОРМАЦИОННАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ.....	275
Доходы маргинала.....	275
Расходы маргинала.....	282
Информационная независимость.....	285
Глава 12. УТОПИЯ «ОБЩИНА ПО ИНТЕРЕСАМ».....	288
Глава 13. ХАЙКУИЗМ КАК ЖИЗНЕННАЯ ПРАКТИКА.....	304
Часть 4. С КОЛОКОЛЬНИ МАРГИНАЛА	324
Глава 14. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ КРИЗИСА ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	325
Навязчивое желание переделывать себя и мир.....	330
Групповой прессинг.....	336
Вертикальная шизофрения.....	338

Последствия для личности и отношений с окружающими людьми.....	341
Борьба с природой.....	344
Реформы и революции.....	345
Синдром миссионера.....	347
Ярмарка тщеславия.....	348
Смерть отложенного счастья.....	349
Борьба бульдогов под ковром.....	351
Высшие ценности как инструмент грабежа.....	353
Глава 15. ВОЗВРАТ ТОТАЛИТАРИЗМА	355
Глава 16. ГЕТЕРОГЕННОЕ ОБЩЕСТВО	365
ПОСЛЕСЛОВИЕ. ИНКУБАТОР ГАДКИХ УТЯТ.....	371

Серия «Книга-сенсация»

Сергей Гладышев

Как выжить в толпе и остаться самим собой

Ответственный редактор *Е. В. Бузаева*

Исполнительный редактор *И. В. Лоза*

Технический редактор *А. М. Спивак*

Корректор *Т. С. Кузнецова*

Верстка *А. Орленко*

Художник *А. Румов*

Лицензия ЛР № 065-194 от 2 июня 1997 г.

Подписано в печать 22.05.2004 г.

Формат 84x108¹/₃₂. Бумага тип № 2.

Гарнитура NewtonC. Печать высокая.

Тираж 5000 экз. Заказ 282.

Издательство «ФЕНИКС»
344082, г. Ростов н/Д, пер. Халтуринский, 80

Отпечатано с готовых диапозитивов в ЗАО «Книга»
344019, г. Ростов-на-Дону, ул. Советская, 57.

Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам.

ЖЕНСКАЯ
ЛОГИКА
ПЕРЕКРЕСТНЫЙ
ДОПРОС

КНИГА - СЕНСАЦИЯ

Филипп
Богачев

РУССКАЯ МОДЕЛЬ
ЭФФЕКТИВНОГО
СОБЛАЗНЕНИЯ

Мы будем знать, что надо и как сказать для того чтобы убедить
и покорить любую женщину...
Чтобы быть уверенным в себе и в своих силах...
Самые эффективные техники обольщения...
Как избежать ошибок в общении с женщинами...
Секреты успеха в бизнесе...
Секреты успеха в личной жизни...
Секреты успеха в любви...

КНИГА - СЕНСАЦИЯ

ISBN 5-222-04779-2

9 785222 047798

